АҧСНЫ АҦҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АҧСУАҦҬАААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

«КАВКАЗ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОМАХ XIX–XX СТОЛЕТИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

Материалы
Международной научной конференции посвященной
100-летию со дня рождения
Георгия Алексеевича Дзидзария

АбИГИ
Сухум – 2014

УДК
ББК

«КАВКАЗ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОМАХ XIX–XX СТОЛЕТИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ». Материалы Международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария.
Сухум: Дом печати, 2016 г. – ...с.

В сборник «Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории» вошли материалы междуна-родной научной конференции, посвященной 100-летию Г. А. Дзидзария, состоявшееся в Сухуме 5-7 мая 2014 года. Книга рассчитана на специалистов историков, и всех кто интересуется историей.

Ред. коллегия:
Авидзба В. Ш., Авидзба А. Ф., Анчабадзе Ю. Д., Ачугба Т. А., Бгажба О. Х., Салакая С. Ш., Цвинария И. И., Чкок-Эшба Э. М.

© Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2016.
© АбИГИ им. Д.И. Гулиа

В. Ш. Авидзба,
Сухум

Ҳаҭыр зқәу аҧызцәа!

Аҧсны сынтәа иалкааны имҩаҧгахо аусхкәа иреиоуп аҭоурыхҭцаақәа ду, аҳәынҭқарратә, ауаажәларратә усзуҩы Гьаргь Алықьса-иҧа Ҙизариа 100-шықәса ихыҵра азгәаҭара. Урҭ иреиуоуп иахьа иаартхо аконференциагьы. Ари аконференциа рхы аладырхәырц иааит еиуеиҧшым Урыстәылатәи аҭцаарадырратә центрақәа рахьтә имаҷымкәа аҵарауаа. Азин сышәҭ – аҧшәмацәа шәыхьзала ҳасасцәа «Бзиала шәаабеит!» ҳәа раҳәара.

Уважаемые участники конференции!
Дорогие гости!

Позвольте начать свое выступление со слов благодарности нашим гостям, приехавшим из различных научных центров Российской Федерации, для участия в работе Международной научной конференции «Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории», посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа, государственного и общественного деятеля Георгия Алексеевича Дзидзария.

Абхазский народ гордится своими представителями, которые своей профессиональной деятельностью внесли заметный след в той или иной области. Особое место в этом ряду принадлежит Георгию Алексеевичу Дзидзария. То, что его жизнь и творчество проходили в пределах одной исторической – советской эпохи, со-

вершенно не гарантировало спокойное, стабильное занятие любимым делом. Более того, абхазский народ в тот период вынужден был вести борьбу за самосохранение и доказывать свою этническую идентичность, что накладывало на абхазоведов и, в первую очередь, на историков повышенные обязательства. Наряду с основной профессиональной деятельностью им приходилось заниматься общественной и государственной.

Чтобы не быть голословным приведу один пример. После Великой Отечественной войны было принято решение о закрытии абхазских школ. И в это страшное время культа личности, когда не то, что инакомыслие, но зачастую и здравомыслие могло стать возмездием за непослушание, Г. А. Дзидзария вместе с К. С. Шакрыл и Б. В. Шинкуба в 1947 г. обращаются с письмом за правдой к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову. В этом письме наряду с последствиями закрытия абхазских школ, приводилось много примеров ущемления прав абхазского народа, искажение его истории и культуры, подготовки национальных кадров. Среди них были и такие вольнодумные для того времени вопросы, как: произвольное изменение географических названий и переселение в Абхазию из различных районов Грузии. А один из пунктов данного письма вообще гласил: «Примерно с 1940 г. и само словосочетание абхазский народ «вышло» из официального употребления: абхазов нельзя называть народом».

Несмотря на максимально просительно-увещевательный тон письма, изложенный в нем фактологический материал не мог не вызвать гнева власть придержащих. Последовали репрессивные санкции – взыскания по партийной и служебной линии, отказы авторам письма в публикациях, бесконечные вызовы на бюро обкома и разбирательства. В этих условиях К. Шакрыл вовсе вынужден был покинуть пределы Абхазии, а более молодые – Г. Дзидзария и Б. Шинкуба подвергались притеснениям даже на бытовом уровне. Так, например, существуют документы, в которых директор Сухгоспединститута Р. Цулукидзе дважды обращается к Г. Дзидзария с требованием освободить «занимаемую жилплощадь в общежитии лекторов. Она крайне нужна нам для лекторов, которые приехали в институт на постоянную работу». Во втором письме отмечалось, что в случае неосвобождения жилплощади – дело будет передано в прокуратуру. Примечательно, что руководство пединститута, прежде чем уведомить об этом Г. А. Дзидзария, предусмотрительно уволило его, где. (С 1939 года Г. Дзидзария читал в институте курс лекций по истории СССР). Что касается тех, кто «приехал на постоянную работу», о ком так пекся руководитель института, то не трудно догадаться – откуда они приехали.

Перемены в лучшую сторону в жизни Г. А. Дзидзария наступили уже в постсталинскую эпоху, когда прекратились преследования, и он мог полностью отдаться своей работе. В 1957 году он сам становится ректором Сухумского пединститута, которым он руководил до 1966 года. Это было время возрождения и возвращения абхазской молодежи к знаниям, к учебе.

И все же, нужно заметить, что наиболее успешным для Г. Дзидзария было время, когда он руководил Абхазским институтом языка, истории и литературы (ныне АбИГИ). А руководил он им ни много, ни мало в течение 22-х лет – с 1966 и до конца жизни – 1988 года. Именно тогда институт был укомплектован высококвалифицированными кадрами, которые возвели абхазоведение, как научную дисциплину, на новую высоту.

Стоит особо отметить, что Георгий Алексеевич часто решал вопросы подготовки кадров, минуя вышестоящие инстанции через свои личные связи.

При этом он сам подавал пример тому, как нужно любить свою работу, оставаясь скрупулезным исследователем истории родной страны и Кавказа в целом. Благодаря его неустанному поиску в различных архивах СССР в научный оборот было введено несметное количество ранее неизвестных и труднодоступных материалов, которыми так богато снабжены все без исключения его исследования. Это сегодня многие материалы находятся в открытом

доступе, размещены в Интернете. Но тогда для того, чтобы найти интересующий архивный материал требовалось много времени и, как правило, этот поиск сопровождался съедением большого количества архивной пыли, а многие документы необходимо было еще и рассекретить.

Георгий Алексеевич Дзидзария был крупным государственным деятелем. В частности, он с 1975 по 1988 гг. являлся Председателем Верховного Совета Абхазской АССР, с 1978 по 1983 гг. был Председателем комиссии по Государственным премиям Абхазии им. Д. И. Гулиа в области абхазского языка, фольклора и истории, избирался членом Абхазского обкома партии и депутатом Верховного Совета Абхазии и СССР нескольких созывов.

Георгий Алексеевич Дзидзария – величина постоянная, как для сообщества историков, так и для его родного народа, которому он служил верой и правдой до конца своих дней. Какие бы открытия не произошли в историческом кавказоведении XIX–XX веков, какие бы изменения не происходили в жизни, обойтись без научного наследия Георгия Алексеевича представляется невозможным. Несомненно, его работы несут отпечаток времени, в котором он жил и творил. По другому было бы невозможно. Как говорил известный русский поэт-переводчик Яков Козловский: «У каждого времени свой знак на стремени. Все мы дети своих лет, ими определены наши помыслы, пристрастия, оценки и поступки. Да будем мы судимы и воспринимаемы по законам своих годов. Можно, летя на перекладных, менять лошадей, но не убеждения».

Георгий Алексеевич жил и творил в советскую эпоху, которая содержала в себе не только недостатки, но, как то стало очевидным сейчас, и достоинства. Стало быть, оценивая его работы, особенно посвященные советскому периоду – необходимо подходить объективно.

Родной коллектив ученого по мере сил и возможности делает всё, чтобы его научное наследие стало доступным молодому поколению ученых. Так, нами изданы: 3-й том его трудов, 3-х томник

материалов по истории Абхазии из его личного архива, брошюры, отражающие страницы его жизни. Ученым советом института принято решение переиздания всех его работ. Первый том данного издания уже находится в производстве, к сожалению, не успели издать к юбилею, хотя и планировали.

В программе конференции, предусмотрены доклады, посвященные непосредственно жизни и творчеству Георгия Дзидзария, есть темы, касающиеся проблем историографии Кавказа, различных проблем взаимоотношений народов Кавказа с Российской империей, рассказывающие об исторических сюжетах Великой Отечественной войны, состоянию и развитию науки в различных республиках и многих других важных вопросах.

Для участия в работе конференции приехали наши коллегии из Москвы – Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Института социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона, Российского государственного гуманитарного университета, Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(у) МИД РФ; Ростова-на-Дону – Южного Федерального университета, Республики Адыгея – Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, Майкопского государственного технологического университета; Карачаево-Черкесской республики – Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований; Кабардино-Балкарской Республики – Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований; Республики Дагестан – Института истории, археологии и этнологии Дагестанского научного центра.

Позвольте еще раз поблагодарить всех, кто нашел возможность приехать к нам и пожелать всем участникам конференции успешной работы.

Разрешите работу конференции объявить открытой.

С. Ш. Салакая,
Сухум

ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЗИДЗАРИЯ

Выдающийся абхазский историк Георгий Алексеевич Дзидзария родился 6 мая (23 апреля по старому стилю) 1914 г. в с. Лыхны Сухумского округа, как тогда называлась Абхазия, в крестьянской семье. Рано потеряв отца, он ощутил на себе все тяготы жизни в период меньшевистской оккупации и первые годы Советской власти. В 1924 – 1929 гг. учился в Гудаутском детском доме-интернате, затем Сухумской образцовой абхазской школе-интернате им. Н. А. Лакоба (ныне – Сухумская 10 Горская школа), где проявилась его тяга к истории. В 1934 – 1939 гг. учился в знаменитом Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), одном из ведущих вузов СССР того времени, основанного на базе историко-философского отделения МГУ. Там он получил прекрасное историческое образование. В студенческие годы он проявил склонность к исследовательской работе и после окончания МИФЛИ был принят на работу в Абхазский научно-исследовательский институт (ныне – АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА), в котором проработал до конца жизни, пройдя путь от младшего научного сотрудника до директора института. Одновременно читал лекции в Сухумском гос. педагогическом институте (с перерывом). В 1953 – 1957 гг. – заместитель директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В 1957 – 1966 гг. – директор Сухумского гос. пед. института. С 1966 г. – директор АбНИИЯЛИ. В 1946 г. защитил кандидатскую, в 1958 г. – докторскую диссертацию.

Профессор (1960). Член-корреспондент АН ГССР (1974). Заслуженный деятель науки ГССР (1961) и Абхазской АССР (1964).

Был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Абхазской АССР, председателем ВС Абхазской АССР, делегатом ряда партийных форумов, председателем Абхазского отделения Общества «Знание» и исторического общества и т. д. За свою научную и общественную деятельность награжден орденами и медалями СССР и другими правительственными наградами. Лауреат Государственной премии Грузинской ССР в области науки и техники (1979) и Государственной премии Абхазской АССР им. Д. И. Гулиа (1980).

История XIX – начала XX веков – один из наиболее сложных, противоречивых и в то же время наиболее изученных периодов многовековой истории Абхазии. В освещение новой истории Абхазии внесли существенный вклад ученые разных поколений: С. П. Басария, К. Д. Кудрявцев, А. В. Фадеев, А. А. Олонецкий, И. Г. Антелава, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, О. Х. Бгажба, Т. А. Ачугба, С. З. Лакоба и др. Однако, несомненно, наиболее весомый вклад в изучение истории Абхазии XIX – начала XX веков внёс Г. А. Дзидзария. Он являлся крупнейшим специалистом новой и новейшей истории Абхазии, при этом в сферу его научных интересов входили практически все стороны истории Абхазии данной эпохи. Ему были одинаково интересны вопросы присоединения Абхазии к России и установления Советской власти, социально-экономическая история дореформенной Абхазии и вопросы формирования абхазской интеллигенции, проблемы махаджирства и исследования революционного движения и многие другие проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков. При этом исследователь стремился показать события, происходившие в Абхазии, в сравнении с аналогичными событиями в соседних регионах, искал не только конкретные факты, но и общие закономерности.

Вскоре после прихода в Абхазский научно-исследовательский институт Г. А. Дзидзария издаёт первую самостоятельную научную работу – «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века»[1]. Несмотря на небольшой объём, книжка содержит богатый фактический материал. В ней ярко обрисована борьба ведущих держав за Абхазию и Кавказ в целом в начале XIX века, дан яркий образ владетеля Абхазии Келешбея Чачба-Шервашидзе, внешняя и внутренняя политика которого оценивается автором высоко. При этом Дзидзария писал, что Абхазия была всё же завоевана Россией и что власть Сафарбея (Георгия) Чачба держалась лишь на русских штыках.

Период борьбы за Советскую власть являлся для Г. А. Дзидзария – сына киаразовца – одним из любимых: он уделял этому времени много внимания и неоднократно к нему возвращался, введя в научный оборот множество архивных материалов, документов, мемуаров и т. д. В 1946 году Г. А. Дзидзария защитил кандидатскую диссертацию по теме «Абхазия в 1917–1918 гг. »[2], в которой основное внимание уделялось борьбе за установление Советской власти в 1918 году.

Занимаясь наукой и педагогической деятельностью Г. А. Дзидзария, являлся гражданином и патриотом, который всем сердцем болел и переживал за свой народ, находившийся в это время в очень непростой ситуации. Именно поэтому он стал одним из авторов (вместе с К. С. Шакрыл и Б. В. Шинкуба) письма в ЦК ВКП(б) о грубых нарушениях в национальной политике Абхазии[3]. После этого письма началась травля его авторов, которые были обвинены как буржуазные националисты и антисоветчики, им было вынесено строжайшее партийное взыскание. Вскоре после этого Г. А. Дзидзария был уволен из Сухгоспединститута. По

[1] Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940.

[2] Дзидзария Г. А. Абхазия в 1917–1918 гг. // Тезисы диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Тб. : 1946.

[3] Абхазские письма (1947–1989) // Сборник документов. Т. I. – С. 81, 87.

его собственным словам, ему было выражено политическое недоверие и предъявлено требование освободить жилплощадь, принадлежавшую пединституту. [1] Возможно, именно в связи с начавшейся травлей так и не была опубликована написанная в эти годы статья «Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западе Кавказа в первой половине XIX века»[2] (включена в III том его «Трудов»[3]), а также монография о Келеш-бее, за которую на VIII Сухумской городской партконференции учёный был подвергнут резкой критике со стороны директора Сухумского пединститута Р. Цулукидзе, который работу не читал и даже не держал в руках[4]. Дальнейшая судьба монографии не известна, не обнаружена она и в личном архиве ученого.

Г. А. Дзидзария был среди тех, кто активно боролся за преодоление последствий «культа личности» Сталина и его приспешников в Абхазии. В многочисленных выступлениях на различных съездах, собраниях, конференциях он ставил вопросы о грубых нарушениях национальной политики в Абхазии, искажениях и преступлениях, допущенных в освещении истории и настоящего абхазского народа[5].

В эти годы выходит его первая большая монография «Восстание 1866 г. в Абхазии»[6]. В этом фундаментальном исследовании, автор использует документы, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. Главный упор в монографии делается на раскрытие антифеодального характера восстания 1866 года; автор вскрывает и обосновывает общие и непосредственные причины восстания, широко освещает его ход, определяет характер и движущие силы.

[1] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. Сухум, 2006. – С. 474, 514, 515.

[2] Дзидзария Г. А. Указ. соч. – С. 105, 141.

[3] Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии Х1Х – начала ХХ веков в абхазской историографии. Сухум, 2009. – С. 44-45.

[4] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. Сухум, 2006. С. 473-474

[5] См. Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. Сухум, 2006 г.

[6] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 г. в Абхазии. Сухуми, 1955.

Г. А. Дзидзария проявлял серьёзный интерес к вопросам социально-экономического развития Абхазии дореформенного периода, (написал целую серию интересных статей)[1]. Исследования учёного в области народного хозяйства и социальных отношений в XIX в. были обобщены им в докторской диссертации «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.)», которая была успешно защищена в Тбилиси в 1958 г. (Г. А. Дзидзария стал первым абхазом-доктором исторических наук). В том же году диссертация была издана в виде отдельной монографии[2]. В ней на основе большого архивного и мемуарного материала, а также данных этнографии, фольклора и языка, автор исследует следующие вопросы: 1) территория и население Абхазии в первой половине XIX в. ; 2) народное хозяйство Абхазии; 3) сдвиги в экономике Абхазии в предреформенный период; 4) классовая структура феодальной Абхазии; 5) упразднение владетельской власти и введение русского управления; 6) борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта[3].

Работа «Народное хозяйство…» является одной из вершин абхазской исторической науки. Она содержит много ценнейшего материала и таким образом содействует значительному расширению наших взглядов на историю Абхазии XIX века. Конечно, в ней имеются и определённые недостатки, главным образом связанные с общими недостатками, характерными для советской марк-

[1] Дзидзария Г. А. К истории крестьянства предреформенной Абхазии: повинности категории анхаю (пиоши). // Тезисы докладов научной сессии АбНИИ, 20, 21 января 1953 г. Сухуми, 1953; Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии // Труды АбНИИ. Т. 26. Сухуми, 1955; Крепостные крестьяне в предреформенной Абхазии: категория ахоую. // Труды АбНИИ. Т. 27. Сухуми, 1927; Развитие торговли в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды АбНИИ. Т. 28. Сухуми, 1957; там же: Ахашвала – самая низшая социальная категория феодальной Абхазии XIX века.

[2] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми, 1958.

[3] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария (К 90-летию со дня рождения). Сухум, 2006. – С. 59.

систской историографии и, в первую очередь, это касается чрезмерного преувеличения классового фактора. Также имелись и так называемые «местные» особенности – обязательное увязывание с грузинской историей и т. д. Однако, в целом, работа является крупнейшим исследованием социально-экономической истории Абхазии XIX в. и, наверно, ещё долго останется таковой.

Ещё одним вкладом в изучение истории Абхазии стала следующая монография Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение»[1], вышедшая к 150-летию этого знаменательного события. Хотя вопрос о присоединении Абхазии к России давно привлекает историков и получил частичное освещение в целом ряде работ, однако он впервые специально исследуется в данной монографии. Автор вводит в научный оборот значительный конкретно-исторический материал из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума и других городов, использует большое количество опубликованных источников.

Присоединение Абхазии к России рассматривается в тесной связи с развитием восточного вопроса на широком фоне сложной и быстро меняющейся в начале XIX века обстановки на Ближнем Востоке. В данной работе Г. А. Дзидзария придерживается мнения, что присоединение к России являлось единственно правильным решением, избавившим абхазский народ от этнической раздробленности и междоусобных воин, усугублявших замкнутость хозяйственной жизни.

Затем учёный возвращается ко второй главной теме своих исследований, а именно к событиям революционных лет и борьбе за установление Советской власти. В 1963 г. вышла в свет очередная капитальная монография Г. А. Дзидзария «Очерки истории Абхазии. 1910–1921»[2]. В этой работе автор не ограничивается только революционной борьбой. Он освещает панораму весьма сложной

[1] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.

[2] Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921. Тб. : 1963.

и противоречивой жизни Абхазии начала XX века. Подробно рассмотрены народное хозяйство Абхазии и глубочайший кризис, фактически разрушивший всю её экономику в годы Первой мировой войны и особенно меньшевистской оккупации.

Вслед за серией исследований, посвящённых борьбе за Советскую власть, учёный возвращается к истории X1X века. В 1975 году вышла в свет, несомненно, главная книга Г. А, Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», ставшая классическим трудом не только абхазоведения, но и всего кавказоведения[1]. Это исследование отличается необычайной глубиной и размахом, охватывая почти все стороны истории Абхазии XIX века, начиная от присоединения Абхазии к России и до конца столетия.

Огромное место в монографии занимает махаджирство. Вероятно, самая большая трагедия в истории абхазского и большинства других горских народов Кавказа. Проблема махаджирства – насильственного и вынужденного переселения значительной части жителей Кавказа в Турцию – всегда волновала историков-кавказоведов, но была недостаточно глубоко изучена. Долгое время эта тема была под негласным запретом. Её изучение не поощрялось, так как, по мнению кремлёвских идеологов, могла повредить дружбе народов и привести к национальной розни. Даже когда тема перестала быть закрытой, практически не было сделано никаких специальных исследований по этому вопросу, вплоть до появления монографии Дзидзария. И хотя впоследствии, особенно с конца 80-х годов появилось большое количество работ, посвящённых изучению махаджирства, особенно в республиках Северного Кавказа, работа Г. А. Дзидзария до сих пор остаётся основным фундаментальным исследованием по этому вопросу. Книга написана на основе тщательного изучения обширного фактического материала, извлечённого автором в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума, а также документальных публикаций, мемуаров, прессы и других источников. Г. А. Дзидзария ввёл в научный оборот много ценных документов, десятилетиями пылившихся в архивах.

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; второе дополненное издание. Сухуми, 1982.

Абхазское махаджирство рассматривается как часть переселенческого движения народов Кавказа, а проблема выселения горцев с родной земли, в целом на широком фоне международной политики ряда европейских держав на Востоке. Такой подход позволил автору глубоко и всесторонне охарактеризовать историческую обстановку переселения и вскрыть основные причины махаджирства. Из всего содержания книги вытекает, что махаджирское движение не имело причинной связи с внутренними процессами развития края, наоборот, оно было чуждо народу, который был крепко привязан к родной земле и на протяжении тысячелетий мужественно защищал её от многочисленных завоевателей[1].

По мнению Г. А. Дзидзария, главными причинами переселения являлись: колониальная политика царизма на Кавказе; агрессивные акции султанской Турции, стремившейся к удержанию этого края; провокационная роль западных, особенно английских колонизаторов, стоявших за спиной Турции и добивавшихся ослабления России на Ближнем Востоке; предательская роль местной реакционной туркофильствующей феодальной знати, религиозный фактор. Также, по мнению исследователя, переселению содействовали и такие факторы, как стремление трудящихся избавиться от тяжёлой и бедной жизни на родине; стремление царских властей и местной знати избавиться от «ненадёжных» и «вредных» элементов и получить дополнительные земельные фонды; родоплеменные и псевдородственные отношения и т. д. [2]

Монография не ограничивается только изучением махаджирства, а рассматривает это явление в комплексе со всем историческим процессом. Чтобы подойти к решению главной проблемы,

[1] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария… – С. 104, 105.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство… – С. 5, 8.

автор должен был глубоко изучить социальное, экономическое и политическое положение Абхазии XIX века, рассмотрев их в связи с общекавказскими проблемами.

Конечно, с точки зрения современного исследования в работе «Махаджирство…» имеются и определённые недостатки, в первую очередь они связаны с идеологическими установками того времени. Среди них традиционно характерные для марксизма – преувеличение роли классовой борьбы в истории.

Итогом многолетних исследований учёного по изучению истории, культуры и общественного движения в Абхазии в Х1Х – нач. XX вв. стала очередная капитальная монография Г. А. Дзидзария «Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции»[1]. Эта проблематика частично затрагивалась как в прежних работах автора, так и в трудах других исследователей, но специального исследования не было.

Автор прослеживает процесс формирования абхазской интеллигенции от присоединения Абхазии к Российской империи до момента установления Советской власти в Абхазии. Отмечается, что если в начале это были представители высших сословий, в основном члены владетельской фамилии и их приближенные, то затем были охвачены более широкие слои, включая и крестьянство. Особо подчеркивается роль российской интеллигенции в создании абхазской письменности и их положительном влиянии на абхазское общество. Отмечается и роль грузинской интеллигенции в формировании абхазской интеллигенции, правда, по понятным причинам (тогда это было просто невозможно) ничего не сказано об их участии в переселении грузин в Абхазию. К началу XX в. интеллигенция составляла уже достаточно значительную прослойку в абхазском обществе, весьма неоднородную в своем составе и интересах.

Г. А. Дзидзария являлся одним из соавторов первого учебного пособия по истории Абхазии, написанного совместно с другими

[1] Дзидзария Г. А. Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции. Сухуми, 1979.

ведущими абхазскими историками З. В. Анчабадзе и А. Э. Куправа. [1] Из-за многочисленных препон (даже название «История Абхазии» вызвало недовольство многих чиновников и учёных в Грузии), книга смогла выйти лишь в 1986 году, когда один из авторов (З. В. Анчабадзе) уже скончался. В ней охватывается вся история Абхазии от возникновения первобытно-общинного строя вплоть до середины 80-х годов XX столетия. Раздел «Новое время» написан Г. А. Дзидзария. В него включены семь глав (VI–XII), охватывающих время от присоединения Абхазии к России до установления Советской власти в Абхазии в 1921 году.

Также Г. А. Дзидзария написано много научных статей, посвящённых различным вопросам истории Абхазии XIX – начала XX веков. Кроме того, он подготовил к печати и был редактором целого ряда сборников, документов, в основном связанных с борьбой за Советскую власть в Абхазии. Учёный также являлся главным редактором и членом редколлегии «Трудов АбНИИ» и Сухумского госпединститута[2].

Только после смерти Г. А. Дзидзария были изданы два тома его «Трудов»[3]. Значительно позднее вышел 3 том «Трудов», включивший неопубликованные работы учёного[4] и подготовленный Г. А. Дзидзария сборник материалов по истории Абхазии[5]. Недавно Ученым Советом АбИГИ было принято решение вновь начать издавать «Труды» Георгия Алексеевича, потому, что большинство его работ ученого уже стали библиографической редкостью. И вот 1 том уже увидел свет. [6]

[1] Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Сухуми, 1986.

[2] Подробную библиографию работ Г. А. Дзидзария см. : Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. – С. 174, 209.

[3] Дзидзария Г. А. Труды., кн., 1, 2. Сухуми, 1988, 1990.

[4] Дзидзария Г. А. Труды., кн., 3. Сухум, 2005.

[5] Материалы по истории Абхазии Х1Х века. 1803–1839. Ч. 1 (сост. Г. А. Дзидзария). Сухум, 2008.

[6] Дзидзария Г. А. Труды. Т. 1. Сухум. 2014.

С. Г. Кудаева,
Майкоп

ВКЛАД А. Г. ДЗИДЗАРИЯ В ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ АБХАЗО-АДЫГСКОГО МАХАДЖИРСТВА

В истории Северокавказского региона XIX век стал переломным. Одной из центральных проблем, вобравших в себя политическую, социальную и экономическую историю региона, явилась Кавказская война и, как следствие, переселение большей части населения в пределы Османской империи. В наши дни в историческом знании все более четко проявляется интерес к проблемам эмиграций народов, происходит накапливание опыта систематического исследования их причин и последствий. Но при этом в историографии трудно найти проблему, которая столь бы зависела от политической конъюнктуры, как история Кавказской войны и северокавказского махаджирства.

Событием особой важности в российском кавказоведении явился выход в свет в 1975 году монографии Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия»[1]. Можно с уверенностью сказать, что это был первый большой шаг вперед в объективизации освещения проблем, связанных с переселением. И в настоящее время исследование Г. А. Дзидзария продолжает оставаться наиболее крупной специальной работой по проблемам переселенческого движения народов края. В этой работе наряду с проблемами абхазского махаджирства автор касается общих вопросов проблемы кавказской эмиграции, особенно адыгских. Именно Г. А. Дзидзария ввел в научный тезаурус термин «махаджирство» для характеристики северокавказского переселения. На первой же странице монографии автор пишет: «Переселенческое движение на Кавказе, получившее необычайно широкий размах в XIX веке, особенно на определенных его отрезках, имело свою глубокую специфику. Речь идет о переселении, в основном насильственном и вынужденном, коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи, известном в истории под названием «махаджирство» (мухаджирство) и являющемся той трагедией, которая поставила целые древние народы на грань их полного исчезновения. Это относится, прежде всего, к адыгейцам (черкесам), убыхам и абхазам, к этим «трем самостоятельным величинам», которые «оказались после выселения или совсем не представленными в числе народностей Кавказа или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений»[1].

Этой многозначительной фразой автор подчеркивает масштабность и трагизм этого явления, а также необходимость его комплексного изучения. Известно, что процесс исторического познания проявляется в движении мысли от событий истории к пониманию причин, характера развития и последствий исторических явлений. Мы убеждаемся, что в работе Г. А. Дзидзария выдержана именно такая логическая последовательность в исследовании северокавказского махаджирства. Наряду с анализом общих закономерностей и особенностей истории народов региона, характеристики основных волн махаджирства автор достаточно подробно поднимает вопросы внутренней и внешней политики России, Турции и западных держав, что представляется весьма важным, так как переселение на Кавказе имело несколько этапов, связанных, как правило, с крупными внутренними и международ-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 4

ными событиями. В работе четко расставлены акценты на причастности тех или иных сторон к происходящим на Северо-Западном Кавказе событиям, а также обозначены цели и задачи противоборствующих в регионе держав.

Хотя трудно провести четкую грань между проблемами абхазского и адыгского махаджирства, тем не менее, общая концепция политики Российской империи и других государств в регионе, особенности процесса переселения с учетом специфики социально-экономического и политического развития отдельных частей западнокавказского региона прослеживаются по основным вехам. Попытаемся выделить наиболее значимые из них.

Автором совершенно справедливо отмечено, что более всего в ходе Кавказской войны пострадали адыги. Это подтверждается и современным состоянием адыгского этноса. В настоящее время по неофициальным данным адыгский (черкесский) этнос включает в себя более чем трехмиллионную диаспору, а проживающих на своей исторической родине только чуть более семисот тысяч (адыгейцы, черкесы, кабардинцы). Адыгское переселение, пожалуй, не имеет аналогов в мировой истории. Анализ этнического и количественного состава переселенцев (с учетом имеющейся статистики) подтверждает, что 57 человек из каждых 100 переселившихся северокавказцев были адыгами[1].

Если оценивать степень трагизма судьбы какого-либо народа по соотношению количества его представителей, проживающих на исторической родине и численности диаспоры, то едва ли найдется в мире народ, чья судьба сложилась бы столь трагически. Заметим, что такое соотношение у армян – два к одному, у евреев – один к четырем, а у адыгов – один к шести[2]. Несомненно, возникает множество вопросов, но в числе первых продолжает стоять вопрос о причинах столь массового переселения и его последствиях.

[1] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007. – С. 89.

[2] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007. – С. 88.

Одним из существенных аспектов монографии Г. А. Дзидзария является то, что автор значимое место отводит изучению военных мероприятий со стороны царского самодержавия, а это, естественно, невозможно в отрыве от внутри и внешнеполитической ситуации в регионе. В работе автору не удалось избежать некоторых идеологизированных оценок ряда принципиальных положений, а именно, когда речь идет о «добровольном политическом присоединении кавказских народов к России уже в XVI веке»,[1] что легко объясняется невозможностью отхода от господствовавшей в тот период в исторической науке марксистско-ленинской методологии. Тем не менее, это не помешало реконструировать цельную картину процесса складывания северокавказского направления внешней политики Российской империи, определить ее основные этапы, а также исследовать причины, обусловившие переход к широкомасштабным военным действиям по присоединению Северо-Западного Кавказа. Этому способствовали и избранные хронологические рамки, а также весьма обширная и разнообразная источниковая база.

Автор характеризует внутреннюю и международную ситуацию в регионе, а также политику Российской империи с момента присоединения Восточной Грузии в 1801 году и последующего перехода под покровительство России ряда княжеств западной части, в том числе и Абхазского. Здесь же отмечается, что «сложные международные отношения заставляли русских дипломатов соблюдать большую осторожность в решении вопроса о присоединении Абхазии, несмотря на то, что Россия, в свою очередь, была весьма заинтересована в этом. Завладев Абхазией, она могла с юго-запада вплотную подойти к другим горским племенам,

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 30.

находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ к Черному морю… »[1].

Таким образом, как отмечает далее автор, речь шла о крае, который должен был стать плацдармом для расширения российских владений на Западном Кавказе. Турция также «добивалась возврата своих утерянных позиций и мечтала превратить Северо-Западный Кавказ в неприступный бастион против Российской империи»[2]. Уже в начале века четко прослеживаются планы противоборствовавших в регионе держав и, особенно России. «Черкесия, занимавшая западную часть Кавказского хребта вместе с прилегающей к нему полосой предгорий, спускающихся в Прикубанскую низменность, оказалась в фокусе борьбы между Россией, с одной стороны, и Турцией и Англией – с другой. Было ясно, что, не включив прочно в свой состав эту страну, а затем и Дагестан, Россия не могла сохранить за собой Закавказье»[3]. Т. е. обусловленность «стремления царизма к окончательному утверждению своего господства на всем Кавказе» очевидна. Это «диктовалось также желанием обеспечить новые рынки сбыта и источники сырья для растущей российской промышленности, поскольку рамки внутреннего рынка были весьма ограничены и стеснены крепостническим строем, желанием обладать торговыми путями, проходившими через Кавказ в Иран и Азиатскую Турцию». Г. А. Дзидзария далее пишет, что позднее императором Николаем I в рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича с предельной четкостью были сформулированы военно-феодальные методы политики царизма на Кавказе, которые заключались в «усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных»[4].

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 31-32.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 40.

[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 39-40.

[4] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 42.

Совершенно обоснованно в качестве рубежного события в монографии рассматривается подписание Адрианопольского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1828-1829 гг. В четвертой статье, касающейся кавказской проблемы, говорилось, что весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно, «пребудут в вечном владении Российской империи»[1]. Османская империя лишалась всех опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа, а Россия приобрела важную в стратегическом отношении военно-морскую базу – Анапу. Условия Адрианопольского мира «не только пресекали экспансию Турции в этом направлении, но и подрывали ее экономическое и политическое влияние среди горцев Северо-Западного Кавказа, значительно сокращалась работорговля, меновая торговля». Кроме того, неизбежно было падение политического престижа и влияния ислама, «которое и без того не было прочным»[2].

Как отмечает автор, «спорный вопрос» о прибрежных зонах, был окончательно решен. Если до заключения Адрианопольского мира царское правительство, опасаясь внешнеполитических осложнений, особенно с Англией, не преследовало широких наступательных операций (война с Ираном и Турцией сорвали осуществление плана «покорения» Кавказа, разработанного А. П. Ермоловым), то теперь, николаевская дипломатия подготовила почву для утверждения колониальной администрации силой оружия на всей территории между Кубанью и берегом Черного моря. Отныне вопрос ставился категорически: полная «покорность» горцев или их физическое истребление.

В этот период царским правительством предпринимается значительное продвижение русских войск вдоль Черноморского побережья. Имеются сведения, что в результате трех походов ге-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 55.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 55.

нерала А. А. Вельяминова в 1834, 1835, 1836 годах в долины Абина, Шебжа, Бакана, Атакуафа, Хабля уничтожено около 200 аулов, а уцелевших порядка 70. А на карте 1860 года долина Абина, где в 30-е годы помечено большое число аулов, совершенно безлюдна[1]. Г. А. Дзидзария пишет, в 1843 году в Псху (около 500 дворов), был послан карательный отряд в 3700 человек. Автор отмечает, что самым тяжелым последствием карательных экспедиций 30–40 годов была частичная эмиграция населения в Турцию и не подвергает сомнению значительность их размеров[2].

Но царская армия не была еще готова для блокирования побережья на всем его протяжении. Обширный план покорения горцев, разработанный И. Ф. Паскевичем и утвержденный Николаем I, не удалось осуществить так быстро, как хотелось бы царскому правительству. Планом или «обширным предприятием» (Абхазской экспедицией) предусматривалось «продолжение освоения сухопутного по берегу моря сообщения от крепости Анапа до Поти». Осуществить это удалось только в 1864 году. Но, тем не менее, с 1837 года построен ряд береговых укреплений, которые в 1839 году были объединены в Черноморскую береговую линию, которая, в итоге, не оправдала возлагавшихся на нее задач[3].

Очевидно, автор убедительно показал, что в 30–40 годах Северо-Западный Кавказ занимал особое место во внешнеполитических планах Турции, России и западных держав. В первую очередь это обусловливалось стратегической значимостью региона. После заключения Адрианопольского трактата война России на Северо-Западном Кавказе принимает легальный характер. С упрочением позиций России на Ближнем Востоке и укреплением ее позиций на Черном море создается почва для утверждения колониальной

[1] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007. – С. 137.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 67, 68.

[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 59.

администрации силой оружия, что положило начало массовой эмиграции автохтонного населения края.

Но именно события заключительного периода Кавказской войны (с 1856 по 1864 годы) оказали наиболее пагубное воздействие, усилили переселение коренных народов Северо-Западного Кавказа, что также получило широкое освещение в работе.

Г. А. Дзидзария пишет, что после Крымской войны царское правительство получило возможность сконцентрировать на Кавказе большие военные силы – до 200 тыс. солдат и офицеров. Было решено задержать все войска, двинутые сюда в период войны с Турцией, и «вести борьбу с горцами без перерыва, летом и зимой, до полного их поражения». Автор отмечает, что по признанию многих «компетентных» лиц едва ли все это привело бы к «решительным результатам», если бы не был изменен установленный Ермоловым и Воронцовым «образ ведения войны» и не была принята система «водворения прочных» казачьих поселений в «покоренных» местах, приведенная в исполнение с 1860 года командующим войсками Кубанской области генералом Евдокимовым, кстати, избранным самим Александром II исполнителем своей «державной воли»[1].

Поскольку условия Парижского мира не давали возможность России базироваться на Черном море, был принят план генерала Евдокимова – при «покорении» этой части Кавказа опираться на кубанское казачье войско и линиями новых поселений «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах», «совершенно вытеснить… из страны». Поэтому царские войска заняли со стороны Черного моря: на юге – Сухум и Гагры, «необходимые для владения Абхазией; на севере – Анапу и Новороссийск, а затем усиленным крейсерством и частыми десантами тревожили «непокорные» прибрежные племена[2]. С этого времени активные

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 176.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 177.

военные действия царских войск практически не прекращались вплоть до полного очищения края от автохтонного населения.

Принимая за основу данные Г. А. Дзидзария, можно выделить основные события этой самой крупной волны переселения.

В результате решительного наступления царизма на Кавказе в конце 50–60-х гг. XIX столетия развернулось массовое переселение адыгов Западного Кавказа в пределы Оттоманской Турции. Можно выделить основные события этой самой крупной волны переселения адыгов:

– С 1858 г. вопрос о переселенческом движении адыгов Западного Кавказа становится предметом «весьма деятельной» дипломатической переписи царского правительства с оттоманским.

– В августе 1859 г. Шамиль был вынужден сложить оружие. Это событие сильно отразилось на Северо-Западном Кавказе. Усилилось наступление русских войск.

– Лето 1859 г. – бжедуги первыми заявили о своей «покорности» или согласии переселиться в Турцию.

– Ноябрь 1859 г. – капитулировал Мухаммед Эмин.

– С 1860 г. – главным средством покорения Кавказа была «признана» военная колонизация, с чем было и связано принудительное выселение горцев.

– В 1862 г. – начато официальное выселение адыгейских (черкесских) племен, когда 10 мая состоялось «высочайшее утверждение» постановления Кавказского комитета о переселении горцев, которое в действительности, как мы видели, последовало за усилившимися военными действиями на Северном Кавказе после Крымской войны. Прежде всего, был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов, чтобы широко развернуть колонизацию в данном районе.

– Октябрь 1863 г. – с абадзехами и шапсугами было покончено.

– Февраль 1864 г. – по требованию Евдокимова абадзехи оставили свои жилища – одни для поселения на прикубанской равнине, другие для переселения в Турцию.

– К 19 апреля 1864 г. войска не встречали уже в горах убыхов – они тронулись в Турцию.

– Июль 1864 г. псуховцы и другие племена вынуждены были спуститься к морскому берегу для отправления в Турцию.

По выражению одного из участников военных операций на Кавказе Р. А. Фадеева «действия порохом и железом кончились»[1]. Так завершилась одна из драматических эпох в истории Кавказа.

Масштабы этого заключительного акта Кавказской войны подтверждаются сведениями о том, что для осуществления плана, предложенного графом Н. И. Евдокимовым, были сформированы Адагумский, Шапсугский и Абадзехский отряды. В распоряжении командующего войсками Кубанской области в 1861 г. находилось 47 батальонов, 22 эскадрона, 114 сотен, 28 батарейных и облегченных орудий, 30 легких, 28 конных, 36 ракетных станков. Большая часть этих войск была сосредоточена на пространстве между Лабой и Белой и разделена на 4 отряда – Абадзехский, Верхне-Абадзехский, Мало-Лабинский и Верхне-Лабинский. Во всех отрядах около 20-ти батальонов, 6 эскадр, 30 сотен, 14 батарей, 18 легких и 12 конных орудий, 20 ракетных станков и 250 транспортных повозок. Шапсугский отряд находился на р. Супь. Отдельный отряд находился на верхней Кубани для построения станиц[2]. На пространстве около 500 верст, от верховьев р. Лабы и р. Белой до берегов моря у Анапы в состав действующих отрядов было выставлено 24 полка конницы (20 тыс. всадников) и 10 пеших пластунских батальонов (в 10 тыс. штыков), которые составляли в тех же отрядах авангарды, рекогносцировочные колонны и разведочные партии, которые шли впереди регулярных войск.

А если к этому добавить, что позади «тянулись бесчисленные колонны переселенческих транспортов тех же кубанских казаков

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. – С. 176-206.

[2] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик, 2007. – С. 162-163.

для водворения на показанных местах казачьих станиц, закреплявших за ними очищенную от неприятеля (адыгов – С. К.) страну…», подавляющее действие этих мер можно не комментировать. Вряд ли в такой ситуации у кого-то могла появиться надежда, что на новых местах они могут обрести спокойную жизнь[1].

Анализ и сравнение существующих статистических данных позволили ориентировочно назвать число адыгов, переселившихся из Северо-Западного Кавказа в пределы Османской империи за период с 1857 по 1877 гг. : 1 млн. 400 тыс. – 1 млн. 500 тыс. чел. [2]

После эмиграции значительной части адыгов в пределы Османской империи количество оставшихся в Закубанском крае составляло около 100 тыс. Через 10 лет после окончания Кавказской войны их оставалось 10 тыс. человек[3].

К концу 80-х гг. XIX в. в Кубанской области уже насчитывалось 176 станиц. По данным 1901 г. в общем составе народонаселения Кубанской области адыги составляли 5,5 % всего населения. А в документах за 1905 г. в группу иногородних отнесены и горские племена, находившиеся в Кубанской области[4].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что Г. А. Дзидзария удалось на весьма обширной историографической базе выделить основные этапы формирования концепции колонизации Северо-Западного Кавказа и выработки особого курса правительства в отношении коренных народов региона. Автор убедительно показал, что именно события заключительного этапа

[1] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик, 2007. – С. 169-170.

[2] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик, 2007. – С. 190-198.

[3] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007. С. 247.

[4] Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007. – С. 250.

Кавказской войны (1856 – 1864 гг.) имели определяющее значение при решении вопроса о переселении. Эскалация военных действий российских войск, широкое применение регулярных частей, артиллерии, морская блокада, строительство новых линий и крепостей превращали неравную борьбу автохтонного населения в безнадежное дело. Идея «вытеснения» его с исторической родины стала центральной в планах российского самодержавия.

В. М. Пачулия,
Сухум

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ АБХАЗОВ XIX В. В ТРУДАХ Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

В историческом прошлом абхазского народа значительное место занимают войны. Вся история Абхазии насыщена самоотверженной борьбой абхазского народа за свободу и независимость страны. Не раз на протяжении многих веков долины и горы Абхазии подвергались нашествиям различных завоевателей – эллинов (древних греков), скифов, римлян, готов, византийцев, персов, арабов, генуезцев, турок, грузин, мегрелов и иных охотников до чужого добра.

Кроме того, не надо умалчивать о том, что в древности не раз абхазцы вели войны за расширение своей территории и своих границ. Источники свидетельствуют о том, что в горниле всяких испытаний абхазский народ проявлял храбрость и мужество.

В одной из книг, изданных в 1858 г. Генеральным Штабом Военного Министерства Российской империи говорилось: «Абхазцы отличаются воинственностью»[1]. Далее следует: «Абхазцы с десятилетнего возраста начинают носить при себе оружие, состоящее из кинжала, шашки и винтовки»[2].

Однако, кроме таких кратких характеристик о военной истории абхазов ничего нельзя было встретить в существующих публикациях.

[1] Статистическое описание губерний и областей Российской империи. СПб., 1858, т. XVI, ч. 5. – С. 264.

[2] Там же.

Только благодаря выдающемуся абхазскому ученому-историку Георгию Алексеевичу Дзидзария, стали известны нам героические боевые страницы абхазского народа.

В известном труде Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (Сухуми, 1960), освещается борьба абхазского народа против Османской империи, особенно, восстания 1725, 1728, 1733, 1771 годов. В рамках рассматриваемой темы представляют особый интерес мобилизационные возможности, т. е. сколько вооруженных людей, а также вооружения и техники могла выставить Абхазия в начале XIX века перед присоединением к России. Автор приводит следующий эпизод. В 1806 году, когда владетель Абхазии Келешбей решил окончательно порвать с султанской Турцией и перейти под покровительство России, турецкое правительство объявило для наказания абхазцев отправить в Сухум флотилию из Трапезунда и сухопутные войска – из Ахалциха и Эрзерума. Скоро к берегам Абхазии подошла турецкая эскадра в составе 11 судов с войсками.

Г. А. Дзидзария показывает убедительно на основе достоверных источников, что на защиту Абхазии от турок Келешбей выставил 25 тысяч воинов. Наряду с ними были выставлены артиллерия, конница и флот. На море вышли 600 военных галер, принадлежащих Келешбею. Тогда в Абхазии действовали несколько судоверфов. В начале XIX в. Келашбей построил 70-пушечный корабль и подарил его турецкому султану. Вышеуказанные парусные суда с артиллерией на борту постоянно курсировали вдоль Черноморского побережья от Поти до Туапсе[1]. Турецкая эскадра, убедившись в решимости абхазского народа «защищаться доколе будет возможно, вынуждена была удалиться»[2]. Однако, на этом история абхазской армии и флота завершается в связи с присоединением Абхазии к России и отсутствия в них надобности.

[1] История Абхазии. Гудаута, 1993. – С. 160.

[2] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – С. 50-52

В следующих трудах Дзидзария освещаются стычки, бои, в целом сопротивление мирного абхазского населения войскам Российской империи.

В 1837 году состоялась первая крупная карательная экспедиция русских войск в Цебельду под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена.

В конце декабря 1840 года русские войска совместно с милицией из абхазских феодалов завладели Багадскими воротами и ворвались в Дальское ущелье, варварски отнеслись к населению. Но Дал по-прежнему оставался непокорным. В 1843 году в Псху был послан царский карательный отряд из 3700 человек под командованием самого владетеля Абхазии[1].

В 1864 году покорение Кавказа близилось к концу. 25 марта русские войска заняли Сочи – сердце убыхской земли. Русской армии продолжали сопротивляться только отдельные западно-абхазские народности, проживавшие в ущелье верховья рек Мзымта и Бзыбь. Это айбговцы, ахчипсоувцы и псхувцы. Дзидзария показывает, что западные абхазы, вынуждены были воевать с численно превосходящими силами в несколько раз. К ним были направлены 4 колонны царских войск. Первой колонной, под начальством командующего войсками в Абхазии генерала Н. П. Шатилова, было предписано идти от Гагр на Айбгу и, заняв ее, направиться в Ахчипсу (Ахчипсы), т. е. в нынешний район Красной Поляны, второй колонне (десантной), под начальством генерала Д. И. Святополк-Мирского, – высадившись у устья р. Мзымта (Адлер), наступать по ее долине, третьей колонне генерала В. А. Геймана – от Кубанского поста идти в верховье р. Сочи, а оттуда, параллельно Главному хребту, тоже в Ахчипсоу, т. е. в Красную Поляну, четвертая колонна генерала П. Х. Граббе должна была из Северного Кавказа от истоков р. Малой Лабы перейти через Главный хребет на южный склон к ущельям Мзымта и идти навстречу второй колонне. Самое упорнее сопротивление встретили они в ущелье р. Псоу, где обитали воинственные аибговцы[1].

Айбговцы решились защищаться до последней возможности. С этой целью они укрепили теснину, сквозь которую прерывается р. Псоу и проходила единственная тропинка с сильными завалами. Стараясь задержать здесь войска, аибговцы с прилегающих скал сбрасывали на них огромные камни и бревна. Таким образом, они четыре дня**,** мужественно удерживали отряд генерала Шатилова, который по признанию главнокомандующего Кавказской армии «понес самую значительную потерю». Защищали родное гнездо все – вплоть до женщин. Видя такое положение, командование двинуло в обход Аибга сильный отряд, который «после жаркой перестрелки достиг аибговских аулов, расположенных на правой стороне р. Псоу. Тем временем генерал Шатилов занял аибговскую котловину и 18 мая перевалил оттуда в Ахчипсоу. Айбговцы и ахчипсувцы, потерпев поражение, вынуждены были оставить свои жилища и двинуться к Черному морю для переселения в Турцию[2].

К 20 мая все четыре колонны царских войск с разных сторон сосредоточились в центре очищенной земли ахчипсовцев – Губа-адвы, ныне Красная Поляна, где было проведено 21 мая 1864 года торжество в присутствии самого наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича Романова, по поводу покорения русскими всего Кавказа[3].

Еще 2 апреля 1864 года псхувцы изъявили покорность, но не оставили свои жилища. Поэтому в июле сюда были двинуты царские войска с Северного Кавказа через Санчарский перевал и две сотни милиции абхазских феодалов из Сухума. К 20-23 июля уже были заняты оставленное населением село Псху, жители, которого спустились в урочище Хабю. Здесь в это время царские войска блокировали урочище Гунырхва, где незадолго до этого посели-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Изд. 2-е доп. Сухуми, 1982 г. – С. 69-71

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии. – С. 192-193.

[2] Там же. – С. 193-194.

[3] Там же. – С. 194-195.

лось 802 человека из Аибга и Ахчипсу. Вскоре и они были выселены, и при этом их жилища и большие запасы кукурузы и фасоли были уничтожены, а в наказание за сопротивление к выселению в пользу войск были отданы отобранные у них 220 голов скота. Псхувцы, аибговцы, ахчипсовцы вынуждены были спуститься к морскому берегу для отправления в Турцию, за исключением 107 семейств псхувцев, изъявивших желание переселиться на Северный Кавказ[1].

Г. А. Дзидзария занимался не только исследованиями, но и подготовил к отдельному изданию статьи первого абхазского этнографа, подполковника русской армии Соломона Званба. В одной из его статей «Зимние походы убыхов на Абхазию», опубликованной в 1852 году в тифлисской газете «Кавказ» даются сведения о военном строе убыхов и о боевых качествах абхазов. Он пишет: «Не лишним нахожу сказать здесь несколько слов о боевых качествах абхазцев и убыхов. Убыхи хорошо действуют массами в открытом поле и в этом отношении имеют преимущество над абхазцами, абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками, дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением, и в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами»[2].

Сам Званбая С. служил с 1828 года в русской армии и проявил себя храбрым и талантливым командиром. В 1855 году во время обороны опасного участка Ингурского фронта, известного под названием Нариманиевской переправы, подполковнику С. Т. Званбая было поручено руководить боем. Находясь впереди своей батареи, под неприятельским огнем бесстрашный командир погиб от боестолкновения с 30-тысячной турецкой армией[3].

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – С. 194-195.

[2] Званба С. Т. Этнографические этюды: Сухуми, 1955. – С. 51.

[3] Там же. – С. 16.

Более подробные сведения по военной истории абхазов середины XIX века мы черпаем из книги Г. А. Дзидзария «Восстание 1866 года в Абхазии» (Сухуми, 1955). Здесь содержатся весьма любопытные материалы о боевых действиях абхазских повстанческих отрядов в Сухуме и Пицунде.

После известных событий 26 июля 1866 года в Лыхны, вечером того же дня было объявлено по селениям о походе на Сухум и Пицундское укрепление. А в этот же день часть повстанческих отрядов, состоявших из жителей Аацы, Анухва, Псырцха, Яштуха и Гума, были направлены на Сухум. Однако, движение повстанцев было приостановлено разлившейся в результате сильного дождя рекой Гумиста. Всадники переправились через бурную реку, пешие же ушли с нижнего течения реки и направились вверх, к с. Гума. Они к своим подоспели только на следующий день[1].

27 июля, в 3 часа дня в Сухуме повстанцы в числе до двух тысяч человек конницы и пехоты с боем заняли Баалоускую поляну (Трапецию), где были расположены войсковые казармы и лазарет, спустились в Ботанический сад, а затем под прикрытием домов начали двигаться к морю.

Г. А. Дзидзария раскрывает тактику повстанческих отрядов и порядок их взаимодействия. Он пишет, что абхазские повстанцы старались охватить г. Сухум с трех сторон и оттеснить русских стрелков. Они оставили задачу завладеть крепостью, для чего заготовили лестницы. Наступательные действия повстанцев были отражены около 10 раз благодаря артиллерии. Многие строения в г. Сухуме загорелись от разорвавшихся бомб, которыми осыпала повстанцев крепостная артиллерия[2].

Автор излагает далее любопытные материалы в структуре абхазских повстанческих войск. Он пишет, что повстанцы стали лагерем на Баалоуской поляне, и они делились по селам, на «огни». Для общего руководства был избран Совет из четырех, куда входи-

[1] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 148-150.

[2] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 151-152.

ли крестьяне Камгаз Хагба, Зафас Гумба Лаз Ладария и дворянин Шмаф Маги[1].

Г. А. Дзидзария, изучив подробно причину неудачи абхазских повстанцев, приходит к выводу, что она вызвана предательствам князей и дворян. Например, дальский князь прапорщик Алмахсит (Михаил) Маршания со своим отрядам совместно с русскими солдатами Кавказского линейного укрепления, пытался отрезать путь восставшим к Сухуму. Кроме таго, Алмахсит Маршания перевел в Цебельдинское укрепление сотню Кутайсского конно-иррегулярного полка, находившегося на Военно-Сухумской дороге. Заодно с Алмахситом действовал и его младший барт Адамур Маршания. Их примеру последовал цебельдинский князь Хирипс Маршания, отряд которого находился постоянно в сборе. Цебельдинский гарнизон, спасенный братьями Маршания, ударил затем в тыл абхазских повстанцев[2].

Между тем, 28 июля на рассвете, повстанцы получив подкрепление, предприняли очередное наступление на войска Сухумского гарнизона, стараясь оттеснить их к морскому берегу. Но эта атака была отбита ружейным огнем и картечью из пушек.

Дзидзария показывает, что несмотря на слабое вооружение повстанцы дрались крепко. Он приводит слова русского полковника Кульмана о том, что некоторые дома «приходилось брать штурмом, горцы гибли в них, но не сдавались, кроме, 3 человек, захваченных в одной из засад[3].

Повстанцы, зная, что гарнизон слаб, старались до прибытия подкрепления завладеть городом. Находившиеся в крепости на четырех бастионах полевые орудия действовали бесперебойно как картечными, так и гранатометными выстрелами, в толпы повстанцев и в дома, в которых последние организовали засады. Кроме того, с моря русские шхуны, крейсируя вдоль берега, об-

[1] Там же. – С. 152.
[2] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 153.
[3] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 156.

стреливали фланговые подступы к городу. Тем временем, повстанцы сожгли армейские казармы, дома на возвышенностях и много других строений и, засев в занятых домах, в том числе, в доме Коньяра, постепенно продвигались к крепости[1].

Дзидзария отмечает далее и другую немаловажную причину, неуспеха повстанцев – отсутствие лидера, руководителя восстания.

29 июля прибыл в Баалоуский лагерь сын последнего абхазского владетеля Георгий Шервашидзе. Повстанцы стали воспевать его, характеризуя его, прежде всего, как лидера. Но в силу молодости и колебания он не стал им.

Дзидзария обращает внимание также на боевую символику повстанцев. История абхазских боевых знамен уходит в далекое прошлое. В лагерь повстанцев привезли наряду с княжеским знаменем и народное знамя, изготовленное из красного кумача, с вышитой на нем шашкой. Красное знамя держал в руках житель селения Гума Джигра Авидзба, а княжеское знамя было вручено анухвскому дворянину Беслангуру Миканба[2].

Еще 29 июля в Сухум из разных селений Бзыбской Абхазии прибыли еще несколько крестьянских отрядов. В тот же день на Совете был разработан план штурма крепости. Операцию предполагалось провести по всем правилам. Но силы были неравные. Восстание не охватило всю Абхазию. Дзидзария установил, что в штурме Сухума участвовали только жители Калдахвара, Блабурхва, Отхара, Хуап, Мгудзырхва, Звандрипш, Емхы, Джирхва, Чигурхва, Дурипш, Ачандра, Лыхны, Куланырхва, Аацы, Анухва, Псырцха, Ешера, Гума, Яштуха, Цебельда (Цабал), Абжаква.

Наступление должно было начаться на рассвете 30 июля с трех сторон. Один отряд должен был двигаться по главной улице и завладеть городом. Второй отряд, в авангарде с гумцами: нанести удар по крепости. Абжакавцы, цебельдинцы и другие готовились

[1] Там же. – С. 157.
[2] Там же. – С. 158.

ударить со стороны р. Беслетки. Отряды, действовавшие в Бзыбской Абхазии должны были занять Пицундское укрепление[1].

На рассвете 30 июля, часа в 4 или 5, отряд повстанцев, предназначенный для занятии города, как описывал корреспондент газеты «Кавказ», «довольно стройно, рядами, со значком…, с военной песнью вышел из ущелья и направился по улице Подгорной слободки к саду». Оттуда он стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город. Но повстанцы наткнулись на крупные силы. Царское командование уже успело сосредоточить в Сухум до 8 тысяч штыков и сабель с артиллерией. В это время к Сухуму приближались царские подкрепления: Самурзаканская, Абжуйская, мингрельская и гурийская милиции[2].

Во второй половине дня 30 июля русские войска под общим командованием Мирского перешли в контрнаступление. Корреспондент газеты «Кавказ» писал, что «абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было оттуда выбить», Активная перестрелка продолжалась более 4 часов и прекратилась лишь к самому вечеру. С моря повстанцев обстреливали. Повстанцы отступали в свой лагерь. Отряд, который должен был занять крепость, запоздал и, заметив неудачу другого наступавшего отряда, без боя отошли назад. В этом сыграл свою предательскую роль гумский князь Мажара Анчабадзе. Неожиданно открыто изменил и абжаквский князь Беслан Чаабалурхва, заявивший, что будет выступать на стороне правительственных войск. Вследствие этого было парализовано и действие отряда, занимавшего высоты со стороны Беслетки.

Дезорганизованные крестьяне разошлись по домам. Правда, цебельдинские крестьяне в этот день несколько раз врывались в город. Но это не могло спасти положение. Сказывалось отсутствие единства и твердого руководства. Силы крестьян оказались слишком распыленными, а их действия несогласованными, чтобы вести

[1] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 159.
[2] Там же. – С. 160-163.

борьбу с регулярными войсками. Измена абхазских феодалов довершила дело.

Отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии расположился 29 июля вокруг Пицундского укрепления и в 11 часов утра 30 июля начал штурмовать его, но сильный огонь гарнизона заставил их и на этот раз отступить и скрыться в лесу. 1 августа крестьяне разошлись, оставив небольшой отряд в лесу[1].

Следует также заметить, что с 1810 года, с периода присоединения Абхазии к России, отсутствия собственных войск привело постепенно к упадку военного дела у абхазов в XIX веке.

В целом, Г. А. Дзидзария дал нам описание наиболее характерных войн и сражений, в которых принимали участие абхазы в XIX веке. Он остается крупнейшим исследователем по проблематике военной истории абхазов, несмотря на отсутствие у него специального труда.

[1] Там же. – С. 164-165.

Ю. Д. Анчабадзе,
Москва

АБХАЗСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Г. А. ДЗИДЗАРИЯ И В СУДЬБАХ XX СТОЛЕТИЯ

В 1979 г. в издательстве «Алашара» вышла монография Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции». Монография стала значительной вехой в творчестве ученого, значительным достижением абхазской историографии в целом. Это крупное, объемное, многоплановое исследование Оно основано на обширной источниковой базе, его хронологические рамки охватывают более, чем вековой период истории Абхазии, а нарратив «населен» большим количеством персоналий, жизнь и деятельность которых автором прослежена детализированно и скрупулезно.

Вообще Георгий Алексеевич был мастером масштабных исследовательских полотен. Вчитываясь в его крупные, объемные исследования, создается впечатление, что автор не просто описывает хронологическую последовательность событий и процессов, но реконструирует и воссоздает само течение истории, следуя за ходом исторического времени в темпоральном континууме исследуемой проблемы. Этому, собственно, способствовали и сами проблемы, которые ученый выбирал для изучения. У Г. А. Дзидария явственно прослеживался интерес к переломным, эпохальным явлениям прошлого, к событиям, которые знаменовали собой сдвиг исторических пластов, смену вех, являлись катализатором социальных и духовных процессов в обществе. Такое историческое значение имели присоединение Абхазии к России, Кавказская война и трагедия махаджирства, революционные процессы начала века и поиски Абхазией перспектив своего политического развития, эволюция экономической структуры абхазского социума и др. Каждой из этих проблем была отдана значительная часть творческих сил ученого, и каждый раз исследовательская работа завершалась написанием крупной монографии.

В этот ряд можно поместить и монографию «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции». Однако положение ее несколько своеобразно. Появление монографии было встречено, – я бы не сказал равнодушно, но нарочито сдержанно. Во всяком случае, она не имела столь оглушительного резонансного успеха, как вышедшая за четыре года до этого монография, посвященная махаджирству[1]. Она не была встречена радостным удивлением и восхищением, как первая опубликованная работа Георгия Алексеевича[2], – написанная молодым абхазским историком она воспринималось в те трудные для Абхазии годы как своеобразное подтверждение силы и творческого самостояния абхазского народа. Вполне заслуженно продолжал сохраняться высочайший авторитет исследования, в котором глубоко и всесторонне анализировались базисные социально-экономические основы функционирования традиционного абхазского общества[3] и ряд других фундаментальных монографий ученого.

Между тем, отдав дань столь актуализированной и животрепещущей проблематике, ученый «вдруг» обращается к изучению истории интеллигенции. На фоне других исследований Г. А. Дзидзария, которого, как было сказано, интересовали, прежде всего, эпохальные, переломные события и процессы в истории Абхазии,

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века. Сухуми: Алашара, 1975.

[2] Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми: Абгиз, 1940.

[3] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. (До крестьянской реформы 1870 г. Сухуми: Абгиз, 1958.

избранная тема могла показаться мелкой и частной проблемой. Между тем, ученый посвящает ей свой новый большой труд, причем объемность материала, множественность сюжетных линий, обширность и разнообразие задействованных источников, глубокие и вдумчивые размышления и др. свидетельствуют, что выбор данной темы был для Георгия Алексеевича не просто очередным поворотом исследовательского интереса, но очень личным поступком, в котором эмоциональные переживания сочетались с пониманием важности декларирования данной проблематики, ее легализации и утверждения в общественном сознании абхазов, равно как и в представлениях об абхазах и их истории у других народов.

Подготовка к изданию большого труда идет постепенно. Исследовательская практика показывает, что обычно отдельные сюжеты, темы и направления находят первоначальное воплощение в публикуемых статьях, заметках и т. д., которые автор периодически вводит в научный оборот и которые затем входят составной частью в будущую большую монографию. Подготовка к изданию «Истории формирования абхазской интеллигенции» прошла тот же апробированный путь: в процессе исследовательской работы Г. А. Дзидзария периодически выступал с отдельными биографическими публикациями, вследствие чего в местной прессе («Советская Абхазия», «Апсны капшь») стали появляться его статьи, посвященные деятелям абхазской истории и культуры[1].

Особенность этих публикаций состояла в том, что зачастую их героями были не победители соцсоревнования, не рекордсмены чайных плантаций, не проходчики ткварчельских шахт, не борцы за народное счастье – революционеры (хотя и о них, в соответствии с принятым идеологическим трендом, писалось, естественно, много), а лица совсем другой профессиональной и мировоззренческой сферы: учителя, врачи, инженеры, адвокаты и др. При этом многие из них – страшно сказать – были из дворянского сословия, а некоторые – еще страшнее – имели священнический сан. А у многих вторая – через тире – дата жизни: 1937, 1938, 1939 годы…, что также много говорило осведомленному читателю. Появление этих статей было, безусловно, общественным событием, так как каждая публикация открывала новое абхазское имя, новое абхазское поприще, новую абхазскую судьбу.

Каковы были концептуальные и теоретические подходы Г. А. Дзидзария к раскрытию исследуемой темы?

Известно, что существует огромное количество определений понятия *интеллигенция*. Считается, что само это явление, как и определяющий его термин, зародились в России. Но именно в российском научном дискурсе, так и не выработано четкого определения и общепринятой дефиниции данного феномена. Г. А. Дзидзария также не дает его терминологического обоснования. Думается, это сделано вполне сознательно. Автор оказывается от семантизации объекта исследования, не желая сковывать себя жесткими понятийными рамками, которые, обретая в этом случае идеологические и политические коннотации, могли бы ограничить исследовательское поле и эвристические возможности его научной работы.

В то же время, анализируя материал монографии, можно попытаться определить критерии, которые для Г. А. Дзидзария являлись существенными при определении «своего» понятия интеллигенция. Очевидно, что они не связывались с уровнем образования – среди героев книги есть лица, которые по формальным признакам имели не слишком высокий образовательный ценз. Г. А. Дзидзария исключил из числа критериев сферу профессиональной деятельности – среди персонажей монографии много гуманитариев, но не малое количество занятых в иных областях социальной активности. Несущественным оказывается и социальный статус – за-

[1] Нужно отметить, что в тот период биографические исследования вообще стали активно развиваться в абхазской историографии. К ним проявляли интерес и в этом жанре работали Ш. Д. Инал-ипа, Б. Е. Сагария. Л. М. Прицкер, работал и продолжает работать А. Э. Куправа.

мечательные представители дореволюционной абхазской интеллигенции были выходцами из самых разных классов и сословий. Автор отбросил и критерий оппозиционности[1] – многие абхазские интеллигенты были вполне лояльны власти и господствующей в обществе идеологии.

Г. А. Дзидзария вводит иной критерий. По его мнению, принадлежность к интеллигенции определяют, прежде всего, общественная деятельность индивида, ее побудительные мотивы и социально-позитивные результаты. При этом очевидно, что для автора важна именно *деятельность*, потому что все замечательные герои его монографии – это люди, которые своей социальной активностью, профессиональными навыками и возможностями деятельно вносили свой вклад в общественное благо и народное процветание.

Последовательное применение данного критерия позволило Г. А. Дзидзария объединить в рамках социальной прослойки интеллигенции самых разных членов абхазского социума, представляющих многообразие его социальных, профессиональных, политических, гендерных и иных страт. Так, автор большое внимание уделяет князю Георгию Михайловичу Шервашидзе (18-1918). Сын последнего владетеля Абхазии, поэт, драматург, писатель, публицист, получивший прекрасное образование, владевший, помимо родного абхазского, русским, грузинским, европейскими языками, он представлял тип абхазского интеллектуала, появление которого стало возможным в результате эпохальных трансформаций, пережитых Абхазией на протяжении XIX столетия.

В то же время одним из персонажей исследования Г. А. Дзидзария является, например, замечательный, обоятельнейший Алексей Иванович Агрба (1862-1941), деятельно и скромно работавший на благо Абхазии. А. И. Агрба был высококвалифицированным

[1] Как известно, многие исследователи считают основным признаком интеллигенции оппозиционность, или же критическое отношение к власти и государственному режиму.

ветеринарным врачом. Он успешно боролся с эпизоотиями и болезнями крупного рогатого скота, вел среди крестьянства в этом направлении большую просветительскую работу. В то же время Алексей Иванович оставался человеком весьма широких гуманитарных интересов. Он стал компаньоном известного эстонского ученого-лингвиста Леонгарда Мазинга и по его просьбе собирал в селах Абхазии языковой и фольклорный материал, понимая его непреходящую ценность и для науки, и для Абхазии.

Обозначенный теоретический подход дал возможность Г. А. Дзидзария ввести в круг абхазской интеллигенции Раждена Ивановича Какуба (1873-1941). Выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения он был первостроителем шоссейных дорог и мостов, а впоследствии и железнодорожных линий в Абхазии. В то же время Ражден Иванович был активным участником общественной жизни. Г. А. Дзидзария указывает, что он был в числе создателей «Общества по распространению просвещения среди абхазцев», «Общества содействия молодым абхазцам, обучающимся в высших учебных заведениях». Будучи членом Абхазского народного совета, Р. И. Какуба активно отстаивал политические интересы Абхазии и ее народа.

Ярким представителем абхазской интеллигенции Г. А. Дзидзария считал, например, Николая Васильевича Ладария (1866-1924). Посвятив себя духовной стезе, активной православной миссионерской деятельности, Николай Васильевич одновременно являлся деятельным участником культурного движения в Абхазии, в частности видным организатором церковноприходского образования в Абхазии. Н. В. Ладария известен как автор интереснейших воспоминаний о годах махаджирства[1], он участвовал в переводческой работе, способствуя тем самым расширению художественных и терминологических возможностей абхазского языка.

Вообще плеяда просвещенцев, педагогов, учителей составляла значительную часть абхазской интеллигенции, и Г. А. Дзидзария

[1] Ладария Н. В. // Исторический вестник. 1891. № 46, октябрь.

в своей книге выводит целую портерную галерею этих великих тружеников и просветителей родного народа. Это – Фома Христофорович Эшба (1856-1928), Константин Васильевич Марщан (1874-1941), Антон Иванович Чукбар (1885-1938) и другие деятели на ниве народного образования. Им выпало быть первыми в великой генерации абхазского учительства, впоследствии количественно увеличившейся, сыгравшей поистине выдающуюся роль в духовном и культурном развитии народа.

Г. А. Дзидзария очень интересовало развитие абхазского печатного слова – и не только художественного. К тому времени в абхазском научном литературоведении было достаточно хорошо изучены этапы зарождения абхазской литературы, имелись глубокие литературоведческие исследования творчества Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, И. А. Когония и других представителей первого поколения абхазских писателей, поэтов, драматургов. Но тщательные и скрупулезные исследования позволили Георгию Алексеевичу ввести в контекст истории абхазской интеллигенции других литераторов того времени – это публицисты, журналисты, «корреспонденты с мест» и др. Они активно выступали на страницах периодической печати и в своих публикациях, статьях, заметках по существу формулировали проблемы, задачи и цели, которые стояли в тот переломный период перед абхазским народом. «Абхазцы и их потребности» – так назвал одну из своих статей в «Черноморском вестнике» Алексей Михайлович Эмухвари. В ней он говорил о проблемах школьного образования Абхазии, о мерах по охране народного здравия, о необходимости строительства дорог, которые позволили бы оживить экономическую и общественную жизнь в Абхазии, о регламентации переселенческого движения. «Наши цели и задачи» – таково было программное название одной из статей другого замечательного абхазского публициста С. П. Басария.

К личности Симона Петровича Басария (1884-1941) Г. А. Дзидзария проявлял особый интерес. Он посвятил специальное исследование его жизни и деятельности, издал некоторые его работы[1]. Жаль, что цензурные ограничения того времени помешали Г. А. Дзидзария рассмотреть ту сторону деятельности С. П. Басария, которая, возможно, интересовала ученого больше всего – активность Симона Петровича как одного из лидеров Абхазии, председателя Абхазского Народного совета в 1917 г., его политические взгляды, актуализированная публицистика и др. Поэтому на страницах «Истории формирования абхазской интеллигенции» С. П. Басария присутствует лишь как педагог, краевед, автор трудов, имеющих чисто научное значение, в частности, замечательного исследования «Абхазия в экономическом, этнографическом и географическом отношении» (вышедшего, правда, уже в советское время, в 1925 г.).

Впрочем, перечислить все персоналии, ставшие предметом внимания со стороны Г. А. Дзидзария, не представляется возможным. Рассматриваемая монография густо «населена», ее именной указатель насчитывает более двух сотен имен.

Обращаясь к теме интеллигенции, Г. А. Дзидзария вступал на достаточно опасную стезю. Дело в том, что подобная тематика в советской историографии того периода не приветствовалась, и тот, кто самостоятельно решался на изучение этого социального слоя общества, выглядел весьма подозрительно, как подозрительно выглядела сама интеллигенция, тем более дореволюционная. У истоков негативистского восприятия интеллигенции стоял сам основатель советского государства. Известно, что В. И. Ленин искренне и яростно ненавидел интеллигенцию, выразив свое к ней отношение известной экспрессивной аттестацией, позаимствованной из подзаборной лексики. Посвятив специальную статью Льву Толстому и как будто воздав должное русскому гению, вождь мирового пролетариата все же припечатал великого писателя определением «истасканный, истеричный хлюпик, называемый

[1] Басария С. П. Избранные сочинения / Предисл. проф. Г. А. Дзидзария. Сухуми: Алашара.

русским интеллигентом»[1]. В дальнейшем ленинские крайности были несколько подретушированы, и уже И. В. Сталин, выступая 25 ноября 1936 г. на VIII Чрезвычайном съезде Советов с докладом по проекту Конституции СССР, говорил о «трудовой советской интеллигенции», тем самым четко обозначив официальный взгляд на социальный генезис этой прослойки в социалистическом обществе.

Г. А. Дзидзария формально также придерживается социологизаторского подхода, щедро навешивая на интеллигенцию разного рода определения. Так, на страницах «Истории...» встречаются такие ее авторские градации, как дворянско-помещичья, буржуазная, трудовая и даже пролетарская интеллигенция. Однако сколько бы не вчитываться в текст монографии, невозможно найти спецификационной линии разделения между названными группами интеллигенции и указать на сущностный признак, который отличал представителя дворянской от, скажем, демократической интеллигенции (еще одно определение, встречающееся на страницах монографии).

Создается впечатление, что автор просто соблюдает «правила игры», стараясь формально не выйти за пределы ограниченного цензурно-идеологическими рогатками поля. Исследовательски же Г. А. Дзидзария создает совсем другой образ интеллигенции, коренная сущность которой отнюдь не связана с нахождением ее представителей на той или иной ступени социальной лестницы. Главный признак принадлежности к корпорации, как было сказано, – это побудительные мотивы общественной активности и ее социально позитивный контекст, направленный на достижение общественного блага. Иными словами, абхазская интеллигенция была носителем определенной миссии, которая для нее была четко определена – это радение и забота о народе, подвижничество для народа, работа по приобщению его к цивилизационным благам, который обозначил для человечества век XIX-й и сулил наступивший XX-й; своей важной миссией интеллигенция считала защиту народа от самодурства власти, чиновничьего произвола, от столкновений с непонятными для традиционного сознания коллизиями социальной жизни.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во политической литературы, 1968. Т. 17. – С. 209.

При этом у абхазской интеллигенции, в отличие, например, от русских народников, не было задачи *ходить* в народ, узнавать что-то о народе, впитывать в себя народные идеалы, делая их основой личностной и корпоративно-групповой идентификации. В этом не было необходимости, так как она сама являлись плоть от плоти народа, прекрасно зная его чаяния и нужды. Абхазская интеллигенция, безусловно, любила народ, но не идеализировала его, не боготворила, не опускалась перед ним на колени, не каялась в каких-то своих мифических грехах, не культивировала в себе синдром вины или долга перед народом. Г. А. Дзидзария показал, что этот долг абхазские интеллигенты ощущали прежде всего перед собой как мыслящей, образованной частью народа, выполняющей свою определенную историей и судьбой миссию.

Возвращаясь к побудительным мотивам для работы над монографией об абхазской интеллигенции, я думаю, что формулируя концепцию своего исследования, собирая материал, анализируя его в процессе написания, наконец, издавая книгу, Георгий Алексеевич преследовал важную цель показать, что культурное движение в Абхазии началось задолго до 1917 г., что формирование абхазской интеллигенции – это закономерный процесс этнического и социо-культурного развития Абхазии XIX в., в котором органично переплелись внешние импульсы культурной динамики и имманентные факторы внутренней эволюции края. Г. А. Дзидзария важно было показать, что основополагающие идеи, которые формировали этническую идентичность нации, связанные с национальной культурой, языком, образованностью, социально-политическими перспективами и т. д., которые столь обострились в XX столетии, имеют давнюю интеллектуальную традицию в абхазской общественном сознании и, соответствен-

но, манипуляции с ними неисторичны, бесперспективны и более того – преступны.

Остановив свое исследование на 1917 г., Г. А. Дзидзария не мог не задумываться о дальнейшей истории абхазской интеллигенции, о ее судьбе, связанной уже с последующими десятилетиями XX в. Между тем ее судьба оказалась весьма трагичной, что вообще-то закономерно для жестоких и кровавых перипетий ушедшего столетия.

Абхазская интеллигенция понесла потери уже в первые послереволюционные годы. Политическая эмиграция выбросила за рубеж многих абхазов, которые не видели своего места на новой советской родине. Таков, например, Арзакан Эмухвари – личность неоднозначная, неодномерная. Г. А. Дзидзария лишь вскользь, в нескольких местах своего труда, крайне нейтрально упоминает этого деятеля, хотя, думаю, что в иных условиях он более внимательно и глубоко проанализировал бы его деятельность, политические взгляды и общественную позицию. Это вряд ли кардинально изменило негативную характеристику, которую А. Эмухвари имеет в абхазской историографии, но способствовало бы более цельному и более объемному взгляду на этого деятеля абхазской истории и, безусловно, представителя абхазской интеллигенции.

В эмиграции оказался и другой Эмухвари – Владимир. Его творческая и публицистическая деятельность началась в Абхазии, но продолжилась в Европе, во Франции, где он стал одним из самых блестящих публицистов кавказской эмиграции, ярым поборником идеи культурного и политического единства народов Кавказа, одним из проводников идеи Кавказской конфедерации. К сожалению, эта - самая плодотворная часть его жизни протекала вне родины, которой в иных условиях он мог бы самоотверженно и преданно служить.

Тем временем, оставшаяся на родине интеллигенция, уже советская, переживала явный расцвет. Он выразился в ее количественном и качественном росте, позитивном усложнении

структуры, духовном подъеме, который охватил представителей интеллигенции, воодушевленных новыми идеями и задачами национально-культурного строительства в рамках возродившейся абхазской государственности – Советской Социалистической Республики Абхазия. Как известно, в 1931 г. ССРА была низведена до положения автономии в составе Грузинской ССР, тем не менее, энтузиазм созидания новой социальной и политической системы, основанной к тому же на привлекательных лозунгах национального возрождения, оставались сильнейшими стимулами для генерации новой советской интеллигенции и ее пафосного служения новому строю.

Но именно она, новая советская интеллигенция, в годы Большого террора была уничтожена почти под корень – арестами, казнями, расстрелами, ссылками, гулагом, преследованиями, чистками и другими изощренными методами, которыми сталинское государство расправлялось со своими выдуманными врагами. Интеллигенция и интеллигенты всегда были под подозрением генсека и его окружения, потому что по их представлениям, именно интеллигенция более чем другие прослойки советского общества могла позволить себе усомниться в истинах «Краткого курса», исторической оправданности тоталитарного социализма, а заодно и в гениальности «отца народов и корифея наук».

Итак, вся советская интеллигенция была под подозрением, но обвинения, предъявляемые абхазской, имели особую политическую подоплеку. С обезоруживающей прямотой это свидетельствует один из самых свирепых ее гонителей – А. И. Мгеладзе. Опубликовав мемуары о своих встречах с вождем СССР, бывший партийный диктатор Абхазии вспоминает многие другие события своей многогранной жизни, в частности эпизод весны 1944 г., связанные с пребыванием в республике президента АН СССР В. Л. Комарова. Именитого гостя из Москвы принимали на самом высоком уровне, его навещает первый секретарь Абхазского обкома партии А. И. Мгеладзе.

Видимо вкладывая в уста Комарова собственные мысли, автор мемуаров свидетельствует о речах академика:

«Абхазы, если разобраться в их древней истории, это одно из многочисленных племен грузинской нации, они же христиане, те же грузины, и если бы не нашествие турок и других магометан…

– Владимир Леонтьевич! – вступает в разговор Акакий Иванович, – Это, к сожалению, в Абхазии не все понимают. Иные абхазы считают себя как бы самостоятельной нацией.

– Видимо, грузинские историки не поработали, как следует, иначе сомнений в том, что абхазцы – те же грузины, ни у кого не возникло бы.

Я согласился».

И другой выразительный эпизод. В. Л. Комаров интересуется у руководителя республики, есть ли в Абхазии видные ученые. Мгеладзе: «Я ответил немного смущенно, что видных ученых абхазов пока нет»[1]. Вот как! Расстреляв Симона Басария, Арсена Хашба, Симона Ашхацава и других видных абхазских интеллектуалов, можно, как оказалось, «немного смущенно» заявлять, что «видных ученых абхазов пока нет».

Г. А. Дзидзария в тот период был молодым, но уже вполне сложившимся ученым. Кроме того, он принадлежал к абхазской интеллигенции и видел, как избивается, уничтожается и истончается этот слой. Георгий Алексеевич понимал, что еще десять-двадцать произведенных арестов и расстрелов, и этот слой исчезнет в Абхазии навсегда. Молодой абхазский интеллигент был также свидетелем, как уничтожается национальная культура, родной язык, школа, самосознание.

Но именно будучи интеллигентом, Г. А. Дзидзария следовал важнейшему принципу, которые заповедовали его предшественники, – всегда быть с народом, на стороне народа, защищая его интересы. Поэтому следует признать, что известное письмо 1947 г., направленное Г. А. Дзидзария, Б. В. Шинкуба и К. С. Шакрыл в высшие советские партийные инстанции, было не только письмом патриотов, как это справедливо утверждено в абхазской историографии, но и письмом интеллигентов. Это был шаг столь же безрассудный, как и обдуманный, ибо все трое – и Георгий Алексеевич, и Баграт Васильевич, и Константин Семенович – не могли не понимать, что посылая свой текст в высшую инстанцию страны, они кладут свои головы на плаху.

К счастью, свобода и жизнь интеллигентов и патриотов была сохранена и всей последующей жизнью они внесли свой вклад в приумножение и приращение духовного богатства Абхазии – Г. А. Дзидзария в области абхазской историографии, где одним из главных достижений стала его монография об абхазской интеллигенции. Воскресив многие полузабытые, а порой и просто забытые имена, Георгий Алексеевич выполнил важную миссию, ментально соединив разорванное звено исторической памяти и исторической преемственности в групповой самоидентификации абхазской интеллигенции.

В этом залог ее будущего развития в соответствии с теми принципами, которые, как показал Г. А. Дзидзария, были заложены ее первыми представителями. Ибо главная опасность, которая может грозить интеллигенции любого народа, и абхазской интеллигенции в частности, особенно в наше быстротекущее и хаотичное время - это лишиться своей исторической спецификации, потерять исконные родовые черты, отринуть бремя своей социальной роли в жизни общества. Последнее все чаще забывается и игнорируется, что дает «оправдание» интеллигенции играть роль политической и идеологической обслуги действующей власти, либо ее оппонентов. Интеллигенция начинает выражать свою интеллектуальную сущность лишь в концептуализации сиюминутных политических интересов, сводя лишь к ним все многообразие социальных и духовных запросов общества. Как правило, это всегда провоцирует не консолидацию социума, а его раскол, сепарацию, конфликт.

[1] Мгеладзе А. Сталин, каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Б. М., 2001. – С. 56, 57.

Но у интеллигенции другая историческая миссия. Ее можно выполнить, лишь направив свой профессионально-интеллектуальный потенциал на активное служение общественному благу, что выражается в воспроизводстве, поддержке и расширении культурно-исторических, нравственно-психологических, духовных ценностей, традиций и идеалов, которые призваны интегрировать и сплотить нацию как целостность со всем спектром ее, в том числе и политических интересов.

Именно так жили, мыслили, чувствовали, действовали замечательные люди, представители первого поколения абхазской интеллигенции. Их имена навсегда останутся в благодарной памяти народа, прежде всего благодаря подвижническому исследовательскому труду выдающегося абхазского ученого и интеллигента Георгия Алексеевича Дзидзария.

Н. А. Трапш,
Ростов-на-Дону

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г. А. ДЗИДЗАРИЯ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Величественная фигура Г. А. Дзидзария является своеобразным символом абхазской исторической науки XX столетия, олицетворяющим важнейшие достижения профессионального историописания и постоянную борьбу за политическое и культурное самоопределение титульной нации, обескровленной массовым махаджирством и сталинскими репрессиями. Талантливый исследователь, сформировавший собственными трудами многотомную историю Абхазии имперской эпохи, вынужден был стать не только умелым организатором научной деятельности, но и искусным политиком, оберегавшим хрупкое здание региональной науки от разрушительного воздействия конъюнктурных факторов. Г. А. Дзидзария отчетливо понимал, что спорный научный вывод, не говоря уже об ошибочном административном решении, может стать естественным предлогом для нового удара по возрожденной абхазской интеллигенции, а потому был весьма осторожен в собственных рассуждениях и оценках. Однако подобный подход позволил не только обойти острые идеологические углы, но и создать сбалансированную историческую концепцию, характеризующую социально-экономическое, политическое и культурное развитие Абхазии в XIX – начале XX веков. Отдельные выводы Г. А. Дзидзария, детерминированные господствующими идеологическими стереотипами советской эпохи, в настоящее время подвер-

гаются обоснованной критике, но в целом творческое наследие выдающегося историка является естественным и прочным фундаментом для современной исследовательской практики.

В контексте указанного обстоятельства определенное удивление вызывает незначительное количество специальных исследований, посвященных концептуальным построениям признанного лидера абхазской историографии. Соответствующее предметное поле фактически ограничивается известными трудами А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, З. В. Анчабадзе и С. Ш. Салакая, что совершенно не отражает реальный уровень исследовательского интереса к творческому наследию Г. А. Дзидзария [1]. Трудно не согласится с авторитетным мнением А. Э Куправа о том, что «давно назрела необходимость создания монографии о Г. А. Дзидзария, раскрывающей жизненный путь, многогранное творчество и активную жизненную позицию ученого» [2] Как представляется, последовательное формирование подобной историографической ситуации определяется непосредственным влиянием двух значимых факторов, складывающихся в современных социокультурных условиях. С одной стороны, абхазская историческая наука не избежала сформировавшегося исследовательского тренда, связанного с массовым обращением профессиональных историков к комплексному исследованию социально-экономических, политических и культурных реалий XX столетия. Отчасти подобный поворот определялся легко реконструируемым комплексом объективных причин, имеющих универсальное значение для постсоветского пространства: стремительный рост общего количества открытых документальных комплексов государственных и ведомственных архивов, повсеместное устранение цензурных ограничений, естественная

[1] См., например, Куправа А. Э., Сагария Б. Е. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухуми, 1984; Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухум, 2006; Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX веков в абхазской советской историографии. Сухум, 2009.

[2] Куправа А. Э. Указ. соч. – С. 4.

возможность политической актуализации избранной проблематики. Вместе с тем, применительно к Абхазии можно выделить и дополнительные обстоятельства, связанные с существенными искажениями региональной истории XX столетия, осуществленными по политическим и идеологическим соображениям в советский период, очевидной необходимостью масштабного и объективного исследования различных фактов и явлений, связанных с Отечественной войной 1992 – 1993 гг., постоянным полемическим противоборством с грузинскими оппонентами. В контексте указанного поворота творческие интересы значительной части абхазских историков, равно как и российских ученых, оказались достаточно далеки от Западного Кавказа XIX – начала XX столетий, являвшегося главным объектом исследовательских интересов Г. А. Дзидзария.

С другой стороны, провинциальная историография имеет специфические особенности, связанные с системным обобщением предшествующего опыта. Как представляется, признанные лидеры регионального историописания не часто попадают в сферу заинтересованного внимания столичных исследователей, а местные последователи указанных выдающихся личностей либо вообще не рискуют изучать научное наследие недавних корифеев, либо подходят к соответствующей деятельности в исключительно апологетическом ракурсе. В абхазских условиях дополнительным сдерживающим фактором становится этнический менталитет, фиксирующий уважительное отношение к старшему поколению и способствующий консервативной интерпретации предшествующего исторического опыта.

Научное исследование начинается с последовательной выработки методологических ориентиров, определяющих дальнейшую работу эмпирическим материалом, полученным из источниковых комплексов и предшествующей историографической традиции. В контексте указанного обстоятельства особый интерес представляет системная реконструкция авторской методологии,

являющейся своеобразным ключом к адекватной интерпретации объективных результатов исследовательской практики. Историческая наука на постсоветском пространстве в настоящее время с большим трудом избавляется от интегративного подхода в методологических оценках, в рамках которого каждый автор непременно относится к конкретной школе или направлению, ориентированным на определенную систему аксиологических и эпистемологических ориентиров. Индивидуальный исследовательский путь самобытных ученых сводится к клишированным понятиям («позитивистская методология», «неокантианская методология», «марксистская методология», постмодернистская методология»), загоняющим творческий акт в заранее подготовленное «прокрустово ложе».

В европейской науке, активно культивирующей микроисторические исследования в методологической парадигме К. Гинцбурга, подобный подход выглядит очевидным анахронизмом. Важнейшим исследовательским объектом становится индивидуальная творческая лаборатория отдельного историка, своеобразным оборудованием которой являются оригинальные познавательные методы и модели. Указанные методологические конструкции могут носить новаторский характер или качественно интерпретировать предшествующий исследовательский опыт, но в любом случае они представляют значительный интерес в контексте адекватной интерпретации авторских размышлений и выводов. Как представляется, творческая лаборатория Г. А. Дзидзария является значимым объектом для подобного исследования, предоставляющим любопытный материал для творческих размышлений.

Учитывая реальное своеобразие советской историографии, современный ученый не может ориентироваться на текстовые упоминания об авторской методологии, так как они носят клишированный характер и неизменно выдержаны в марксистском духе. Фундаментальные труды Г. А. Дзидзария не являются реальным исключением из описанного общего правила, что не является формальным поводом для беспочвенных обвинений в научном ретроградстве, свойственным некоторым российским исследователям постсоветской эпохи. Подобные явления являются неизбежной данью собственной эпохе, общественные настроения и политический климат которой определяют исследовательский менталитет. На первых страницах фундаментального труда «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» Г. А. Дзидзария отмечает, что «методологическую основу для раскрытия этого сложного явления [махаджирства – Н. Т.] дают труды классиков марксизма-ленинизма»[1]. Но в дальнейшем изложении многие авторские подходы весьма существенно расходятся с заявленной базовой парадигмой, демонстрируя самостоятельность и широту научного мышления выдающегося ученого.

Важнейшие события и явления Г. А. Дзидзария рассматривает в широком социокультурном контексте, который принципиально далек от механистического экономического детерминизма, свойственного марксистской историографии. В частности, он не сводит многообразные причины трагического махаджирства к естественному желанию дворянской корпорации сохранить хозяйственную власть над рядовыми крестьянами, а указывает на другие факторы, носящие, в том числе, и ментальный характер (например, туркофильские настроения правящей элиты или искусственно сконструированные родственные связи). Рассматривая реальные особенности длительного формирования дореволюционной абхазской интеллигенции, Г. А. Дзидзария не абсолютизирует социальные детерминанты, придавая особое значение личным способностям складывающейся интеллектуальной прослойки. Выдающийся историк сохраняет творческую самостоятельность и при всесторонней оценке революционных событий начала XX столетия в Абхазии, справедливо указывает на то существенное обстоятельство, что системная радикализация местного социума опре-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 3.

делялась не только социально-классовыми противоречиями, но и национально-освободительными мотивами. Вместе с тем, следует согласиться с авторитетным мнением С. Ш. Салакая, согласно которому Г. А. Дзидзария в отдельных случаях неоправданно преувеличивает реальную роль марксистской идеологии, якобы имевшей широкое распространение в абхазском обществе [1].

Следует отметить то существенное обстоятельство, что выдающийся ученый уделял особое внимание двум направлениям исследовательской деятельности, которые не обладали приоритетным значением в рамках господствующей идеологической парадигмы. С одной стороны, главным объектом научных интересов Г. А. Дзидзария была локальная история, которая традиционно рассматривалась в качестве своеобразного приложения к глобальным процессам, подтверждавшим формационную модель общественного прогресса. Вследствие указанного обстоятельства он вынужден был постоянно соотносить местные события и явления с российскими реалиями, что в особой степени проявилось при системном изучении революционных событий начала XX столетия. С другой стороны, Г. А. Дзидзария уделял значительное внимание персональной истории, что не в полной мере вписывалось в марксистское представление о доминирующей роли обезличенных народных масс. Он активно занимался биографическими реконструкциями не только применительно к региональным большевистским лидерам, являвшимся достойным объектом исследовательской деятельности советского историка, но и по отношению к рядовым участникам революционного движения, что отчетливо проявилось в блестящей работе о боевой дружине «Киараз» [2]. Более того, Г. А. Дзидзария заинтересованно изучал личные судьбы абхазских князей и дворян, которых рассматривал в качестве важнейших действующих лиц абхазской истории. Подобные методологические «вольности», без сомнения, свидетельствуют о

[1] Салакая С. Ш. Указ. соч. – С. 64.

[2] Дзидзария Г. А. Киараз. Сухуми, 1981.

самостоятельном характере творческого мышления выдающегося историка, главной задачей которого было не слепое следование заданному канону, а всесторонний анализ истинной сущности рассматриваемых явлений.

Отдельного внимания заслуживают оригинальные подходы Г. А. Дзидзария к системному изучению исторических источников и предшествующей историографической традиции, которые находятся в общем русле советской исследовательской традиции, но содержат некоторые небесспорные авторские новации. Приоритетное значение выдающийся историк отдавал документальным свидетельствам, которые в большом количестве извлекал из крупнейших архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара и вводил в научный оборот. Г. А. Дзидзария подвергал привлекаемые источники критическому переосмыслению, но полагал, что официальные документы в меньшей степени подвержены субъективным оценочным суждениям. В настоящее время подобное мнение может рассматриваться как исследовательское заблуждение с учетом очевидного влияния официальной имперской идеологии на делопроизводственную практику, но для советского периода подобная позиция соответствовала доминирующим представлениям. Г. А. Дзидзария активно использовал и нарративные источники, включающие известные труды российских и иностранных современников описываемых событий. Однако подавляющее большинство подобных свидетельств он считал весьма тенденциозными в содержательном плане, а потому использовал в качестве иллюстративного материала для собственных выводов, подтвержденных верифицированными документами. Определенное исключение составляли нарративные источники, установленные авторы которых были близки к официальной среде и не замечены в особых симпатиях к имперским властям или пристрастным отношением к горским сообществам.

Комплексный анализ историографического материала, размещенный во вводных разделах большинства известных трудов Г.

А. Дзидзария, имеет двойственный характер. С одной стороны, он признавал определенную преемственность дореволюционной и советской исторической науки, проявлявшуюся как в оценочных суждениях, так и в некоторых исследовательских методах. По мнению выдающегося историка, «… в нашей литературе до сих пор ощущается известное влияние этой науки [дореволюционной – Н. Т.] в освещении событий в Абхазии, в частности, в трактовке позиции ее владетеля Михаила Шервашидзе (Чачба)» [1]. С другой стороны, подчиняясь господствующей идеологической парадигме, Г. А. Дзидзария вынужден был высказывать не всегда адекватные критические замечания в адрес дореволюционных историков. В частности, он отмечал, что «основной методологический порок старой историографии заключался в том, что ее представители не занимались изучением экономической истории края, не вскрывали процессов развития производительных сил и производственных отношений, социально-экономический строй рисовался вне классовой борьбы крестьянства» [2]. Однако, Г. А. Дзидзария по возможности старался избежать нежелательной ритуальной критики в адрес действующих коллег и предшествующей историографической традиции, представленной не только значимыми трудами отечественных авторов, но и профильными исследованиями европейских и турецких ученых. В необходимых случаях он использовал интересную исследовательскую технологию, ссылаясь в критических замечаниях на известные труды авторитетных предшественников, например, А. В. Фадеева, высказывавшего жесткие замечания в адрес исторической школы М. Н. Покровского.

Г. А. Дзидзария умело использовал и некоторые полезные традиции, выработанные дореволюционной историографией. Со времен Н. М. Карамзина, многие российские историки придавали особое значение пространным подстрочным примечаниям, рассматривая соответствующие текстовые разделы в качестве естественного пространства для системного уточнения собственных размышлений и выводов. Аналогичные фрагменты присутствуют во многих масштабных трудах Г. А. Дзидзария, выступая в отдельных случаях в качестве самостоятельных локальных исследований.

В целом, необходимо признать, что действуя в рамках марксисткой методологической парадигмы выдающийся абхазский ученый не утратил самостоятельного и творческого мышления, что позволило выработать оригинальные подходы к комплексному исследованию абхазской истории XIX – начала XX столетий. Как представляется, соответствующие идеи Г. А. Дзидзария являются естественным фундаментом для современной исторической науки и заслуживают дальнейшего изучения.

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 6.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 21.

С. -Х. Х. Мусхаджиев,
Майкоп

ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЗИДЗАРИЯ – ВЫДАЮЩИЙСЯ КАВКАЗОВЕД XX ВЕКА

Тема нашей конференции неслучайно сочетает региональный аспект и научную составляющую – проблему социополитической и интеллектуальной истории. Обращение к историческому опыту науки, в целом, и исторической науки, в частности, – это не просто историографический анализ, но и диалог с научными концепциями и мыслями предшественников. Это общение с ними самими. Ведь история науки не безымянна. Она слагается из творческих биографий целых поколений исследователей, посвятивших свою жизнь и деятельность, физические и интеллектуальные силы познанию законов материального и духовного бытия. Их личный вклад мог быть неодинаков, но каждый пример самоотверженного служения науке никогда не должен исчезнуть со страниц ее истории, из нашей памяти.

Если обратиться к кавказоведению XX века, а конкретно советскому кавказоведению, то в его «галерее знаменитостей» есть немало ярких имён, среди которых особое место занимает Георгий Алексеевич Дзидзария. Его научное творчество и новаторские подходы в исследовании актуальных и ключевых проблем истории Кавказа вдохновили не одно поколение историков к серьёзной исследовательской работе. Если учитывать в каких идеологических, психологических и материально-технических условиях приходилось работать Г. А. Дзидзария, то можно понять какой огромный научный подвиг совершил этот учёный уже одной своей книгой – «Махаджирство и проблемы истории Абхазии X1X столетия». Масштабность и значимость научных трудов историков лучше всего измеряется с течением времени, спустя четыре десятилетия после первого издания вышеуказанной книги, можно с уверенностью утверждать, что данная работа остаётся непревзойдённой как по глубине содержания, так и по кругу вопросов, рассмотренных автором.

Вот как сам Георгий Алексеевич обозначает перед собой задачи исследования: «Прежде всего – изучение конкретного положения в Абхазском княжестве в первой половине X1X века, причём на фоне тех общих вопросов истории края и той общей обстановкой на Кавказе в целом, которые создавали почву и так или иначе способствовали процессу миграции населения, а именно: социально-экономические условия; активизация военных мероприятий царского самодержавия, сопровождавшаяся усилением антиколониального движения; реваншистская политика правящих кругов Турции…происки английских интервентов, во внешнеполитических планах которых Западный Кавказ занимал особое место.

Другая задача книги – освещение последствий Кавказской войны, национально-колониальной и административной политики царизма и его агрессивной внешней политики… Нельзя было пройти мимо и таких вопросов, как подготовка и проведение крестьянской реформы в Абхазии и связанного с ней крупного восстания 1866 года, непосредственно за которым последовала одна из самых значительных волн махаджирства.

Следующая задача работы – исследование коренных вопросов политической жизни Абхазии, сложившейся накануне и в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 годов, в разгаре которой была сделана новая попытка иностранных государств овладеть Абхазским побережьем. Результатом этой войны для Абхазии было полное разорение края и самое массовое и почти исключительно насильственное переселение её жителей в Османскую империю.

В данном разделе рассматриваются и другие вопросы, связанные с войной – с событием, которое было важнейшим этапом внешней политики России второй половины Х1Х века, связанным с решением Восточного вопроса»[1].

Одним словом, махаджирство абхазов исследуется на фоне региональной и международной политики, симбиоза внутриэтнических процессов и внешнеполитических катаклизмов. Сложный круг проблем даже для коллективного исследования был поставлен и решён одним учёным, который по праву может быть назван одним из патриархов не только абхазской исторической науки, но и кавказоведения.

Г. А. Дзидзария «свой исключительный талант, незаурядную умственную энергию посвятил исследованию отечественной истории. Им владело страстное стремление быть «историком точным», и он старался быть таковым, насколько это было возможно в условиях чрезмерно политизированной общественной жизни. Он в архивохранилищах страны по крупицам выявляет, исследует и вводит в научный оборот огромный документальный материал»[2].

Г. А. Дзидзария был не только выдающимся учёным-историком, замечательным организатором науки, но и основоположником целой научной школы, научного направления по проблемам кавказского махаджирства и северокавказской диаспоры. Не обязательно для этого лично готовить учеников, порой новаторский научный труд способен дать колоссальный импульс для интеллектуального творчества молодых или начинающих исследователей. Благодаря фундаментальному труду Георгия Алексеевича выросло целое поколение кавказоведов практически во всех республиках Северного Кавказа. Они написали книги, защитили диссертации по тематике вынужденного переселения горцев и истории северокавказской диаспоры. Т. Х. Кумыков и А. В. Кушхабиев в Кабардино-Балкарии, С. Г. Кудаева и Убых Нихад Берзедж в Адыгее, З. Б. Кипкеева в Карачаево-Черкесии, С. -Э. С. Бадаев в Чечне, Б. Р. Алиев и А. М. Магомеддадаев в Дагестане, Р. Гожба и С. Салакая в Абхазии и др. [1]

Профессор С. Г. Кудаева в историографической части своей монографии «Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в Х1Х веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества» отмечает: «Наиболее крупной, специальной работой по проблемам переселенческого движения народов края всё ещё остаётся монографическое исследование Г. А. Дзидзария. В этой работе наряду с проблемами абхазского махаджирства автор касается общих вопросов проблем кавказской эмиграции и проблем махаджирства других народов Кавказа, особенно адыгских. Г. А. Дзидзария даёт характеристику основных волн махаджирства. Также поднимает вопросы внешней и внутренней политики России, Турции и западных держав, что представляет интерес для изучения нашей темы»[2]. Чеченский историк С. Бадаев в книге «Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность» обзор литературы открывает с книги Г. А. Дзидзария[3]. Таким образом, можно с уверенностью отметить, что работа абхазского учёного вышла далеко за пределы абхазской исторической науки и заняла достойное место на пьедестале исторического кавказоведения.

---

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии Х1Х столетия. Сухуми, 1975. – С. 4-7.

[2] Дзидзария Г. А. Труды III. Из неопубликованного наследия. Сухум, 2006. – С. 7-8.

[1] Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны; Кушхабиев А. В. Черкесская диаспора в арабских странах(XIX–XX вв.). Нальчик, 1997. ; Кудаева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в Х1Х веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006; Берзедж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. ; Кипкеева З. Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000; Бадаев С. -Э. С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность. Нальчик, 2008 и др.

[2] Кудаева С. Г. Указ. соч. – С. 60.

[3] Бадаев С. -Э. С. Указ. соч. – С. 16.

Очень точную характеристику даёт коллектив абхазских учёных масштабу исследовательской работы учёного: «Творческую деятельность Г. А. Дзидзария нельзя ограничить рамками узкого понимания патриотизма – он поднялся выше. Он был проникнут народным духом. Более того, в культурном и духовном творчестве абхазского народа историк четко усматривал общечеловеческие ценности непреходящего значения. Величие Г. А. Дзидзария как ученого-историка и мыслителя состоит именно в подлинно научном понимании им общечеловеческого значения материального и духовного творения абхазского народа. Он увидел и уразумел вклад немногочисленного абхазского народа в кавказскую и общечеловеческую культурную сокровищницу»[1].

Тема Кавказской войны занимает ключевое место в творчестве Г. А. Дзидзария, начиная со студенческой скамьи, когда в 1939 г. он пишет курсовую работу по теме «Завоевание Абхазии царской Россией», и вплоть до фундаментального труда по махаджирству его волнует этот судьбоносный период в истории Кавказа.

Монография «Махаджирство и проблемы истории Абхазии X1X столетия» – это бесценный научный памятник жертвам Кавказской войны, летопись трагического века в судьбе абхазского этноса. Труд, в основу которого лёг огромный пласт архивных материалов, извлечённых из архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Сухума, а также различные источники от мемуарных произведений до периодических изданий того времени, способствовал формированию исторического национального самосознания и становлению уникальной кавказоведческой школы исследователей. Следует отметить, что данный труд не был бы возможен без личного мужества и творческого подвига учёного.

Если проанализировать состояние исторической науки по проблеме Кавказской войны, то начиная с середины 1960-х гг. эта тема перестаёт быть самостоятельным направлением советского кавказоведения. На её изучение было наложено негласное табу

[1] Дзидзария Г. А. Труды III. Из неопубликованного наследия… – С. 19

партийным руководством, как в центре, так и на местах. Терминологическая дозированность стала характерной чертой многих работ этого периода (понятия «освободительное движение», Кавказская война использовались ограниченно и с определёнными оговорками). Официальная «генеральная линия» провозгласила приоритетной задачей изучение «объективных причин» и «прогрессивных последствий» «добровольного вхождения горских народов в состав Российской империи».

Несмотря на явное доминирование конъюнктурной концепции, исследование отдельных аспектов Кавказской войны и её последствий не прекращалось. И заслуга в этом немалая была таких учёных, как Г. А. Дзидзария и его некоторых коллег. Правильнее будет назвать исследователей, которые не поступились совестью и научными принципами, в угоду идеологическому заказу тоталитарной власти. Это Хаджи-Мурат Ибрагимбейли (книга «Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения»), Андарбек Дудаевич Яндаров (работа «Суфизм и идеология национально-освободительного движения»[1] и, конечно же, труд по махаджирству Георгия Алексеевича Дзидзария.

Одной этой монографии было бы достаточно, чтобы по достоинству оценить вклад учёного в отечественное кавказоведение, однако его титаническая исследовательская деятельность насчитывает огромный список из 400 публикаций, среди которых 150 научных работ, в том числе 50 монографий и сборников.

Преемственность является важнейшей движущей силой научной мысли. Знание теоретических подходов, концепций и работ своих известных предшественников позволяет трезво оценить сегодняшний этап развития науки, наметить программу перспективных исследований. Георгий Алексеевич Дзидзария как выдающийся кавказовед XX столетия внёс огромный вклад в развитие исторической науки Кавказа.

[1] Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М. ,1971; Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата,1975.

Н. А. Почешхов,
Майкоп

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ: О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В АБХАЗИИ

К острым дискуссионным вопросам последнего времени с полным основанием могут быть отнесены проблемы гражданской войны в России. Известно, что события Октябрьской революции и гражданской войны входили в круг особенно значимых вопросов, находившихся под непосредственным контролем партийных структур, что обусловливало устойчивое существование традиционных подходов, основанных на «ленинской концепции революции и гражданской войны». К разработке данной темы привлекались наиболее подготовленные историки, получившие научное признание и доступ к партийным архивам.

Особое значение для понимания исторического времени и деятельности профессора Г. А. Дзидзария имеет его работа «Очерки истории Абхазии 1910–1921»[1], опубликованная в 60-е гг. Данный период вошел в историю как «хрущевская оттепель», время, связанное с осуждением культа личности И. В. Сталина, стремлением преодолеть его последствия; попытками демократизации жизни, что не могло не сказаться на общественной жизни, в том числе, научной деятельности. Развернулись широкие дискуссии по проблемам истории; звучали призывы к новому «прочтению» марксистских, в том числе, ленинских работ.

[1] Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии 1910–1921. Тбилиси, 1963. – 405 с.

При обращении к работам, опубликованным десятилетия тому назад важно учитывать, что понимание значимости событий авторами и современными историками может кардинально отличаться. Только время «проявляет» истинный смысл и последствия произошедших событий. Мы, по сравнению с авторами, находимся в более выгодном положении: мы знаем, что произошло с их идеями и мыслями потом. В этом смысле обращение к научному наследию Г. А. Дзидзария этого периода имеет важное значение, позволяя понять место историка в динамично развивающемся историографическом процессе, уяснить какие из проблем, исследованных более чем пол столетия тому назад, сохраняют актуальность.

Сегодня много говорят и пишут о том, что революционные события 1917–1920 гг. в России были переворотом «центра» (столичных городов), более того, «смутой», а народы периферии и особенно национальных «окраин» оказались на обочине этих событий. Тем не менее, именно региональная составляющая позволяет внести ясность в этот непростой вопрос. С одной стороны, события 1917 г. вписываются в революционную историю других странах, а с другой стороны, эти события невозможно объяснить без изучения национальных, религиозных, бытовых и иных матриц, типичных для разных регионов страны.

В работе Г. А. Дзидзария затронуты разнообразные аспекты истории Абхазии периода революции и гражданской войны, позволяющие представить сложную картину противоречий, приведших к масштабному противостоянию. Обратимся лишь к некоторым. Одним из базовых аспектов изучения гражданской войны является исследование социально-экономических вопросов[1]. Основываясь на марксисткой методологии Г. А. Дзидзария выделяет комплекс проблем экономических и политических, но при этом включает в этот ряд, такие как национальный гнет[2], земельный

[1] Указ. соч. – С. 7.
[2] Указ. соч. – С. 11.

голод[1], чинимые царским правительством препятствия развитию культуры, приходя к малоутешительному выводу – «народное образование, здравоохранение было в загоне»[2]

В ряду факторов, определявших обострение гражданской войны в России, явственно проявлялись явления, непосредственно связанные с Первой мировой войной. Первая мировая война обострила ситуацию и в Абхазии, особенно после вступления в войну с Россией Турции и образования осенью 1914 г. Кавказского фронта, когда Закавказье стало прифронтовой полосой[3]. Нормальная жизнь была нарушена. Реквизиции скота для нужд армии, призывная кампания, дополнительное обложение налогами обостряли ситуацию[4]. Небольшие предприятия Абхазии обанкротились, лесопереработка прекратилась, рабочие увольнялись[5]. В целом проанализированный Г. А. Дзидзария материал отражает важную мысль, что даже глобальные события (революции, войны, конфликты), как правило, имеют «местную» составляющую, что углубляет представление о вариативности исторического процесса.

Любая гражданская война представляет собой политический (военно-политический) конфликт, который наиболее полно и рельефно отражает на политическом уровне имеющиеся в обществе социальные противоречия. Именно это, на конкретном историческом примере Абхазии, пытался оценить Г. А. Дзидзария. Революционные события в России привели к активизации политической жизни в Абхазии. В связи с Февральской революцией в Сухуме и других местах Абхазии прошли манифестации и митинги. В марте 1918 г. в Гудаутах образовался большевистский орган, ведавший всеми делами управления – Исполнительный комитет объединенных Советов рабочих и крестьянских депутатов Гудаутского

[1] Указ. соч. – С. 9.
[2] Указ. соч. – С. 10.
[3] Указ. соч. – С. 18.
[4] Указ. соч. – С. 26.
[5] Указ. соч. – С. 27.

участка под председательством Н. Лакоба[1]. Активизировались и силы контрреволюции[2]. Приведенные факты свидетельствуют о слиянии разных потоков социально-экономических и освободительных движений не только в центре, но и регионах России, что позволило большевикам более эффективно мобилизовать потенциал конфликтности, накопленный в России за многие годы.

Развернувшаяся в нынешних электронных и печатных средствах массовой информации широкая полемика вокруг революционных событий в национальных образованиях Северного Кавказа ставит вопрос – насколько социалистическое мировоззрение было популярно в интеллектуальных кругах. Если говорить об Абхазии, то Г. А. Дзидзария на основе заслуживающих доверия источников, утверждает, что большевистские организации Тифлиса и Сухума играли активную роль в созыве VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, (январь 1912 г.)[3]. Более того, Временным центральным органом Советской власти в Абхазии, до окончательной организации окружной власти был Военно-революционный комитет, руководителем которого являлся председатель Сухумского окружного комитета РКП(б) Е. Эшба[4].

И еще об одном. Серьезные историки, к которым, вне всякого сомнения, принадлежит Г. А. Дзидзария, предлагая свою «точку зрения» на описываемые события, как правило, не придают своим выводам характер абсолютной истины, напротив, их выводы зачастую оказываются основанием для научных дискуссий, способствующих приближению к истине.

[1] Указ. соч. – С. 137.
[2] Указ. соч. – С. 125.
[3] Указ. соч. – С. 14.
[4] Указ. соч. – С. 143.

К. А. Миленькая,
Ростов-на-Дону

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОЦЕНКАХ Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

Фундаментальные труды Г. А. Дзидзария основываются на комплексном использовании различных категорий исторических свидетельств, что позволяет адекватно реконструировать рассматриваемые социально-экономические политические и культурные процессы. В зависимости от конкретной ситуации отдельные источники могут играть доминирующую роль в исследовательских построениях или ограничиваться иллюстративными функциями, подтверждая сложившуюся систему авторских выводов. Как профессиональный историк, сформировавшийся в марксистской методологической парадигме, Г. А. Дзидзария отдавал естественное предпочтение документальным источникам, многие из которых были введены в научный оборот благодаря кропотливому многолетнему труду в крупнейших архивохранилищах Москвы, Ленинграда и Тбилиси. Однако выдающийся историк не пренебрегал и нарративными памятниками, которые рассматривал в качестве важнейших свидетельств дополняющего характера.

В фундаментальной монографии «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» Г. А. Дзидзария предложил обобщающую характеристику имманентных свойств исторических нарративов, главным из которых он считал внутреннюю противоречивость. По мнению выдающегося историка, «в них [нарративных источниках – К. М.] отчетливо преломляются политические и иные взгляды и настроения. Главная особенность большинства материалов – тенденциозность. На многих из них лежит печать великодержавной завоевательной политики царизма. Страдают они также неполнотой и обилием фактических ошибок»[1]. Указанный подход определял и авторскую методологию, связанную с практическим использованием подобных исторических свидетельств и предполагавшую высокую степень исследовательского доверия к тем повествовательным произведениям, которые были созданы официальными лицами, досконально знакомыми с документальными комплексами имперской администрации.

Одной из подобных выдающихся личностей – русскому офицеру Ф. Ф. Торнау – Г. А. Дзидзария посвятил специальную монографию, во вводной части которой развил собственные идеи относительно практического использования нарративных источников [2]. Он подчеркивает, что наибольшую ценность представляют документальные материалы, подготовленные профессиональным разведчиком, умело исполнявшим штабную работу. По мнению выдающегося историка, «… даже при самом строгом подходе к Торнау как к исследователю следует признать, что когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX столетия, особенно его северо-западного района, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты многочисленные рукописи – официальные донесения, записки и письма, погребенные некогда в недрах военных архивов, а также печатные работы Торнау»[3]. В порядке особого исключения Г. А. Дзидзария готов признать заслуживающими специального внимания и повествовательные произведения, ставшие своеобразными мемуара-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 17.

[2] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. М., 1976.

[3] Там же. – С. 4.

ми русского разведчика. По мнению выдающегося историка, «по поводу опубликованных сочинений Торнау, носящих в основном мемуарный характер, следует еще добавить, что в них в противовес тогдашним модным дилетантским, но с претензией на сенсацию писаниям о «романтическом» и «экзотическом Кавказе» … обобщен и сделан достоянием широкого круга читателей материал важного познавательного значения. Это целый ряд подробнейших данных по истории, этнографии и исторической географии действительно экзотического Кавказа, в особенности Западного»[1]. Таким образом, Г. А. Дзидзария делает однозначный вывод о том, что нарративный источник может привлечь серьезный исследовательский интерес лишь тогда, когда имманентное содержание соответствующего исторического свидетельства включает неоспоримые факты, которые могут быть верифицированы по другим данным, заслуживающим авторского доверия.

Но выдающийся историк полагает, что любой повествовательный памятник может быть использован в исследовательской практике, а потому последовательно излагает реальную методологию соответствующей деятельности. В частности, особое значение Г. А. Дзидзария придает комплексной реконструкции социокультурных условий, в которых происходило последовательное формирование авторской личности и конкретного произведения. Он детально анализирует безупречный послужной список Ф. Ф. Торнау и делает принципиальный вывод о том, что личная честность и несомненная верность воинскому долгу не позволяла русскому офицеру искажать полученную информацию, что в полной мере отразилось не только в официальных отчетах, но и в личных записках. По мнению выдающегося ученого, «… научная и писательская добросовестность, с которой Торнау стремится описывать события, факты и людей, преобладает над объективистскими чертами отдельных его оценок и характеристик … и это стремление автора правдиво показать действительность определяет общий

[1] Там же.

тон его материалов и делает его весьма достоверным…» [1]. Г. А. Дзидзария также полагает, что наследственная интеллигентность и широкая образованность русского разведчика весьма способствовали достоверному описанию окружающей действительности, для которой он находил достаточно ярко и лаконичные формы. По мнению выдающегося ученого, «Торнау … обладал несомненным дарованием воспроизводить конкретную историческую действительность в живых зарисовках событий и людей»[2]. Следует заметить, что отдельные рассуждения Г. А. Дзидзария носят отчетливый отпечаток советской эпохи, предполагавшей обязательное наличие нравственных эталонов для последовательной оценки рассматриваемых персонажей конкретной эпохи. Применительно к кавказским реалиям первой половины XIX столетия соответствующую роль выполняли ссыльные декабристы, которые в свете современных подходов отнюдь не выглядят истинными рыцарями, олицетворяющими личностные и социально-политические добродетели. Но для Г. А. Дзидзария длительное пребывание в идеологической декабристской среде являлось подлинным критерием научной достоверности авторских взглядов, что, несомненно, является не личным исследовательским убеждением, а своеобразной данью бурному веку. Следует выделить также и другой субъективный фактор, оказывавший серьезное влияние на комплексные оценки нарративных источников, предложенные выдающимся историком. Г. А. Дзидзария справедливо полагал, что объективное отношение к освободительной борьбе горских сообществ, диссонирующее с официальной идеологией, является надежным критерием авторской объективности и беспристрастности. Применительно к рассматриваемым трудам он отмечал, что «Торнау обнаруживает относительную непредубежденность и тонкую наблюдательность в воспроизведении самобытной жиз-

[1] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. М., 1976. – С. 4

[2] Там же.

ни горцев «Седого Кавказа», отдает должное их самоотверженной борьбе за свою свободу. Во всяком случае, он не проявляет в этом вопросе безрассудства, которого можно было бы ожидать от человека в его положении» [1]. Подобный беспристрастный подход действительно является значимым показателем, если учесть то существенное обстоятельство, что Ф. Ф. Торнау был родным племянником одного из виднейших николаевских сановников – фельдмаршала И. И. Дибича.

Значительный интерес представляет своеобразный контекстуальный анализ, связанный с системной оценкой реального использования нарративных источников первой половины XIX века в других известных трудах Г. А. Дзидзария. В качестве соответствующих исторических свидетельств, как правило, выступают этнографические нарративы, созданные в рассматриваемый период английскими агентами Д. Беллом, Дж. А. Лонгвортом и Э. Спенсером, а также французским путешественником Д. де Монпере [2]. Необходимо заметить, что британские труды Г. А. Дзидзария использовал в оригинальной версии, которая была доступна только в центральных библиотеках, что, несомненно, существенно усложняло исследовательскую практику. Напротив, известный труд Д. де Монпере был опубликован на русском языке еще в 1937 году и являлся настольной книгой нескольких поколений отечественных кавказоведов.

В методологическом измерении следует признать, что указанные этнографические нарративы используются Г. А. Дзидзария преимущественно в качестве иллюстрирующих источников, косвенно подтверждающих обширные данные, полученные из

[1] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. М., 1976. – С. 6.

[2] Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839. London. 1840; Longworth J. A. A year among the Circassian. London, 1840; Spencer E. Travels in Circassia, Krim and Tatary. London: Henry Colburn, 1836; Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа (по Черкесии, Абхазии, Мингрелии, Грузии, Армении и Крыму). Сухуми, 1937.

документальных комплексов. В частности, упомянутый труд английского купца Д. Белла используется в рамках комплексной характеристики торговой деятельности на Черноморском побережье Западного Кавказа, также для адекватного подтверждения вывода о негативном отношении полномочных представителей горских сообществ к иностранным эмиссарам, проявившемся на народном собрании[1]. Кроме того, Г. А. Дзидзария мастерски находит текстовый фрагмент, в котором британский агент прямо признается в том, что Англия непосредственно вмешивается в политическую жизнь черкесских сообществ, хотя в большинстве других случаев подобное предположение сопровождается немедленным авторским опровержением[2]. Выдающийся ученый подтверждает собственные выводы и посредством тщательно проанализированной информации, полученной из аналогичного сочинения Дж. А. Лонгворта. Например, он умело использует вполне достоверное сообщение британского агента, характеризующего систему социальных отношений, сложившуюся внутри горских сообществ Западного Кавказа[3]. Г. А. Дзидзария также использует проверенные сообщения данного источника о процветающей работорговле и постепенном разочаровании воющих горцев в европейских союзниках, не способных оказать адекватную помощь в тяжелой борьбе с имперской военной машиной[4]. Что касается упомянутого этнографического нарратива Д. де Монпере, то выдающийся ученый использует реконструированные факты в рамках комплексной характеристики военно-политических проблем, связанных с Западным Кавказом. В частности, яркие ремарки французского путешественника помогают Г. А. Дзидзария более точно передать реальное отношение европейских государств к Кавказской войне,

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 65, 117.

[2] Там же. – С. 104

[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. – С. 90.

[4] Там же. – С. 113.

которая рассматривается в качестве реального инструмента системного ослабления российского влияния в рассматриваемом регионе[1]. Таким образом, необходимо признать, что выдающийся ученый умело использует исторические факты, реконструируемые из нарративных источников, для адекватного подтверждения собственных научных выводов, сформулированных на информационной основе, полученной из документальных свидетельств.

[1] Там же. – С. 99.

М. Е. Колесникова,
Ставрополь

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XIX СТОЛЕТИЯ

Изучение интеллектуального наследия исследователей Северного Кавказа XIX века составляет органичную часть истории отечественного кавказоведения. Осмысление многообразного опыта исторического познания региона, выявление основных каналов накопления знаний о нем необходимы для дальнейшего развития исторической науки в целом.

Начало XIX в. ознаменовалось присоединением к России Грузии (1801) и образованием Кавказской губернии (1802). Последовавшее за этим строительство Военно-Грузинской дороги давало России ключевые позиции в регионе. В период 1804-1810 гг. к России были присоединены княжества Западной Грузии и Абхазии. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. за Россией признавалось право на Дагестан, Грузию, ханства Бакинское, Ганжинское, Дербентское, Карабахское, Кубинское, Шекинское, Ширванское и Талышское. В 1828 г. по Туркманчайскому мирному договору в состав Российской империи вошла Восточная Армения. Адрианопольский мир 1829 г. закрепил за Россией Черноморское побережье Кавказа.

Активное распространение русского влияния в регионе способствовало повышению интереса к Кавказскому краю не только государственных деятелей, военных, но и ученых, писателей, художников. Это объяснялось еще и тем фактом, что даже в науч-

ных кругах сведения о Северном Кавказе были поверхностными и эпизодическими. Начинаются, насколько это было возможным в период военно-политической нестабильности в регионе («замирание Кавказа» было длительным периодом, до 1864 г. шла Кавказская война, отдельные очаги выступлений горцев сохранялись вплоть до 1884 г.), интенсивный сбор и систематизация материалов по истории и этнографии края. Естественно, предпринимаемые меры для изучения Кавказа и его народов осуществлялись преимущественно в военных целях.

Изменилось общее направление исследований. Если для XVIII в. были характерны масштабные, комплексные академические исследования, то в XIX в. их стало значительно меньше. На смену им пришли специализированные научные экспедиции по линии отдельных ведомств, столичных научных учреждений и обществ. Появились исторические сочинения, основанные на тщательном, скрупулезном изучении архивных документов. Господствующий в первой трети XIX в. романтизм в художественной литературе и публицистике наложил отпечаток и на исторические исследования о Северном Кавказе, в которых стали преобладать социальные сюжеты, изучение жизни и быта народов, их общественного устройства.

Период XIX в. – это время появления первых исторических сочинений, которые, как и различного рода описания, докладные записки и путевые заметки того времени, принадлежали непосредственным участникам и наблюдателям исторических событий (преимущественно офицерам и чиновникам) и в большинстве своем имели военно-стратегический характер, были выполнены в форме военно-топографических, военно-статистических, статистико-географических и историко-географических описаний. Среди них работы П. Г. Буткова, С. М. Броневского, И. Ф. Бларамберга, И. Д. Дебу, И. Шаховского, Г. Новицкого, П. Зубова, Н. Н. Забудского и др. [1]

[1] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / Ред. Л. Броссе. СПб., 1869. Ч. I-II; Броневский С. М. : Новейшия известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2 т. / Подгот. текста к изд., предисл., примеч. И. К. Павловой. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004; Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И. М. Назаровой. М. : Изд. Надыршин А. Г., 2010; Дебу И. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. СПб., 1821. Ч. 8. Кн. 18; СПб., 1822. Ч. 3. Кн. 22, 23; Ч. 10. Кн. 24; Его же: О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах / Собр. И. Дебу с 1816 по 1826 гг. СПб., 1829; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель: в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении: В 4 ч. СПб., 1834-1835; Обозрение Кавказского края по северную сторону Главного хребта в историческом, топографическом и статистическом отношении, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Забудским, 1851 г. Б. м.

Определенную роль в изучении региона сыграла российская армия. Военные научные экспедиции (например, генерала Емануеля в 1829 г. на Эльбрус и в Верхнее Прикубанье)[1] и миссии являлись своеобразным интеграционным механизмом в культурной сфере.

Этнографические сведения о народах региона содержатся и в работах поручика Генерального штаба барона И. К. Аш, который в преддверии Абхазской экспедиции осматривал район Бомбора: «Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта», «Сведения, составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от развалин монастыря Гагры до р. Сочали и береговой дороги на сем расстоянии», «Описание Цебельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам»[2].

[1] См. : Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851; Гориславский И. А., Зюзин С. А., Хаширов А. В. Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007.

[2] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М. : Наука, 1976. – С. 22-24.

Из среды военных вышли многие представители северокавказской интеллигенции, просветители и общественные деятели: Ш. Б. Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, М. Кодзоков и др. [1]

Значительную роль в становлении северокавказской историографической традиции сыграли военные историки второй половины XIX в. : Н. Ф. Дубровин, А. Л. Зиссерман, П. П. Короленко, И. С. Кравцов, И. Д. Попко, В. А. Потто, Д. Романовский, К. Ф. Сталь, В. Г. Толстов, Р. А. Фадеев, Е. Д. Фелицын, Ф. А. Щербина, С. Эсадзе, А. Юров и др. [2]

[1] Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / вступ. ст. и подгот. текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994; Хан-Гирей С. Избранные произведения / подгот. текста и вступ. ст. Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974 и др.

[2] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1871–1888. Т. I–VI; Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы в 17 рассказах с эпилогом, картою и 4 рис. с натуры. В 2 ч. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1858; Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка: В 10 т. СПб., 1893–1895; Его же: Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1–2. [Репринт. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991]; Его же: Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. СПб. ; Тифлис, 1885–1889. [Репринт. Ставрополь: Кавказский край, 1994]; Его же: Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. / Ф. А. Щербина. Т. 1. История края. Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правл., 1910; Т. 2. История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913; Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Куб. сб. Екатеринодар, 1891. – Т. 2; Его же: Краткий очерк заселения Кубанской области. Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области // ИКОИРГО. Тифлис, 1884. Т. 8. Вып. 2. – С. 250–284. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Исторический очерк Кавказ. гор. войны в Закубанском крае и Черноморском побережье / Д. И. Романовский, С. Эсадзе; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2004; Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007 и др.

Во второй половине XIX в. параллельно с освоением новых северокавказских территорий происходит научное изучение региона силами столичных ученых – сотрудников научных учреждений и обществ и провинциальных исследователей – сотрудников северокавказских статистических комитетов и северокавказских научных обществ. Исследованием региона начали заниматься научные общества и учреждения, чья деятельность нашла поддержку среди местной администрации, оказавшей финансовую помощь в изучении края, местной интеллигенции и военных, которых активно вовлекали в исторические, археологические и этнографические исследования.

Главными центрами по изучению региона в этот период стали крупнейшие научные общества России: Императорское Русское Географическое общество и его Кавказский отдел, Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета, и его Этнографический отдел, Императорское Московское археологическое общество, которые в институциональном отношении представляли собой своеобразные научные центры по изучению региона. Их структура, специфика работы с провинцией, исследовательские программы, направленные на изучение истории, археологии и этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил и дальнейшему развитию северокавказской историографической традиции[1].

Ключевую роль в развитии исторических исследований на Северном Кавказе сыграл V (Тифлисский) Археологический съезд (1881 г.), вызвавший научный и общественный интерес к региону, положивший начало систематическому изучению края, наметивший задачи и перспективы развития кавказоведения вплоть до

[1] См. : Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: 2-е изд., доп. / Науч. ред. М. П. Мохначева. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.

наших дней[1]. Систематическое археологическое обследование Северного Кавказа во второй половине XIX в. осуществляло центральное координирующее археологическое учреждение России – Императорская Археологическая комиссия, совмещавшая в себе научно-исследовательские, охранные и реставрационные функции. Члены Императорской Археологической комиссии А. А. Бобринской, В. Г. Тизенгаузен, Н. И. Веселовский, Н. П. Кондаков, Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марр, Э. А. Реслер и др., а также любители древности, тесно сотрудничавшие с комиссией, внесли неоценимый вклад в развитие северокавказской археологии. Ими были исследованы и спасены от разрушения многочисленные памятники археологии, сохранены уникальные свидетельства о древностях различных народов Северного Кавказа. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже, уже в советский период развития отечественной исторической и археологической науки.

Важную роль в развитии исторических исследований и историографической традиции сыграли северокавказские (Ставропольский губернский, Терский, Кубанский и Дагестанский областные) статистические комитеты. Их деятельность позволила значительно расширить источниковую базу исторических исследований, воссоздать событийную сторону локальных исторических процессов, происходивших на Северном Кавказе с древности до начала XX в. Как и в большинстве других провинциальных городов России, северокавказские статкомитеты стали первыми научными центрами, которые объединили вокруг себя провинциальную интеллигенцию, занимавшуюся археологическими, этнографическими и историческими исследованиями. Интенсивность и характер этих исследований во многом зависели от деятельности секретарей статкомитетов П. П. Соколова, Н. Н. Черноярского, И. В. Бентковского, Н. А. Благовещенского, Е. Д. Максимова, Г. А. Вертепова,

[1] См. : Труды V Археологического съезда в Тифлисе / Под ред. графини П. С. Уваровой. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К, 1887.

М. А. Караулова, Е. Д. Фелицына, В. А. Щербины, С. В. Руденко, Е. И. Козубского и др. Результаты научно-исследовательской деятельности членов статкомитетов публиковались на страницах их периодических изданий, которые, как и труды северокавказских научных обществ, являлись составной частью издательского репертуара региона в рассматриваемый хронологический период.

Активизация местных исследовательских сил во второй половине XIX в. при содействии столичных научных учреждений и обществ обусловила создание в это время и позже, в начале XX в., целого ряда северокавказских научных обществ, ставших своеобразными «точками роста», вокруг которых происходило формирование интеллектуального пространства (Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество, Общество любителей изучения Кубанской области, Общество любителей казачьей старины, Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний, Кавказское горное общество, Кубанское общество народных университетов, Терское общество любителей казачьей старины, Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края, Кубанское общество любителей изучения казачества, Терское общество защиты и сохранения памятников старины и др.). Основными направлениями их деятельности были археологические, этнографические, историко-краеведческие исследования, охрана памятников древности, музейная, просветительская и издательская деятельность. Они явились самостоятельными историко-краеведческими центрами, развитие которых определялось их организационными и материальными возможностями, самобытностью местной проблематики. Работа обществ стала тем самым подготовительным фундаментом, на котором в XX столетии развернулась деятельность последующих поколений историков по созданию фундаментальных трудов по региональной истории.

Сохранением историко-документального наследия занимались Кавказская археографическая комиссия, издававшая свои знаменитые «Акты» (Тифлис, 1866–1885), имеющие огромное зна-

чение для осмысления исторического наследия прошлого[1]. Объединив лучшие силы северокавказской интеллигенции, она сумела скоординировать усилия по изучению Кавказа, спасти от уничтожения значительное число документальных источников, заложив своей деятельностью основы архивного дела в регионе.

В северокавказских научных учреждениях и обществах работали как профессионалы, так и историки-любители, которые состояли в нескольких обществах одновременно, что было характерно для пореформенного периода. Большинство северокавказских историописателей XIX в. были выходцами из среды образованного чиновничества и учительства, отчасти из среды духовенства. Среди них было немало представителей из числа горской интеллигенции, выпускников Ставропольской мужской гимназии, военных. Они работали в статистических комитетах, состояли членами научных обществ, бескорыстно занимались научными исследованиями и просветительством, создавали музеи и библиотеки. Среди них А. П. Архипов, И. В. Бентковский, Г. А. Вертепов, В. Ф. Владимирский, Н. И. Воронов, Б. М. Городецкий, Н. Ф. Грабовский, С. К. Даль, Н. Я. Динник, А. Н. Дьячков-Тарасов, М. И. Ермоленко, К. Т. Живило, М. Заалов, А. -Г. Кешев, Д. С. Кодзоков, М. В. Краснов, В. Кудашев, Н. Т. Михайлов, Д. М. Павлов, Г. К. Праве, Г. Н. Прозрителев, Л. П. Семенов, П. Тамбиев, А. И. Твалчрелидзе, П. И. Хицунов, Б. Шаханов и многие другие[2].

Как правило, их труды были выполнены в форме краеведческих и топографических описаний. Это был наиболее распространенный тип научной работы во второй половине XIX в. Описаниям был присущ комплексный подход, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и

[1] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией [АКАК]: В 12 т. / Под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1866–1893. Т. 1-12.

[2] См. : Историография и источниковедение истории Северного Кавказа вторая половина XVIII – первая треть XX века. Библиографический указатель. Предварительный список / автор-сост., предисл. и прим. М. Е. Колесникова; Ставропольский гос. ун-т; науч. ред. М. П. Мохначева. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012.

географических сведений. Работы эти стали определенным этапом на пути создания обобщающих трудов по истории Северного Кавказа, способствовали накоплению источниковой базы, углублению и дифференциации исторической тематики. Содержащийся в них разнообразный материал позволяет не только воссоздать историю прошлого региона, но и увидеть сам процесс «создания» исторической науки в провинции.

Свой вклад в изучение и познание Северного Кавказа внесли путешественники, посещавшие край в XIX в. с разными целями: служебными, научными, познавательными, разведывательными. Среди них М. Д. Чулков, Ф. К. Бибернштейн, Я. И. Шмидт, П. И. Кеппен, Р. Скасси, Тэбу де Мариньи, Ж. -Ш. де Бесс, К. -Г. Кох, Адель Оммер де Гель, К. М. Бэр, Ф. Дюбуа де Монпере, Дж. Белл, А. Фонвиль, А. С. Фиркович, Г. Кастильон, Дж. Лонгворт, Д. У. Фрешфильд, Ф. К. Гроув, А. Ф. Маммери и др.

В XIX в. своеобразными путеводителями и энциклопедиями Северного Кавказа явились произведения русских классиков литературы, которые «открыли» для всего мира романтический образ Кавказа. Русские писатели и поэты А. А. Бестужев-Марлинский (А. А. Бестужев), А. И. Одоевский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой и др., оказавшись на Северном Кавказе, изучали языки и культуру горских народов, создали художественные тексты и образы, реалистически отображающие полиэтничный мир региона, способствовали налаживанию диалога языков и культур[1].

[1] См. : Абазов А. Ч. Кавказ в исследованиях декабристов: В. П. Романов на Черноморском побережье Кавказа // Архивы и общество. Нальчик, 2007. №2. – С. 94–101; Булыгина Т. А. Декабристы на Кавказе // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. – С. 377; Джаубаева Ф. И. Языкотворчество русских писателей как миросозидающая деятельность на Северном Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой / Под ред. проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010; Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. – С. 52-53; Серова М. И., Трехбратов Б. А. «Своей судьбой гордимся мы…». «Первенцы свободы» и «прикосновенные» к ним декабристы в кубанской ссылке. Краснодар: Традиция, 2008. – С. 38-41; Кавказские произведе-

В пореформенный период значительную роль в консолидации северокавказского культурного сообщества сыграла региональная периодическая печать. Анализ содержания «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских войсковых ведомостей», «Терских областных ведомостей», «Кубанских областных ведомостей» («Кубанские ведомости»), «Кавказских епархиальных ведомостей», «Ставропольских епархиальных ведомостей», «Владикавказских епархиальных ведомостей» показал, что провинциальное историописание, приемы и методы работы с источниками, включая устную память, а также сами конструкции исторического нарратива опубликованных в «Ведомостях» текстов по северокавказской истории фиксируют различные уровни исторического знания, типы исторического письма, формы и жанры историописания.

Современный уровень развития кавказоведения – это результат труда профессиональных ученых (археологов, антропологов, этнографов, историков, филологов) и краеведов-любителей, которые изучали Северный Кавказ, выявляли, накапливали и анализировали источниковую базу исследований, формировали историческое знание о регионе. Благодаря деятельности Академии наук, многочисленных научных обществ и учреждений, как столичных, так и северокавказских, частных лиц, любителей старины и древности по выявлению, собиранию, изучению и введению в научный оборот источников в XIX в. происходило становление различных направлений в кавказоведении, шло формирование северокавказской историографической традиции. Вместе с тем, изучение Северного Кавказа в рассматриваемый период явилось определенным шагом по органичному включению его в единое социокультурное пространство страны, способствовало налаживанию межэтнического диалога и взаимопонимания народов Кавказа и России.

ния А. А. Бестужева-Марлинского см. : Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. – С. 29–220.

Р. Г. Мамий,
Майкоп

ВОЙНА. ПОЛИТИКА. КУЛЬТУРА (Кавказ: XIX – XX вв.)

Своим богатейшим научно-историческим наследием Георгий Алексеевич Дзидзария возвращает нас вглубь прошлых веков и заставляет вновь и вновь осмысливать многогранный путь развития, сложную и трудную судьбу не только абхазов, но и других народов Кавказа, особенно родственных абхазам адыгов (черкесов). В числе главных проблем, поставленных и рассматриваемых на настоящей международной конференции, и интеллектуальная история этих народов. В её рамках актуально выделить некоторые вопросы их материальной и духовной культуры. А они занимают существенное место в таких фундаментальных работах Г. А. Дзидзария, как «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке», «Присоединение «Абхазии к России и его историческое значение», «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» и другие.

Кроме социально-экономических, политических вопросов истории они содержат глубокий анализ фактического материала по глобальным вопросам народной культуры. И совершенно справедливо подчеркивает А. Э. Куправа, что «истинные ценности народного творчества в целом в его восприятии выходили за национальные рамки, обретали общечеловеческое звучание»[1].

[1] Куправа Э. А. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухум, 2006. – С. 9.

А оценки и выводы в книге «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», научное и познавательное значение её выходят далеко за пределы истории Абхазии и охватывают весь Кавказ. Ученый заставляет думать о том, через какие тяжелейшие испытания прошла в ходе войны культура народов этого региона, чтобы донести до нас материальную культуру, духовно-нравственную жизнь наших народов, подвергавшихся насильственному изгнанию из насиженных, обжитых тысячелетиями мест.

Об этом пишут многие исследователи традиционной культуры адыгов. Анализируя эту проблему, Р. А. Ханаху подчеркивает, что «в результате войны были надломлены все традиционные устои жизни адыгов . ., произошла культурная катастрофа… Исчезали корни, питавшие традиционную культуру»[1]. Можно здесь вспомнить теории В. И. Вернадского, Л. Н. Гумилёва и других о неразрывной связи этногенеза и биосферы, о природной среде, как о географическом детерминизме, являющимся важнейшим условием формирования каждой этнической культуры, национального менталитета. Верно и то, что ментальность горца – жителя Кавказа предопределяется горами. «Горы у горцев больше, чем горы, – пишет К. Унежев, – они у них и Дом, и Небо, спасение и опасность… Горы – это вечный их очаг»[2]. «Именно в органическом единстве с природой Кавказа, – продолжает он свою мысль, – адыги (черкесы), как и другие народы, создали свой образ жизни, свой образ мышления»[3].

Глубоко вникая в философско-аксиологическую суть традиционных культур Кавказа, очень важно оценивать все это в их исторической потенции, в общей динамике этнического развития. Последствия Кавказской войны XIX века выразились, прежде всего для адыгов (черкесов), в изгнании их из насиженных, обжитых

[1] Ханаху Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 90.

[2] Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской культуры). Нальчик, 1997. – С. 43.

[3] Там же. – С. 136.

тысячелетиями мест. По свидетельству А. Н. Дьячкова-Тарасова, Дж. Белла, К. Ф. Сталя, Султана Крым-Гирея и других, они плотно заселяли тысячами деревень, аулов долины таких горных рек Кавказа, как Псекупс, Пшиш, Фарз, Шхагуаше (Белая), афипс, Курджипс и многие другие. А сегодня даже изгнанных в болотистые места адыгских аулов не насчитаешь и полсотни. А население сократилось в десятки раз. Основательно была разрушена среда обитания, где веками был накоплен опыт террасного земледелия, выращивания приспособленных к горным условиям породистых лошадей, овец и других животных. Вместе с хозяйственно-бытовой жизнью здесь выработался этнокультурный феномен «адыгагъэ» (адыгство), народ сложил известный всему миру героический эпос «Нарты» и многое другое.

Сохраненные и восстановленные коренными народами элементы и черты традиционных культур прошли через суровые испытания в годы Второй мировой войны и послевоенные годы, особенно у чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев, калмыков, когда они насильственно были выселены из обжитых мест. Были окончательно подорваны их традиционные быт, хозяйство, материальная и духовная культура, произошли существенные изменения в их ментальности. А то, что было восстановлено некоторыми народами после их возвращения, снова было подвержено жестоким испытаниям в результате кровавой, никому не понятной и ненужной войны в Чеченской республике. Воистину прав В. А. Тишков, когда он пишет: «Любой вооруженный конфликт, а тем более война, наносит огромный ущерб культурной среде»[1].

Продолжая эту мысль, нельзя не упомянуть и ещё об одной катастрофе, негативные последствия которой долго будут отражаться на культуре и традициях, в общественном сознании адыгов. Речь идет о Краснодарском водохранилище. Строительство этого рукотворного моря, как его окрестили журналисты, – это тот

[1] Тишков В. А. Война и культура // Культура Чечни. История и современные проблемы. М. : Наука, 2002. – С. 6.

же путь уничтожения среды обитания, разрушения десятков населенных пунктов, переселения многих тысяч людей. Тем самым их материальной и духовной культуре нанесен непоправимый ущерб. Сколько сложных, чрезвычайно трудных экологических, хозяйственных, социальных, нравственно-психологических проблем поставило и сегодня в ходе исторического творчества народа, ставит это гидротехническое, никому не нужное сооружение, известно всем. О. Дамения считает, что разрушение такого рода «следствие чрезмерной перегрузки биоэкологической системы региона, резкого отхода от традиционного опыта природопользования и перехода к образу жизни и технологическим принципам западной цивилизации»[1]

Без учета всех этих катаклизмов трудно понять самовоспроизводящий характер и сильную внутреннюю динамику традиционных культур. Многие идеалы и нормы, сформировавшиеся в ходе исторического духовного творчества народа, и сегодня сохраняют свое непреходящее значение. Нередко они являются катализаторами возрожденческих процессов. Следует подчеркнуть, что культура является универсальным регулятором жизни общества там, где государство, власть полностью используют ее огромный потенциал. В зависимости от смысла, который вкладывается в ее понятие, культура имеет сотни определений. Наиболее полно ее суть выразил Ю. А. Жданов, который считал, что культура «синтезирует в себе творческую производственно-преобразующую, познавательную, художественно-эстетическую, ценностно-ориентационную формы деятельности, способ общения человека с людьми и природой»[2]. Нетрудно заметить, что на многих форумах, в которых участвуют власть и политики и затрагиваются проблемы использования культуры как мощного фактора создания мира,

[1] Дамения О. Н. К проблеме идентификации кавказской культуры / Вестник Адыгейского государственного университета. №1, 1998. – С. 56.

[2] Жданов Ю. А. Демоническая сила невежества / Инновационные подходы в науке . Ростов-на-Дону, 1995. – С. 103-104.

стабильности, повелительным императивом является **политика.** Это имеет объективную основу. Культура, особенно духовная, не может быть аполитичной. И вообще деполитизация, как и деидеологизация культуры, абсолютно невозможны.

Все это важно в таком регионе, как Кавказ, где этническая карта чрезвычайно широка и многообразна. На этой территории проживают представители более 150 национальностей. Многие из них аборигены, зародились и сложились здесь как этносы, народности, нации. У каждого народа свой язык, свои хозяйственно-бытовой уклад, обычаи и традиции, духовно-нравственные основы национальной культуры, свои менталитет и мировоззрение. Одно то, что художественная литература, отражающая все это, пишется здесь более, чем на 20 языках, говорит о многом.

Игнорирование этих уникальных факторов, неумение и нежелание до конца учитывать и просчитывать их в государственной политике, в межнациональных отношениях приводят к катастрофическим последствиям. На перекрестке веков XX и XXI они не заставили долго ждать Кавказ и Россию. Все это требует искать и находить различные плоскости, на которых можно было бы решать возникающие острые проблемы. Одна из них культурологический фактор. Речь идет о выявлении и характеристике общих черт, факторов, тенденций и этапов социокультурного развития этнических территорий и национально-территориальных образований в исторической ретроспективе и сегодняшнем облике.

Одним из важнейших инструментов здесь может и должен быть **диалог** культур в полном смысле этого слова. Ничья культура, как и ничья идея, включая свои собственные, не могут быть окончательными, универсальными. Вспомним слова М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах» другой культуры раскрывает себя полнее и глубже»[1]. И это неизбежно приводит к диалогизму. В диалоге, в общении идет процесс взаимообогащения, процесс узнавания себя через другого. Золотым правилом такого

[1] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство. – С. 334.

общения является умение **слушать** и **слышать** другого. Обладание этим качеством является одним из главных признаков высокой культуры человеческой личности. А за диалогом должны следовать контакты, взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения. Здесь очень важно выяснить, на каком уровне и с каких позиций вести диалог различных национальных, региональных культур: с точки зрения не утратившей свои былые черты постсоветской культуры; или попытаться строить разговор на уровне вездесущей массовой культуры, влияние которой не может избежать в современном мире ни одна национальная культура, какой бы консервативной, закрытой она не была; может быть в диалоге лучше всего опираться на традиционные национальные ценности в каждом регионе Кавказа? Тем более, что в новых исторических условиях плодотворную настойчивость по их возрождению проявляют все народы.

Понятно, что все эти направления не существуют в чистом виде ни в одной культуре. Речь идет о приоритетах, над которыми должны работать все участники диалога (полилога) и которые должны обеспечить внутреннее единство народов. При этом нельзя не обратить внимания на различные стороны проявления и функционирования национальных традиционных ценностей. С одной стороны, традиционность как бы предполагает замкнутость, труднопроницаемость, невосприимчивость к различным новациям, к другим этнокультурным образованиям. А с другой, – в современном мире трудно избежать влияния и воздействия техногенно-цивилизационных процессов и интерпретативных отростков массовой культуры, не имеющих никакого отношения к философии разума и гуманизма.

Вместе с тем, как ни парадоксально, именно консервативность, устойчивость, а иногда и закрытость, во-первых, помогли традиционным культурам сохранить свои «несущие конструкции», пройдя через разрушительные этапы в своем историческом развитии; во-вторых, именно эти качества позволяют им и сегодня воспринимать из других культур и национальных ценностей именно те элементы, которые созвучны их гуманистической сути; в-третьих, являясь избирательно восприимчивыми, они сохраняют свою и национальную, и общечеловеческую суть, имеют тенденцию к саморазвитию и обогащению, одновременно обладают способностью воздействовать на другие культуры своими лучшими достижениями и качествами.

Здесь одинаково неприемлемы такие крайности, когда процесс врастания нового в традицию идет медленно, задерживая рост всей культуры в целом; и тогда, когда происходит революционная ломка всего того, что было накоплено предыдущими поколениями якобы во имя создания совершенно новой культуры. Второй подход сопутствует обществу при крутых поворотах истории, с которыми связано разрушение всей социально-экономической и общественно-политической системы общества.

Управлять этим процессом означает всесторонне и максимально учитывать складывающуюся социокультурную ситуацию и создавать такие возможности в обществе, при которых происходило бы разумное включение элементов других культур в свою собственную, но при одном непременном условии: не игнорировать принципы самобытности национальной традиционной культуры. Такая разумная модернизация обогащает традиционную культуру, делает ее устойчивой, восприимчивой к новым ценностям.

Ретроспективная оценка прошлого и здесь способна во многом прояснить и современную ситуацию. Она дает возможность увидеть истоки нынешних проблем, исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты общественного развития, извлечь из прошлого опыта социально значимые уроки.

Разумеется, процесс этот неоднозначный, противоречивый. Конечно, каждый народ гордится своей национальной культурой, её чертами, признанными многими другими народами, например, это кавказское, горское гостеприимство, элементы пищи, одежды

и т. д. Адыгам-черкесам доставляет радость, когда песню «Черкесска» на слова широко известного Исхака Машбаша поют везде на Кавказе:

Хоть и по мне черкесска сшита,
Всему Кавказу подошла.

Вместе с тем на современное культурное взаимодействие накладывается ряд негативных явлений, из которых самое опасное – проявление национальной исключительности, при которой признаются только свои этнические ценности, противопоставляя их другим. Такая тенденция очень. Во-первых, она ведет к отрыву, изоляции собственных культур от магистрального направления общечеловеческого культурного развития. Во-вторых, такой нигилизм, игнорирование других культур способствует конфликту, конфронтации с соседями, с которыми прожиты вместе тысячелетия. Канатом перетягивания не раз становился великий, древний, общекавказский героический эпос «Нарты». В спорах о том, кто первым подарил миру это выдающееся творение человеческого разума, иногда доходили до оскорбительных выпадов не только в адрес отдельных личностей, но и целых народов. А споры о том, кто первым придумал бурку или рецепт кисломолочной продукции – айрана, щхыу, кефира, кто первым осуществил восхождение на ту или иную гору, хотя и вызывали улыбку, были не столь безобидны, как кажется на первый взгляд, особенно в устах некоторых деятелей науки культуры.

Если в основе этих споров лежит плохое знание истории народа, его традиционной культуры, то это опасно. Но если подобные идеи национальной исключительности проталкиваются и постоянно подогреваются людьми, претендующими на науку и научность, это уже вдвойне опасно. Они ослабляют внутреннюю цельность кавказского общества, его стремление совмещать и обогащать культурное многообразие.

Важным и существенным фактором взаимодействия национальных духовных культур является религия. В системе традиционных культур Кавказа даже после длительной полосы воинствующего атеизма он остается сильным. Имеются в виду не только ислам и народы, использующие его, но и другие обширные районы Кавказа, в которых многие дисперсно проживающие в них народы относят себя к христианству.

Религия тесно переплетается с бытовой культурой, затрагивает миропонимание, взгляды, образ жизни, семейные отношения. Кроме того, степень религиозности у разных народов разная. У северо-западных адыгов, например, никогда не наблюдалось ни религиозного фанатизма, ни фундаментальных основ веры. Религиозные догмы всегда находились в подчиненном отношении к этнокультурному феномену «адыгагъэ», который в какой-то мере является базой, системой морально-нравственных и этических норм, соотнесенных с общечеловеческими (гуманистическими) ценностями. Исследователи религиозных верований адыгов отмечают, что «отдельные исламские обряды и ритуалы, проникнув в жизнь адыгов, приобрели этническую окраску и слились с традиционной культурой народа в результате функционирования этнофеномена «адыгагъэ». Воспринятый много лет назад и закрепленный в этом феномене «народный» ислам сегодня вступает в противоречие с официальной исламской догматикой, идеи которой проникают к адыгам на волне миссионерской деятельности представителей различных мусульманских государств».[1]

Тем не менее, вероучения имеют много точек соприкосновения с гуманистическими идеями, содержащимися в традиционных культурах, и они должны быть использованы в миротворческих целях. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что последнее

[1] Ляушева С.А. Религиозное и национальное в традиционной культуре // Известия Центра системных ис-следований Майкопского государственного технологического института. Вып. 1. Майкоп, 1999. – С. 19.

время активизировалось сотрудничество различных религиозных конфессий.

При постоянном возрастании цивилизационных факторов происходит сдвиг ментальности у носителей традиционной культуры, особенно у молодежи. Этому способствует деформированное общество, в котором мы живем, устойчивое сохранение элементов имперского мышления в политике в области национальных отношений, правовой беспредел и криминализация политической и общественной жизни. Не секрет, что рыночная стихия дает и «рыночного человека», систему вещных отношении, вещных ценностей, стремление отбросить самоценность науки, культуры, искусства и превратить их в простые вещи для купли и продажи. Культура вековая, традиционная, способная к разумному обогащению, открытая и восприимчивая к гуманистическим ценностям, настолько дорогая вещь, что ее нельзя отдавать рыночной стихии.

Все ученые, трезво и обстоятельно оценивающие этнодемографическую, этнополитическую и этнокультурную ситуацию на Кавказе, как и во всей России, сходятся на мысли о том, что необходимо глубоко представлять себе диалектику и оптимальный баланс их развития, выявлять в этом процессе такое соотношение, при котором этносоциальные общности и этнические группы, естественно, должны сохранить во всей полноте и развивать этничность. И в то же время оставаться открытыми для связей с культурами других народов. Здесь действует закон единства и борьбы противоположностей, где выявляется диалектика взаимодействия общечеловеческого и национального.

Мы не должны забывать, что живем в уникальном но своему этническому составу, культурному многообразию и разнообразию регионе. «На планете не существует региона, – отмечал Ю. А. Жданов, – где жили бы длительно и совместно сотни народов... Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества... Поэтому художественная и

научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы»[1]. И это диктует необходимость иметь четкую, научно обоснованную программу национально-культурной политики, проводимую не силовыми методами, а с учетом исторического пути и культурного наследия всех народов, проживающих в нем.

[1] Жданов Б.А. Солнечное сплетение Евразии. – Ростов-на-Дону. Майкоп, 1999. – С.23.

А. Д. Панеш,
Майкоп

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА КАК СЛОЖНОЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

В статье рассмотрены основные факторы российско-адыгских отношений в период Кавказской войны. Показано влияние геополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе на характер взаимоотношений адыгов с Россией и Турцией.

Ключевые слова: *адыги, геополитика, Россия, взаимодействие, Кавказская война*

Panesh Askerbiy Dzepshevich, doctor of historical sciences, professor, deputy director ARIGI them. TM Kerasheva Science, vol: 918-424-76-10; ***askerpanesh@mail. ru***

Caucasian war as a complex interweaving of specific historical factors

The article describes the main factors of Russian-Adyghe relations during the Caucasian War. Shows the influence of the geopolitical situation in the North-West Caucasus on the relationships Adygs with Russia and Turkey.

Keywords*: Circassians, geopolitics, Russia, interaction, Caucasian War*

В истории всего человечества войны являлись всегда страшным бедствием, оставляющим кровавую память и тяжелое наследие потомкам. Однако вопреки простой логике прошлое обычно не становится, как говорили уже древние римляне, «учителем жизни», а само может как бы превращаться в источник новых

межэтнических или конфессиональных противостояний и конфликтов. Несмотря на это, горький опыт войн заставляет людей все глубже задумываться над этим вселенским бедствием, искать пути согласия, примирения и взаимного прощения. Похоже на то, что и на территории бывшей Российской империи и Советского Союза начинает пробуждаться осознание необходимости вступления на путь «исторического консенсуса» между народами. В пользу этого говорят ежегодно проводимые Дни памяти жертв Кавказской войны. Состоявшиеся в этом году научно-практические конференции были посвящены 150-й годовщине со дня окончания Кавказской войны. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, на Кубани и в Адыгее местная администрация совместно с общественностью воздали должное героям прошлого, павшим в этой жестокой истребительной войне. Сама история Кавказской войны, напоминающая о трагических событиях прошлого, должна призывать не к конфронтации, а к укреплению дружественных отношений между народами Северного Кавказа и остальной России.

Проблемы Кавказской войны являются предметом пристального интереса не одного поколения исследователей. При этом на протяжении довольно длительного времени, приоритетность тех или иных аспектов изучения, а также профессиональные оценки зависели, а зачастую и продолжают зависеть, от господствующих идеологических предпочтений государства. И только в последние десятилетия, благодаря изменениям, произошедшим в развитии, как самой исторической науки, так и политического климата в стране, появились реальные возможности более взвешенного подхода к пониманию сложных процессов, происходивших в период Кавказской войны.

Развитие отечественной историографии последних лет демонстрирует значительно меньшую ангажированность исследовательской практики в этом направлении, хотя и не снижает остроты научных дискуссий.

Важнейший этап в изучении проблем Кавказской войны связан с именем выдающегося абхазского ученого Георгия Алексеевича Дзидзария. Впервые в отечественной историографии он провел комплексное исследование трагических последствий Кавказской войны. Фундаментальный труд ученого посвящен вопросам вынужденного переселения абхазов и адыгов на завершающем этапе военных действий на Северо-Западном Кавказе[1]. Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников, Г. А. Дзидзария показал истинные масштабы мухаджирства абхазов и адыгов.

В 1976 г. увидела свет монография Георгия Алексеевича, посвященная жизни и деятельности Ф. Ф. Торнау, одного из ярких представителей прогрессивного русского офицерства периода Кавказской войны[2]. Работа основана на обширном документальном материале.

События Кавказской войны протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой внешнеполитической обстановки на Северо-Западном Кавказе. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие двух основных сил – России и Османской империи. В условиях столь сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения адыгов с сопредельными государствами складывались по-разному и имели неоднозначный характер. Одни из этнотерриториальных групп адыгов оказывались так или иначе в сфере влияния России, а другие – Турции. В этих условиях адыгам приходилось вести вооруженную борьбу за свою самостоятельность.

Взаимоотношения адыгов с Россией не были равнозначными на всем протяжении первой половины, середины и начала второй половины XIX в. Серьезное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Важную роль играл и общий геополитический курс, проводившийся на Кавказе. При этом выявляется определенная закономерность: влияния смены и чередования жесткой и более сбалансированной политической и военной линии на характер российско-адыгских отношений. В этом смысле достоин внимания тот факт, что проводившаяся в первой четверти XIX в. генералом А. П. Ермоловым и вызывавшая осуждение прогрессивных кругов России жестокая военно-карательная политика привела к вооруженной конфронтации с адыгами. Замена в дальнейшем такой политики более умеренным курсом способствовала некоторой стабилизации российско-адыгских отношений[1].

Характер отношений Западной Черкесии с Россией определялся политикой Османской империи на Северо-Западном Кавказе. Адыги оставались в сфере влияния Турции, на Черноморском побережье располагались османские крепости Анапа и Суджукале. Однако зависимость черкесов от Турции была номинальной, авторитет и влияние Порты основывались на религии и широко развивавшихся торговых связях[2].

Во второй половине 20-х гг. XIX в. Порта активизирует свои действия на Северо- Западном Кавказе. На повестку дня османской политики встает вопрос об укреплении позиций в регионе активным распространением ислама и объединением адыгов. Для этой цели со специальной миссией в Анапу был направлен Хаджи-Хасан Чечен-оглу, приложивший немало усилий для политической консолидации адыгов[3]. По свидетельству Хан-Гирея, турецкий сановник пользовался уважением адыгов и «он старался узнавать малейшие подробности о крае, для управления или, вернее сказать, покорения которого был прислан; он расспрашивал о

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975.

[2] Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.

[1] Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. – С. 135.

[2] Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII–60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. – С. 65.

[3] Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1878. Т. VII. – С. 873.

местных обычаях и, как ни странно, о древних песнях и преданиях, которые, по его словам, и весьма основательным, должны иметь сильное влияние на дух воинственного народа, лишенного писаной истории»[1].

В своей деятельности Хасан-паша добивался того, чтобы адыги принесли присягу на верность турецкому султану и обязались подчиниться законам Порты. Проповедуя религиозные идеи, он требовал, чтобы черкесы при разбирательствах частных и общественных дел руководствовались шариатом.

Турецкий сановник, имевший определенные успехи в деле укрепления позиций Порты на Северо-Западном Кавказе, оказался в поле зрения российской военной администрации на Кавказе. В сообщении командиру Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевичу отмечалось, что деятельность Чечен-оглу «имела невыгодное влияние на сближение наше с закубанцами, кои в настоящее время хотя не оказывают нам никаких неприязненных поступков, но видимо от нас удаляются, прилепляясь к турецкому правительству»[2].

В рассматриваемое время важным фактором российско-адыгских отношений являлась торговля на Черноморском побережье. Еще в 1816 г. российский коммерсант генуэзского происхождения Р. А. Скасси развернул активную деятельность по налаживанию взаимовыгодной торговли с адыгами. В 1821 г. он возглавил «Попечительство торговли с черкесами и абазинцами».

Для подрыва российского влияния в Западной Черкесии Хасан-паша всячески стремился стеснить деятельность российского коммерсанта. Со своей стороны Скасси также принимал энергичные меры для ослабления влияния турецкого эмиссара. Следует отметить, что своеобразное противостояние Хасан-паши и Скасси явилось одним из ярких выражений торгово-экономического соперничества между Россией и Турцией на Черноморском побережье.

[1] Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. – С. 531
[2] АКАК. Т. VII. – С. 873.

Для укрепления своих позиций Хасан-паша пытался учредить у адыгов шариатское судопроизводство. Предложения анапского паши активно обсуждались на собрании шапсугов и натухайцев, проходившем летом 1826 г. Заявление адыгских вождей было категоричным: «…мы желаем быть мусульманами, но по нашей доброй воле, и насилу мы никого не слушаем и слушать не будем»[1]. Анализ конфессиональной ситуации, сложившейся в Причерноморской Черкесии позволяет констатировать, что пропаганда и внедрение здесь исламской идеологии проходило значительно медленнее, чем на Северо-Восточном Кавказе.

Определенное влияние на обстановку в северо-западном регионе оказала Крымская война 1853–1856 гг. Англия и Франция пытались использовать местное горское население в борьбе с Россией. В 1854 г. лорд Пальмерстон вынашивал планы создания независимого Черкесского государства. Другие западные политики делали ставку на создание Черкесского государства под эгидой Англии, либо под протекторатом Османской империи. Большие надежды Турция, Англия и Франция возлагали на шамилевского наиба Мухаммеда Амина, действовавшего на Северо-Западном Кавказе[2]. Однако их расчеты на привлечение адыгов на свою сторону в войне с Россией не привели к успеху. Населявшие Закубанье адыги и другие кавказские народы не поддержали намерений Турции и ее западных союзников вовлечь их в войну с Россией на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа. Попытка турецких властей заставить адыгов принять «подданство» Османской империи была пресечена ими самым решительным образом. Даже захват в 1855 г. Анапы оккупационным корпусом Турции и союзников по Крымской войне не отразился на решимости адыгов не принимать участия в

[1] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных мате-риалов). Тбилиси, 1953. – С. 1.
[2] Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60-х гг. XIX в. (Сборник документов и материалов). Махачкала, 1998.

войне с Россией. Парижский мирный договор (1856 г.) несмотря на поражение России в Крымской войне, признал право на владение Черноморским побережьем Северо-Западного Кавказа.

Характер отношений России с Черкесией определялся политикой имамата на Северо-Западном Кавказе. Однако формирование здесь идеологии освободительного движения проходило значительно медленнее, чем в Чечне и Дагестане. Адыгское общество не имело достаточной идеологической базы для быстрого распространения религиозных учений, вокруг которых объединялись вольные общества Дагестана. Слабостью позиций ислама на Северо-Западном Кавказе и среди западных адыгов объясняется тот факт, что хотя «мусульманский фактор» сыграл здесь определенную роль, но он не был решающим в их борьбе за свою независимость. Идеология ислама послужила религиозной оболочкой для политической консолидации и борьбы адыгов за свою самостоятельность.

Проникновение адептов ислама в адыгскую среду усилило напряженность в их взаимоотношениях с Россией в условиях Кавказской войны. Вместе с тем деятельность наибов Шамиля в Черкесии носила самостоятельный характер и не направлялась агентурой Османской империи.

Внедрение исламских идей в адыгскую среду не было гладким процессом, а сопровождалось внутренними эксцессами и борьбой между различными феодально-клановыми группировками. Постепенно это вылилось в противоборство двух основных направлений, возглавленных Мухаммедом Амином и Сефер-беем Заноко.

Российско-адыгские отношения нельзя изображать как сплошное противостояние, так как они не имели однообразного характера в различные периоды исследуемой эпохи. Взаимоотношения между Россией и Черкесией определялись сложным переплетением конкретно-исторических факторов. Значительное влияние на их сущность оказывала геополитическая ситуация и внутренняя

социально-экономическая обстановка. Характер русско-адыгских отношений вытекал главным образом из особенностей взаимодействия России с Османской империей, Англией, Францией и другими странами Западной Европы. В равной степени это касается и адыго-турецких отношений, которые не носили однозначного характера и отличались подчас неприязнью и даже враждебностью.

Неоднозначно складывались отношения адыгов и с имаматом Шамиля. Взаимодействие двух центров освободительного движения имело свои особенности. Не имея постоянных контактов с адыгами, Шамиль вынужден был ограничиваться перепиской с Мухаммедом Амином[1]. Деятельность наибов Шамиля в Закубанье была направлена на дальнейшую политическую консолидацию адыгов в борьбе за свою независимость. Идеи ислама послужили объективно определенным фактором расширения фронта освободительного движения северокавказских народов. Вместе с тем идеология и практика ислама в силу социокультурных особенностей развития адыгского общества не получили здесь достаточно широкого распространения.

Российско-адыгские отношения зависели в той или иной мере и от характера социально-экономического развития Черкесии. Сложные внутренние процессы, протекавшие в среде адыгов, влияли на них в прямой либо косвенной форме. Особое значение при этом имели социальные конфликты, происходившие между адыгской феодальной знатью и рядовыми массами крестьянства. Классовая борьба среди адыгов оказывала влияние на политическую ориентацию различных их групп и сословий.

В первой половине XIX в. у западных адыгов господствовали феодальные отношения. Отличительной чертой адыгского феодализма являлось существование двух типов феодальных обществ – «аристократического» и «демократического». В результате длительной борьбы шапсугских, натухайских и абадзех-

[1] Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Ма-хачкала, 2006.

ских крестьян власть феодальной аристократии была свергнута[1]. У «аристократических» субэтносов сохранялось княжеское управление. Народное правление, установившееся у шапсугов, натухайцев и абадзехов явилось политической предпосылкой реформаторского движения в годы наибства Мухаммеда Амина. Именно среди этих субэтносов идеология наиба получила наибольшее распространение.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царской России в XIX в. носила народно-освободительный характер. Она представляла собой широкое движение, в котором принимали участие все социальные слои Черкесии. Боевые действия адыгов в большинстве случаев возглавлялись князьями, дворянами, старшинами, которые, нередко выражали общенациональные настроения. Активным участником освободительного движения являлось мусульманское духовенство. Сопротивление адыгов колониальной политике царизма вылилось в народно-освободительное движение.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царизма была связана и с движением горцев под руководством Шамиля. Движение горцев Чечни и Дагестана с 40-х гг. XIX в. имело ярко выраженную тенденцию к расширению связей с другими очагами освободительной борьбы. Шамиль, всячески стремившийся объединить северокавказских горцев, направлял к западным адыгам своих наибов. Они прилагали огромные усилия для политической консолидации черкесов. Наибы добивались также переустройства общественной жизни адыгов на основе шариата. Однако первые наибы Хаджи Мухаммед и Сулейман Эфенди добились незначительных успехов в деле общественного переустройства западных адыгов, а в распространении шариата они прибегли к насильственным методам. Не проявили наибы гибкости и в вопросе о правах сословий, что послужило основной причиной их неудач.

[1] Чирг А. Ю. Указ. соч. – С. 48-54.

Деятельность Хаджи Мухаммеда и Сулеймана Эфендия укрепила позиции мусульманского духовенства и объективно подготовила почву для реформаторской деятельности Мухаммеда Амина.

Западные адыги давно проявляли стремление к политической консолидации. Народное собрание на Пшехе и дефтер 1831 г. и Адагумское собрание 1848 г. были первыми их попытками к объединению. Мухаммед Амин продолжил этот курс и в отличие от своих предшественников сумел добиться консолидации значительной части адыгских субэтносов. Третий наиб проводил более гибкую и осторожную политику.

Мухаммед Амин появляется на Северо-Западном Кавказе в момент наибольшей политической активности западных адыгов. Проведенные им преобразования придали освободительному движению западных адыгов более организованный и сплоченный характер. Однако деструктивное воздействие Кавказской войны не позволило адыгам прочно объединиться и создать государственность. Наметившаяся в ходе освободительного движения тенденция к сплочению в единую народность не смогла в полной мере реализоваться. Процессы политической консолидации в Черкесии протекали довольно сложно и противоречиво. Это объясняется действием многих факторов, как внутренних, так и внешних. Их соотношение во многом зависело от конкретной социально-экономической, политической и геополитической ситуации.

Всестороннее исследование сущности российско-адыгских отношений периода Кавказской войны требует объективного и непредвзятого анализа политики России на Кавказе. В разные периоды военного противостояния российскому правительству приходилось вносить значительные коррективы в свою стратегию и тактику в регионе. Во многом это объяснялось незнанием правящими кругами страны кавказской реальности. В этом отношении заслуживает внимания миссия Хан-Гирея на Северный Кавказ в 1837-1839 гг. Именно ему была отведена главная роль в подготов-

ке поездки Николая I на Кавказ. В своей записке на имя военного министра Хан-Гирей предлагал более активное взаимодействие русских властей с черкесской знатью в аристократических субэтносах. Петербург давно придерживался этой тактики, но особого успеха она не имела.

При внимательном изучении данной записки мы видим, что у официального Петербурга и у Хан-Гирея совершенно разные представления о тактике взаимоотношений с адыгами. «В самом деле, – пишет Хан-Гирей, – нельзя же ожидать перехода к нам наших врагов, когда они ничего не видят у нас для себя утешительного: мы от них требуем покорности... , обещаем старания о их благосостоянии, требования наши в настоящем, а обещания в будущем...»[1]. Данное высказывание характеризует степень понимания Хан-Гиреем перспектив русско-адыгских отношений, а главное, он признает необходимость взвешенной и сбалансированной политики в Западной Черкесии.

Российско-адыгские отношения в период Кавказской войны имели свои особенности. Во-первых, адыги достаточно четко представляли цели и задачи военной экспансии царизма и хорошо ориентировались во внешнеполитической ситуации. Во-вторых, ситуация в Западной Черкесии во многом осложнялась незнанием военными властями внутренней логики поведения адыгов.

В освободительном движении западных адыгов имелось два направления, возглавлявшиеся Мухаммедом Амином и Сефер-беем Заноко. Придерживаясь разных политических ориентации, они разобщали силы адыгов.

Борьба адыгов за независимость имела свои особенности. Во-первых, в ней не было ярко выраженной исламской религиозной оболочки. Во-вторых, большинство представителей класса феодалов и многочисленное крестьянство выступили как одна сила в стремлении отстоять свою независимость. В ходе народно-освободительного движения пробуждалось национальное сознание западных адыгов, возрастало их стремление к сплочению в единое политическое целое. Этот процесс имел общедемократическое содержание.

[1] Гордин Я. А. Указ. соч. – С. 214.

История российско-адыгских отношений XIX в. представляет значительный интерес для изучения особенностей и закономерностей политического и социально-экономического развития народов Северного Кавказа. Вместе с тем она заслуживает пристального внимания как одна из страниц исторического взаимодействия России и Кавказа.

Н. О. Блейх,
Владикавказ

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

После присоединения Кавказа к России и вовлечения его в орбиту капиталистических отношений этот регион приобрел для нее не только важную экономическую, но геополитическую и военно-стратегическую значимость.

Кавказ привлекал внимание России своими неиссякаемыми природными богатствами, он нужен был России как важный рынок сбыта, как путь на Восток.

Через Северный Кавказ проходили Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги, функционировали пути вдоль Черного и Каспийского морей, связывающие Россию с Закавказскими странами и Ближним Востоком.

В первой половине XIX века Восточный и Западный Кавказ были ареной Кавказской войны. Это были 20–50-е годы. И несмотря на то, что к началу пореформенного периода Кавказская война завершилась, а Шамиль был пленен, внутриполитическая обстановка в крае продолжала оставаться нестабильной. В этих условиях задача заключалась в том, чтобы правительство не допустило новых антироссийских выступлений со стороны горцев Чечни и Дагестана. В правительственных кругах вынашивались планы окончательного умиротворения Кавказа и водворения здесь «гражданственности» на основе русского языка и русского образования.

В определении курса своей просветительской политики на Кавказе правительство исходило, прежде всего, из геополитических, военно-стратегических и прогматическо-экономических интересов России и в какой-то мере – из интересов распространения знаний и образования среди кавказских народов. Проникновение капитализма в сферу производства на Кавказе требовало подготовки более или менее грамотных работников и с этой точки зрения диктовало необходимость не просто единого хозяйственного и общего языкового пространства во всех регионах России. При этом русский язык триумфально распространялся среди кавказского населения, отнюдь не только вследствие политической установки (как один из главнейших атрибутов колониального экспансионизма). Этот процесс шел непроизвольно в силу миграционных движений и колонизации края.

«Классическим образцом метрополии и колонии считаются, – пишет Л. С. Гатагова, – Англия и Индия, где английский язык сыграл историческую коммуникативную роль. Между тем, Россия и Кавказ, не будучи отделены тысячами миль, как в случае с Британской империей, непосредственно граничили друг с другом, что обусловило мощный двусторонний процесс взаимодействия и взаимовлияния – практически любой области. От этого спонтанного процесса выигрывали обе стороны»[1].

По-разному оценивают ученые-историки и историки-педагоги роль России в школьных делах горских народов и ее школьную политику, сводя её сущность от сословно-классовой до русификаторской и антинародной. Однако в оценке этой политики правительства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX вв., русификаторской в своей основе, нужно исходить не только из её негативных сторон, ограничивающих развитие национальных школ (недооценка в обучении роли родного языка горцев и их бытовых особенностей), но и из того неоспоримого фактора, что она созда-

[1] Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993. – С. 4-5.

вала здесь условия, объективно способствующие становлению и развитию школ светского направления на основе русского языка и российской гражданственности.

Учитывая роль школы как важнейшего средства идеологического воздействия на народы Северного Кавказа, воспитания у них верноподданнических чувств к престолу, а также массовую их неграмотность и потребность капиталистических форм хозяйствования в более или менее грамотных работниках, правительство и само население медленно и постепенно стали открывать в крае частные, народные, приходские, уездные и министерские школы.

Всю эту деятельность со стороны правительства, населения и сельских обществ можно квалифицировать как созидательную, которая объективно приносила пользу духовному развитию горских народов. И одновременно сама по себе школьная политика царского самодержавия в целом была противоречивой и порочной, так как проводилась без учета местных особенностей, игнорируя в обучении роль родных языков, обычаев и традиций народов Северного Кавказа. При этом в определенной мере сохраняла сословные пережитки в системе образования.

Но, внедряясь в бытовой обиход, русский язык становился языком обучения всех народов Северного Кавказа. Такую роль не мог выполнить ни один из местных языков. Вместе с тем, не следует преувеличивать роль просветительной политики правительства на Кавказе в силу того, что она основывалась на сословно-классовых и колониальных целях. К тому же большое количество начальных школ в крае открывалось на средства сельских и городских обществ. Проводя политику умиротворения Северного Кавказа, правительство использовало здесь не только принудительные меры, но и различные средства идеологического воздействия на горцев (школу, миссионерство и просветительскую деятельность различных духовных организаций).

Одной из таких организаций на Кавказе стала направленная в Осетию в 1744 году Синодом духовная комиссия, возглавляемая

архимандритом Пахомием, которая в одном из урочищ на реке Фиагдон основала Осетинское Подворье из лиц русско-осетино-грузинского происхождения, хорошо знавших русский, грузинский и осетинский языки. Духовным лицам этого Подворья правительством было предписано устроить в том же году при нем церковь и школу для обучения русской грамоте и православным дисциплинам осетинских детей, фактически ставшей со временем правительственной школой на Кавказе.

Но впоследствии оказалось, что Подворье и церковь находились на территории Малой Кабарды, подчиненной Порте, которая протестовала по этой причине. В связи с этим в том же году русское правительство перевело Осетинское Подворье (переименовав его в Осетинскую духовную комиссию) в город Моздок, относящийся в ту пору к кавказской (позже ставропольской) области. Одной из важных своих задач миссионеры считали задачу приобщения осетин и других горцев Северного Кавказа к русскому владычеству «через проповедь слова Божия». Задача эта полностью отвечала стратегическим замыслам России на Кавказе, а потому поддерживалась русским правительством.

Так было создано христианское миссионерское общество, известное под названием «Осетинской комиссии», ставшей с 1745 года центром деятельности православного русского миссионерства на Кавказе и в Осетии. Она была создана правительством в противовес усиливавшемуся здесь влиянию ислама, препятствовавшему присоединению горцев к России и распространению среди них русского образования и русской культуры[1].

Возглавив Комиссию, хорошо образованный архимандрит Пахомий, открыл в соответствии с Указом Екатерины II от 27 сентября 1764 года Моздокскую миссионерскую духовную школу, ставшую центром подготовки миссионеров России из местного населения. Сознавая важную политическую значимость Осетинской духов-

[1] Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь, 1887. – С. 1-4.

ной комиссии и Моздокской школы для присоединения горцев к России через школу и христианскую веру, Екатерина II в своем рескрипте от 27 июля 1777 года к Астраханскому губернатору Якобию писала: «Нет лучшего способа учинить их (осетин и ингушей) прямыми христианами, к здешней стороне приверженцами, как просвещением из них молодых людей, для чего и заведена в Моздоке особливая школа с определением на каждого ученика по два рубля в месяц из кизлярских и астраханских доходов»[1].

Далее императрица предписывала губернатору проявлять всяческую заботу о школе, устроив для нее новое здание и увеличив численность учащихся.

Помимо миссионерской деятельности школа предпринимала практические шаги к распространению грамотности и знаний среди населения.

Пахомий и его сподвижники обучали русской грамоте детей горцев у себя на дому. Обучение же в школе велось на русском языке, а родной язык использовался как вспомогательное средство.

Миссионеры обращали осетин в христианство, открывали церкви, просвещали народ «словом Божьим» и, тем не менее, эта работа объективно приносила пользу для распространения грамотности среди населения[2]. Этот факт отобразил в своей монографии проф. М. С. Тотоев: «…объективно миссионеры способствовали созданию условий для разработки письменности горских народов и открытию среди них церковно-приходских школ»[3].

Следует подчас отметить, что деятельность духовных лиц и Моздокской школы приносила пользу и в том плане, что многие ее питомцы становились переводчиками между чиновниками царской администрации и горцами Кавказа. Но, несмотря на эти

[1] Блейх Н.О., Хатаев Е.Е. Научно-просветительская деятельность и педагогические взгляды Г.И. Дзасохова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. – С. 71.

[2] Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т.5. – С. 4-7.

[3] Тотоев М.С. К истории дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. – С. 10-15, 172.

обстоятельства, Осетинская духовная комиссия с возложенными на нее правительством задачами, не справлялась.

Христианизация населения шла медленно и была мало успешной. А прервана была её деятельность в связи с тем, что правительство считало необходимым усилить проповедь христианства среди осетин и других горских народов и еще раньше с этой целью учредило Моздокскую епархию, во главе которой поставило Моздокского архиерея Гайоза (Гая) Бараташвили (1746–1821), известного грузинского педагога и просветителя. Высшее образование он получил в Москве, окончив в 1778 году Московскую славяно-греко-латинскую академию, возглавлял деятельность Телавской духовной семинарии в Грузии. В 1785 году был назначен руководителем Осетинской духовной комиссии. В 1793 году Гайоз получил сан архиепископа, и ему было поручено управление Моздокской епархией. В 1779 году Моздокскую епархию объединили с Астраханской епархией, и Гайоз снова стал во главе последней.

Гайоз ратовал за всестороннее умственное и нравственное воспитание юношества и требовал, чтобы оно стало предметом особого изучения. Он считал, что, воспитание ребенка должно начинаться с колыбели. Будучи хорошим знатоком теории Дж. Локка «Чистой доски», Гайоз выступал против решающего значения наследственного фактора и считал, что будущность ребенка зависит от характера, выработанного в нем во младенчестве. Главнейшими средствами воспитания и образования Гайоз считал обучение в школе и самообразование.

Оценивая роль Гайоза в культурной жизни горцев, необходимо отметить, что он был одним из тех образованных людей среди горцев, кто бросил первые семена просвещения в их среду[1].

Определенную позитивную роль сыграли в миссионерской и просветительской деятельности и другие деятели культуры

[1] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (XVII в. – первой половины XIX в). М.: Педагогика, 1973. – С. 498-499.

осетино-грузинского происхождения. Так, первый смотритель Владикавказского духовного училища грузин Г. Двалишвили и его инспектор осетин Н. Мжедлов вместе с офицером русской армии на Кавказе П. Жускаевым помогали академику А. Шегрену в составлении его «Осетинской грамматики», переводили на осетинский язык книги религиозного содержания. И хотя они выполняли разные поручения православного ведомства, но, тем не менее, способствовали распространению знаний среди горцев.

Другой видный представитель грузинского народа Даниил Чонкадзе (1830–1860 гг.) вел осетинский язык в Тифлисской и Ставропольской духовных семинариях, а также переводил с грузинского на осетинский язык различные учебные книги.

Вместе с выпускником Московской духовной академии и преподавателем Тифлисской духовной семинарии Василием Цораевым он собрал материал по осетинскому народному творчеству, изданный впоследствии (в 1868 году) академиком А. Шифнером в Петербурге под названием «Осетинские тексты, собранные Д. Чокадзе и В. Цораевым»[1].

Таким образом, деятельность Духовной комиссии на Северном Кавказе способствовала укреплению идейных позиций России в борьбе с усиливающимся здесь влиянием ислама, пропаганда которого весьма успешно велась в стенах мусульманских школ – мектебе и медресе.

Усиление русского влияния через русские школы в Дагестане диктовалось интересами царизма. Необходимо было вытеснить арабский язык и письменность, которыми объединились здесь все враждебные элементы, недовольные последствиями присоединения Северного Кавказа к России.

Миссионерская и просветительская деятельность православных духовных организаций являлась одной из кардинальных направлений правительственной политики на Кавказе. Но с присоединением Кавказа и Закавказья к России и образованием Кавказского наместничества в конце XVIII и начале XIX вв. встала задача подготовки кадров местного военно-гражданского чиновничества, следовательно, и организации через создание школ светского и сословно-классового характера. Работа в этом направлении началась в соответствии с требованиями первых школьных уставов и законодательных актов о школе.

[1] Тотоев М.С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орд-жоникидзе, 1962. – С. 56-57.

Э.М. Чкок-Эшба,
Сухум

К ИСТОРИИ РУССКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА НА ГОРЕ АФОН (ГРЕЦИЯ) XIX В.

История русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афон в период его наивысшего расцвета, в последней четверти XIX в., представляет, несомненно, для нас научный интерес, т.к. неразрывно связана с историей православия в Абхазии и требует научно-объективного, свободного от политических и конфессиональных пристрастий исследования. Религиозная ситуация, которая сложилась на Афоне, в русском монастыре св. Пантелеймона[1], ускорила процесс реанимирования православия в Абхазии. Братией этого монастыря была основана крупнейшая монастырская инкорпорация в Абхазии – Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

Гора Афон расположена в Греции – на одном из восточных отрогов полуострова Халкидики (сев. Греция). Гору называли Аполлониада, Акти, Афос[2]. В истории греко-восточной церкви значение Афона достаточно велико. Он был центром византийско-восточного монашества и высшей школы христианского подвижничества. Афонское монашество получило начало в глубокой древности, после возникновения христианского иночества на Востоке[1].

В разные эпохи территория Афона становилась ареной бурных исторических событий: в VI в. она пережила набеги гуннов, в 70-х гг. VII в. – нашествие арабов[2]. Начало распространения монастырской жизни на Афоне источники относят к VII в. Шестой Вселенский собор в 676 г. постановил пунктами 18 и 48 отдать Афон монахам[3]. Пройдет еще немного времени и эта, ранее мало чем примечательная местность, превратится в одну из самых почитаемых святынь православного мира.

Первое появление русских на Афоне письменные источники относят к X в. Известно, что они имели свою обитель и права на-

[1] Основание русского монастыря св. Пантелеймона на юго-западе Афонской горы источники относят к XI в., в период княжения Владимира и сына его Ярослава. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907. – С. 21., Карамзин Н.М. СПб. История государства Российского, т. 6. прим. 629. 1843. – С. 165., Павловский А. А. Спутник русского паломника по св. горе Афону. М., 1905, гл. 6. – С. 21. Епископ Порфирий Успенский. История Афона. Часть I–III. Киев, 1887. Санкт-Петербург, 1892. Цомая С.В., Вольский В.Ф. Новый Афон. Тбилиси. – 1958. – С.8.

[2] Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. изд. 7. М., 1886. – с. 4. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. Ч. II. По Афону, – с.11. См. Путеводитель по св. Афонской горе и указатель ея святынь и прочих достопамятностей с 29 – видами монастырей и скитов и картою Афона. Изд. 7. М., 1895. – С. 6. – Апполониада – в честь храма Аполона, находившегося на горе Афон и ставшего местом «эллинского почитания». Афос – это название было дано позже, в христианские времена, в честь языческого божества «Афос», «Афон».

[1] Афониты относят появление христианства на св. горе ко временам апостольским, начало же монашества относят к временам императора – Антония Каракаллы (211-219 г.). См.: Православная Богословская энциклопедия. Изд. под. ред. проф. А.П. Лопухина. Т. II. Петроград 1901 г. – С. 192.

[2] Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907. – С.12.

[3] Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). Тифлис, 1909. – С. 23;

См.: епископ Порфирий Успенский история афона. Часть I–III. Киев 1887. Санкт-Петербург. 1892. Императором Константинополя Погонатом Афон был отдан монахам в 676 г.

равне с другими Афонскими монастырями[1]. К этому периоду на Афонской Горе существовало более 100 обителей.

Основание русского монастыря св. Пантелеймона на юго-западе Афонской Горы источники относят к XI в., в период княжения Владимира и сына его Ярослава[2]. Гора Афон стала местом паломничества славян, стремившихся на Афон, как в высшую школу христианского подвижничества.

В первой половине XI в. русские монахи уже имели на Афоне свой собственный, независимый монастырь Богородицы Ксилургу – «монастырь Руссов»[3], откуда в 1169 г. перешли в монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона («Старый нагорный Руссик») и навсегда получили право гражданства в свободной «пустыне святого Афона»[4].

До завоевания Афона турками монашеское население Горы достигло 50 000[5]. В истории Афонской горы происходят боль-

[1] Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907. – с. 12. Акты русского на св. Афоне, монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев. 1873. – С. 5. «…существует предание о прибытии на Афон св. Антония, отца русских иноков в 975 г., до водворения его в Киеве 1051 г.».

[2] Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907. – С. 21., Карамзин Н.М. СПб История государства Российского, т. 6. прим. 629. 1843. – С. 165., Павловский А. А. Спутник русского паломника по св. горе Афону. М., 1905, гл. 6. – С. 21. Цомая С.В., Вольский В.Ф. Новый Афон. Тбилиси, 1958. – С.8.

[3] Православная Богословская энциклопедия. Изд. под. ред. проф. А.П. Лопухина. Т. II. Петроград. 1901.– С. 204.

[4] Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). Тифлис, 1909. – С. 24, 177. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону.– Нижний Новгород, 1907. – С. 21. Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. СПб., 1904. – с. 53; Соколов И. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII веков (842–1204). Казань, 1894.

[5] Иеромонах Феодосий. История русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря.// «К свету», № 18. С. 17.

шие перемены с падением Византийской империи. В 1423–1424 гг. Афон был присоединен к Османской империи. Независимый Афон со своим христианским населением становится должником Турецкого султана. Монастыри Афонской Горы были обложены подушной и десятинной податями. Русский монастырь св. Пантелеймона при Селиме II (1566–1574) окончательно лишился своих доходных владений вне Афонской Горы.

В XVIII в. русский монастырь перешел в руки греков. Из-за крайнего обнищания обители происходит постепенное переселение русских монахов в прибрежный монастырь. В XVIII в. из нагорного Руссика (1770) «иноки перешли в обитель с храмом Вознесения Господня»[6] (постройка епископа Христофора[7]), где и был основан новый монастырь св. Пантелеймона. Обитель стала возрождаться.

К приезду русских афонитов, эта обитель была достроена греками, находилась в числе двадцати монастырей Афонской Горы. С поселением греческой братии в новом месте, ими были унаследованы все права и имущество старого Русского монастыря.

В XVIII в. финансовое положение монастырей Афонской Горы приходит в упадок, так как они были обременены долгами, финансовой зависимостью от Османской Порты[8]. Малочисленность русской братии, тяжелое финансовое положение вынудило их временно смириться с приниженным положением. Русский монастырь стоял на краю разорения (конец XVIII – нач. XIX вв.). К тому же, Афонское управление (протат[9]), вопреки вековым мирным связям с славянским православием обратилось к Вселенскому

[6] Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона. М., 1886. – с. 19.

[7] Альманах «К свету», № 18. М., 2000. – с. 48. «Русский монастырь продал свою арсану …епископу Христофору… и устроившему на сем купленном у Руссика месте небольшой монастырек – келлию».

[8] В 1783 г. Вселенский патриарх гавриил издает новый устав, направленный на улучшение финансового положения монастырей Афонской горы, и упорядочения распределения взносов, податей туркам. См.: Богословная энц. 1901. – С. 215.

[9] В XIX в. протат выработал письменный устав, утвержденный духовной (патриархом) и гражданской (визирем) властью в Константинополе.

патриарху Каллинику с предложением «исключить имя Русской обители из числа святогорских монастырей, принадлежащие же Руссику земли передать другим греческим монастырям и за уплату остающихся на обители долгов, оставшуюся сумму обратить на общественные нужды афонского правления»[1]. Вселенский патриарх Каллиник не только решительно отверг предложение протата, но специальной грамотой (1803 г.) распорядился позаботиться о восстановлении Русской общижительной обители, с разрешением сбора пожертвований в её пользу, в Константинополе[2].

Русский монастырь св. Пантелеймона на Афонской Горе – один из древнейших русских монастырей. В этой обители хранятся «грамоты Русских царей; патриарха всероссийского Иова и архиепископа Константинопольского, Вселенского патриарха Каллиника, Иоакима»[3] и др. священнослужителей. Главный собор монастыря посвящен великомученику и целителю Пантелеймону. Собор Покрова Пресвятой Богородицы, храм святителя Христова Митрофана Воронежского чудотворца и храм Успения Пресвятой Богородицы[4] дополняют монастырский комплекс русского Пантелеймоновского монастыря.

Монастыри по управлению делятся на два разряда. К первому относятся монастыри, которые, руководствуясь уставом апостольского общежития, избирают несколько старцев, составляющих собор, управляющих всем монастырем (идиоритмы). Ко второму разряду относятся монастыри (общежительные), управляемые одним лицом – игуменом, которому подчиняется вся братия монастыря. Русский Пантелеймоновский монастырь относится ко второму разряду. В общежительных, управляемых выборными пожизненными игуменами при помощи соборных старцев, все общее: и содержание братии, и молитвенное правило. Русский

[1] «К свету», № 18. М., 2000, – С. 49.

[2] Там же.

[3] Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. Изд. 7. М., 1886. – С.19.

[4] Там же. – С. 20, 22.

Пантелеймоновский монастырь являлся общежительным монастырем (киновит)[1].

Внутренняя жизнь монастыря определялась строгими правилами устава: «Ничего не считать своим, но всем иметь общее»,[2] т.е. пищу, одежду, обувь и т.д. Каждый из братии обязан работать, кто на кухне, кто в трапезной и в различных мастерских, причем трудовая деятельность начинается только после «общественного богослужения в церкви».[3] Трапеза в монастыре состояла из овощей, рыба предлагалась по праздникам. Разведение скота на Афонской Горе воспрещалось Святогорским уставом. Пребывание лиц женского пола строго запрещалось.[4]

После подписания Адрианопольского мирного договора (1829 г.) положение русских монахов несколько улучшилось.

В первой половине XIX в. в русском монастыре св. Пантелеймона впервые после длительного перерыва появились русские насельники, которые стремились внести денежные пожертвования. Однако это вызвало протест со стороны греков. Окончательное вселение монахов в Пантелеймоновский монастырь состоялось в 1839 г.[5]

[1] Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. Изд. 7. М., 1886. – с. 23.

[2] Там же.

[3] Сизиков. Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. М., 1884. – с.16.

[4] А. Натроев сообщает о следующем предании: «дочь Феодосия Великого пожелала посетить устроенный ее отцом на Афоне Ватопедский монастырь, но при входе в него она услышала от иконы Божьей матери знак, запрещавший ей вступить в монастырь. С того момента Афонские отцы постановили, чтобы женский пол не имел входа на св. Гору, что впоследствии было подтверждено и царскими грамотами». См. Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). Тифлис, 1909. – С. 26; См. также: Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде. С 5 рисунками. Одесса, 1888. – С. 80-81.

[5] Герд Л.Я. Русский Афон 1878–1914 гг. М., 2010. – С 12.

К 1840 г. русские иноки продолжают активную деятельность по устройству обители, уплачены долги монастыря. Экономическая жизнь обители «приняла правильную организацию»[1].

Посещение монастыря в 1845 г. вел. князем Константином Николаевичем подняло престиж русских на Афоне. Вскоре последовало новое поколение русских иноков и «значительный приток пожертвований в руки русского духовника»[2]. Тем не менее, богатая в прошлом обитель, «владевшая значительными землями на основании царских (сербских и московских) и султанских грамот»[3], в последующие годы дошла до такой нищеты, что монашеское управление запретило выдавать Пантелеймонову монастырю что-либо в долг и объявило монастырь несостоятельным. Количественное преобладание греческой братии привело к отмене славянского богослужения. Связь с Россией была прервана, лишь некоторой оставшейся русской братии было разрешено исповедоваться у русского духовника[4]. Наблюдаются складывающиеся противоречия между русско-славянским и греко-восточным направлениями в церковной жизни.

Русский монастырь на Афоне в ноябре 1851 г. посетил о. Макарий (М.П. Сушкин) и застал монастырь в крайней бедности. С этого момента начинается активная деятельность о. Макария по благоустройству обители, которая совпала с Крымской войной (1853–1856 гг.).

После войны связь монастыря с Россией стала восстанавливаться; стали поступать оттуда обильные пожертвования. Большая часть пожертвований попадала в руки греческого монашества. Русский монастырь продолжал испытывать тяжелое материальное положение и полное бесправие. Игумен и все управление монастыря было греческое. Когда численность русской братии превысила 100 человек, о. Макарию удалось добиться некоторого соглашения с греками. Часть требований русского братства, при их шатком положении в Пантелеймоновом монастыре, истолковывались со стороны греческой братии, как посягательство на их преобладающее в монастыре право. В течение 16 лет русские монахи с аскетическим терпением переживали свое приниженное положение. До 1856 г. ни одно из «начальственных послушаний не поручалось русским»[1]. Русская братия заявила игумену и греческой братии требование – «слышать на трапезе чтение по-русски или по-славянски, хотя бы два раза в неделю, а именно в среду или пятницу, причем и трапезу в эти дни благословлял бы русский иеромонах»[2]. Это требование русской братии греческие монахи большинством голосов не приняли.

Макарию удалось добиться некоторых уступок от греков в 1866 г. Была установлена очередь греческих, славянских чтений и богослужений[3]. Совершенно очевидным было то, что совместная жизнь монахов разных национальностей в одном монастыре недолговечна. Греческое влияние преобладало в русском монастыре и встал вопрос о его упразднении. Греки не хотели признавать равенства в правах. Ими был выработан «устав» совместной жизни: русской братии, иметь до одной четверти, или по крайней мере, до одной трети всего количества греческой братии, а также чтобы монашествующие греки занимали господствующее

---

[1] Павловский А. Спутник русского паломника по св. Горе Афону. М., 1905. – с. 21–23. В конце XIX в. русские перешли на берег моря, в нынешний монастырь, где жило немного греков. Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне. СПб., 1895. – с. 156.

[2] Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на афоне // Русские на Афоне. СПб., 1895. – С. 157.

[3] Шарапов С.Г. путешествия: Десять дней на Афоне // Сочинения. кн. 2. СПб., 1892. – С.111–112.

[4] Там же.

[1] «К свету», № 18. М., 200. – С. 103.

[2] Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне. СПб., 1895.– С. 156-157;

[3] Чтение при трапезе решено было совершать попеременно, через день по-гречески и по-русски, а в праздничные дни утром по-гречески, вечером по-русски.

положение в монастыре[1]. Вопрос о русском игумене вообще не рассматривался. Русские отказались от утверждения устава. В монастыре начались волнения. Борьба между русскими и греками, захватившими русский монастырь, была направлена на овладение монастырем[2]. Греки возмущались: «…Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеемся, что нам помогут всем избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского»[3]. В 1870 г. в Пантелеймоновской обители произошло важное по своим последствиям событие. 15 октября 1870 г. о. Макарий был объявлен «нареченным преемником» старца игумена[4]. Вся греческая братия выступила против этого назначения. Вселенский патриарх не утвердил кандидатуру о. Макария и предложил провести переголосование в присутствии «специально назначенных для этого патриарших экзархов»[5], «двух архиереев – Иоанникия Никейского и Иоакима Деркийского и двух уполномоченных советом Святой горы»[6]. Греки подняли вопрос об упразднении русского монастыря. Протат, в котором преобладали греки по количеству голосов, утвердил это решение. В результате о. Макарий переносит дело на суд Вселенской церкви[7]. Именно в этот критический

[1] Там же. – С.158; Шарапов С.Г. Путешествия: Десять дней на Афоне… СПб., 1892. – с. 111–112.

[2] Газ. «Черноморский вестник». 1897, 4 июля, № 147.

[3] Альманах «К свету», № 18. М., 2000. – С. 106.

[4] Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне. СПб., 1895. – с. 162; Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. СПб., 1904. – с. 66

[5] И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Изд. 2. М., 1887. – с. 328.

[6] «К свету» № 18. М., 2000. – С. 109.

[7] Грамота святейшего Иоакима, патриарха Константинопольского, в русской киновии святого Пантелеймона на Афоне по случаю прекращения в ней разногласия. См. «К свету», № 18. М., 2000. – С. 109.

период возникает идея «устройства на Кавказе Нового Афона… без ухода русских со св. Горы»[1].

Константинопольский патриарх Иоаким III – «Архиепископ Константинопольский, Нового Рима и патриарх Вселенский» в отличие от протата, признал все права русских монахов на монастырь св. Пантелеймона и утвердил о. Макария игуменом монастыря[2]. 26 сентября 1875 г. о. Макарий был избран игуменом Пантелеймонова монастыря на Афоне, «во время литургии, в присутствии патриарших Экзархов, он был возведен на игуменское место»[3]. Этим завершились споры греков и русских, продолжавшиеся 20 лет.

Таким образом, знаменитый «греко-русский Пантелеймоновский процесс», возникнув в 1870 г., завершился через 5 лет победой русских иноков. Интересы русской братии поддержал Константинопольский Патриарх Иоаким III, перед которым интересы русских иноков защищал посол России в Турции граф Н.П. Игнатьев.

Таким образом, борьба греческой и русской братий за право управления Пантелеймоновым монастырем завершилась в пользу русского монашества.

Содержание многочисленной братии (70–80 гг. XIX в. около 800 человек), монастырские потребности удовлетворялись пожертвованиями русской церкви. Помощь русской православной церкви монастырю св. Пантелеймона была значительной, она определила дальнейшую судьбу монастыря.

Братия русского Пантелеймонова монастыря, предвидя неблагоприятные политические обстоятельства на Востоке, принимает решение – не разрывая связи с Афоном, устроить себе обитель на родине, в России. Незадолго до принятия этого решения, инокам предлагалось в случае войны на Востоке поселиться в Абхазии. Кстати, заметим, что главное управление наместника

[1] Шарапов С.Г. Десять дней на Афоне // Сочинения. кн. 2. СПб., 1892. – с. 113.

[2] Там же.

[3] Там же.

Кавказского предложило «…давать преимущество русским переселенцам, но не отказывать в поселении христианским переселенцам из Закавказского края, из Анатолии, из славянских земель и пр.»[1]. По утверждению царских чиновников, на первых можно рассчитывать, «как на ядро населения, обеспечивающее этнографическое соединение этого края с Империей, на вторых же, как на деятелей для основания сообразных климату и почве отраслей хозяйства»[2].

Итак, выбор места будущей обители был делом нелегким. Необходимо было найти местность, отвечающую требованиям христианского подвижничества. Местность должна была быть, во-первых, уединенной и нуждающейся в распространении православной христианской веры, во-вторых, удобной расположением для поддержания связей, т.к. новая обитель должна была стать «отделением или отраслью» Пантелеймонова монастыря[3], «во всем от него зависимым, по уставу и чиноположению Афонской горы»[4].

Детально ознакомившись с архивными документами относительно основания Ново-Афонского монастыря, нельзя не заметить, что царизм с одобрением отнесся к ходатайству афонских монахов. В течение одного года для них были созданы все условия для переезда в пределы империи. Основанию монастыря в Абхазии придавалось очень важное значение. Монастырь в Абхазии должен был стать крупным центром религиозной пропаганды на Кавказе, проводником политики самодержавия в крае. Однако следует отметить, что все хозяйственные расходы на устройство новой обители Синод отнес на счет Пантелеймонова монастыря.

[1] Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и результат. СПб., 1885. – с.7.

[2] Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и результат. СПб., 1885. – с.7.

[3] Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде. С 5 рисунками. Одесса, 1888. – С. 23.

[4] «К свету», № 18. – С. 115.

Первый настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря вступил в управление новой обители в результате избрания его русской братией Пантелеймонова монастыря. Согласно утвержденному 8 декабря 1879 года уставу, было принято: «на последующее время настоятель сей обители избирается братиею её с согласия Пантелеймонова монастыря из братии той или другой обители и об избранных представляется каждый раз на утверждение Святейшего Синода»[1]. Итак, настоятель Ново-Афонского Симона-Кананитского монастыря вступил в управление новой обители, «подчиняясь духовному в Российской империи начальству на одинаковом с остальными русскими монастырями основании»[2].

Таким образом, Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, как и другие русские монастыри, стал подчиняться Синоду.

Громадное просветительское влияние Горы Афон на греческий Восток, славянский православный мир, способствовало и возрождению православия в Абхазии. Гора Афон, несмотря на все политические перевороты и более чем четырехвековое подчинение Оттоманской Порте и сегодня продолжает оставаться хранилищем православной культуры.

[1] Леонид кавелин, архимондрит. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885. – С. 125.

[2] Газ. «Церковные ведомости» 1889. №1. – С. 7.

Т. А. Ачугба,
Сухум

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Грузино-абхазский конфликт, возникший в процессе освоения картвелами (грузины, мегрелы, сваны) земель абхазов, депортированных царизмом в Османскую империю во II пол. XIX в., изначально подразумевал фальсификацию истории и культуры абхазского народа. Формирование ложного общественного мнения о том, что Абхазия – исконный регион Грузии, а абхазы – грузинское племя, или же «пришлый» народ, было нацелено на создание идеологической основы для демографической экспансии грузин в Абхазию, этнической ассимиляции оставшихся на родине абхазов и включения их территории в состав грузинского государства. В этом направлении активная работа шла как в дореволюционное время, так и в меньшевистский и советский периоды[1].

В данном сообщении попытаемся вкратце изложить некоторые аспекты фальсификации истории и культуры абхазского народа в середине прошлого века. Это тот самый период, когда по воле сталинского режима, абхазскому народу фактически угрожало полное этнокультурное исчезновение. Грузинские власти для достижения поставленной перед собой цели, помимо включения Абхазии на правах автономии в состав Грузии (1931 г.), проведения репрессии абхазской политической и научно-творческой элиты, массового переселения грузин в Абхазию, закрытия абхазских школ, переименования географических названий на грузинский лад и др., в ранг государственной политики возвели фальсификацию истории Абхазии.

По социальному заказу властей, грузинский литературовед А. Г. Барамидзе, еще в 1945 году стал «доказывать», что абхазы никогда не имели собственной истории и «абхаз» в историческом прошлом был такой же грузин, как и представитель любой из этнографических групп грузин, а Абхазия являлась частью Грузии[1]. Развивая мнение своего коллеги, другой литературовед П. Ингороква, в целях подавления абхазского национального самосознания, в 1950 году, в противоречии своих же трудов, изданных 7-8 лет тому назад, писал, что, якобы, средневековое феодальное государство, именуемое «Абхазским царством», было создано грузинскими племенами и одним из таких племен было грузинское племя «абхазы»[2]. «Абхазы, – писал он, – и проживавшие в Абхазии другие племена (апсилы, мисимиане, санихи») – эти такие же чисто грузинские племена, такого же грузинского происхождения и также говорящие на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии – карты, мегрелы и сваны». Для укрепления своей теории, он представил 136 географических названий Северо-западного побережья Черноморского побережья Кавказа как грузинские[3].

Считая все средневековые абхазские племена «грузинами», П. Ингороква выдвинул теорию о том, что, якобы, во II пол. XVII в. гру-

[1] Абхазия – не Грузия. М., 1907; Гомартели И. О работе первого съезда абхазов и о причинах грузино-абхазских противоречий. Газ. «Алиони», 16-23 ноября 1917 г. На груз. яз.; Хелая А. Судьба Илори. Газ. «Сакартвело», 1918, 31 января. (На груз. яз.); Мирианашвили П. По поводу «независимости» Абхазии. Газ. «Социалист-федералисти», 24 июня 1921 г. (На груз. яз.); Котетишвили В. К целостности Грузии. Газ. «Социалист-федералисти», 26 июля 1921 г. (На груз. яз.)

1 Барамидзе А.Г. Очерки из истории грузинской литературы. Тбилиси. 1945. – С. 103. (На груз. яз.).

2 Журн. «Мнатоби». 1950, №3. – С. 129. (На груз. яз.)

3 Ингороква П. Грузинский писатель X века. Тбилиси. 1954. – С. 146–188. (На груз. яз.).

зинские племена «абхазы» были оттеснены т.н. северокавказскими «апсуйцами». Заняв грузинские земли на Черноморском побережье Кавказа до р. Шапсухо, севернее от Никопсии (в районе современного г. Туапсе), пришлые «апсуйцы» назвали себя «абхазами» – именем этнически грузинского племени[1].

«Научное открытие» о распространении картвельских племен на большей части Восточного Причерноморья напрямую отвечало не только денационализации абхазского народа и растворению его в состав новой грузинской нации, куда вошли мегрелы и сваны, но и исходило из интересов создания «научной базы» для расширения политической границы Грузии до Туапсе. Тем более, что ко времени возникновения ингороквовской теории (конец 40-х годов), часть территории репрессированных народов Северного Кавказа официально уже была включена в состав Грузинской ССР[2].

Поводом для выдвижения П. Ингороква тезиса о проживании картвельских племен на всем пространстве кавказского Причерноморья, где с древнейших времен проживали предки абхазо-адыгов, стала неверная интерпретация сообщения грузинского летописца XI века Леонтия Мровели касательно расселения потомков мифического эпонима Эгроса до устья р. Малая Хазария[3]. Для П. Ингороква Малая Хазария – это р. Шапсухо, а для грузинской историографической традиции – р. Кубань.

Исследование текстового материала летописи подтверждает, что Леонтий Мровели речь вел о расселении эгрисцев не до устья реки Малой Хазарии (Кубань), а до верховий этой же реки, куда достигает не «конец Кавказа», как обычно считают грузинские исследователи летописи, а «кончик», «макушка», «пик» Кавказа – Эльбрус. Т.е. вертикальная линия от устья реки Эгрис Цкали (Риони

[1] Там же. – С. 130 – 132.

[2] Ибрагимбейли Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое самообразование. 1989, №4. – С. 58 – 63; Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ. 2002.

[3] Картлис Цховреба (История Грузии). Грузинский текст. Т.I. Тбилиси. Госиздат. 1955. – С. 5.

или Ингур) по направлению к истокам реки Малая Хазария, где воздвигается пик Кавказа (Эльбрус) – это и есть северо-западная этническая граница расселения эгрисцев в период Абхазского царства[1].

Таким образом, грузинский автор попытался абхазский народ лишить не только исторического прошлого, связанного с этнонимом «абхаз» и могущественным государством на Кавказе – Абхазским царством, но и статуса автохтонного народа Абхазии он представляет предков нынешних абхазов «оккупантами» грузинских земель и «поработителями» грузинского народа. Тем самим, была заложена ещё одна мина для дальнейшего обострения грузино-абхазского противостояния.

Несмотря на абсурдность этих «изысканий» автора, в целом теория П. Ингороква была одобрена большей частью грузинской научной интеллигенции. Например, академики С. Каухчишвили, Г. Ахвледиани, профессор Д. Кобидзе и др. публично одобрили и расхвалили «научные достижения» грузинского автора[2]. Против теории П. Ингороква выступили абхазские и некоторые грузинские ученые: З.В. Анчабадзе, Х.С. Бгажба, К.В. Ломтатидзе, Г. Соселия и др.[3] Например, акад. К.В. Ломтатидзе, критикуя теорию П. Ин-

[1] Ачугба Т.А. К интерпретации одного сообщения Леонтия Мровели о расселении эгрисцев // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. – С. 297 – 301.

[2] Каухчишвили С.Г. По поводу Георгия Мерчуле // Журн. «Мнатоби». 1956, №10. – С. 109 – 119 и 1957, №2. – С. 115 – 125. (На груз. яз.); Ахвледиани Г. К некоторым вопросам исторической топонимики Абхазии // Журн. «Мнатоби». 1957, №2. – С. 107 – 114. На груз. яз.; Кобидзе Д. Значение термина «абхаз» по данным персидских источников // Журн. «Мнатоби». 1957, №2. – С. 126 – 128. (На груз. яз.)

3 Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АбИЯЛИ. Т. XXVII. 1956. – С. 261 – 278 (Рецензия включена в сборник научных трудов З.В. Анчабадзе. Избранные труды. Т. II. Сухум. 2011. – С. 223 – 246); Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы принадлежности и расселения абхазов // Журн. «Мнатоби». 1956, №12. – С. 132 – 139. На груз. яз.; Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимики Абхазии. Труды АбИЯЛИ. Т. XXVII. 1956. – С. 279 – 303; Соселия Г. Вопросы исторической правды // Газ. «Советская Абхазия». 18 декабря 1955 г.

гороква о переселении народа, говорящего на абхазском языке, в XVII веке из Северного Кавказа в Абхазию, писала, что это мнение «противоречит фактической ситуации и документально установленным сообщениям»[1]. А по поводу того, что, якобы, большинство топонимов на территории Абхазии и северо-западнее от нее являются грузинскими, она подчеркивала, что «раскрытие П. Ингороква значения топонимов для подтверждения своих положений, в большинстве случаев лишены научных обоснований и строгого лингвистического анализа»[2]. Подытоживая рецензирование книги П. Ингороква, профессор З.В. Анчабадзе пришел к выводу: «Таким образом, в своем «исследовании» по поводу истории Абхазии и Абхазского царства П. Ингороква проявляет следующие черты: 1) явный дилетантизм, незнание многих фактов и источников из истории Грузии, неумение научно интерпретировать источники; 2) присваивание научных положений, разработанных или выявленных другими учеными; 3) фальсификация источников с целью «обосновать» свои ошибочные положения; 4) игнорирование материалов, противоречащих его «концепции»[3].

Однако и после разоблачения книги П. Иногроква и ее осуждения со стороны властей Грузии под влиянием политической «оттепели», все же немалая часть грузинской научной общественности не теряла надежду на реанимацию теории о пришлости абхазов в Абхазии в позднем Средневековье и о признании автохтонности грузин в Абхазии.

Благоприятный момент для этого настал в годы Горбачевской перестройки, в процессе распада СССР, когда данная теория стала чуть ли не основной идеологической базой в разжигании агрессии Грузии против Абхазии, грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг. Она и по сегодняшний день служит подспорьем реваншистских

[1] Ломтатидзе К.В. Указ. соч. – С. 139.

[2] Там же.

[3] Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АбИЯЛИ. Т. XXVII. 1956. – С. 278.

планов по восстановлению пресловутой «территориальной целостности» Грузии[1].

В процессе фальсификации истории и культуры абхазского народа, особое место занимает теория, разработанная академиком Н. А. Бердзенишвили, директором Института истории АН Грузинской ССР. Он, опровергая тезисы П. Ингороква о том, что «абхазы» и «апсуа» разные этнические единицы, и что в XVII веке на территории Абхазии и прилегающих к ней регионах произошла смена этносов, без соответствующего исследования стал утверждать, что «Абхазия, – культурно-исторически» являлась частью Грузии, и что феодальная Абхазия могла быть только «грузинской»[2]. В частности, на письменный запрос директора Абхазского научно-исследовательского института П. Ратиани по поводу этнической принадлежности населения средневековой Абхазии, Н. Бердзенишвили в своем ответном письме от 10 октября 1950 года отмечал, что «Абхазия – культурно-исторически органическая часть Грузии и что в Грузии в культурно-историческом отношении «абхаз» существует так же (и не больше), как «кахетинец», «картлинец», «гуриец», «мегрелец», «имеретинец» и т.д., что феодальная Абхазия могла быть только «грузинской», что абхаз «культурно-исторически» был «грузином»[3]. Примечательно, что такое однозначное и в этнокультурном и политическом отношении далеко идущее научное заключение делается историком, как он сам об этом пишет в вышеназванном письме директору АбНИИ, несмотря на

[1] Бакрадзе А. Невежество или провокация? // Газ. «Литературули Сакартвело». 31 марта 1989 г. (На груз. яз.); Ломоури Н. Как должны понимать этнонимы «абхаз» // Газ. «Литературули Сакартвело». 7 апреля 1989 г. (На груз. яз.); Лорткипанидзе М.Д. Абхазы и Абхазия. – Тбилиси. 1990. На груз., на рус., (на англ. яз.); Гамкрелидзе Т.В. К проблеме историко-этимологического осмысления этнонимии Древней Колхиды (К истории термина архаz – (adfzg-) // Журн. «Вопросы языкознания». 1991, №4. – С. 29 – 94.

[2] Бердзенишвили Н.А. Маленькое замечание по поводу большого вопроса // Вопросы истории Грузии. Книга III. – Тбилиси. 1966. – С.279 – 280. (На груз. яз.)

[3] Абхазский государственный музей. Ф. 7. д.5. л.11.

«неготовность современной грузинской историографии дать достаточно полный ответ из-за не изученности поставленных Вами вопросов»[1]. Тезисы о принадлежности абхазов в «культурно-историческом» отношении к грузинской нации, им были повторены, правда, в более мягкой форме, и позже при обсуждении книги П. Ингороква в журнале «Мнатоби»[2].

И данная теория, по сути, не отличалась от предыдущей теории, выработанной П. Ингороква. Правда, Н. Бердзенишвили, в отличие от своего коллеги, абхазов считал этнически абхазами-апсуа и коренным населением Абхазии, но, зато, он их признавал обезличенным образованием, лишенным собственной культуры, собственной истории, включая наличия собственной государственности, и что самое главное, «абхазы», которых признавал в «культурно-историческом» отношении «грузинами», не имели будущее без остальных грузин. Все это означало, что они такие же бесперспективные, как мегрелы, лазы и сваны, которые по воле тбилисских властей уже стали частью грузинской нации. Поэтому суждения историка Н. Бердзенишвили служили той же цели, что и суждения литературоведа П. Ингороква – этнического растворения абхазов в составе грузинского этноса.

Сама постановка вопроса о «культурно-историческом» нахождении одного народа в составе другого, не выдерживает критики по той простой причине, что если народ теряет свою культуру, свою историю, свою этническую идентичность, то он становится жертвой ассимиляции и прекращает свое самостоятельное существование. Что касается средневековых абхазов, то они и при наличии своей собственной государственности, и при нахождении в составе совместного абхазо-грузинского или

[1] Абхазский государственный музей. Ф. 7. д.5. л. 14.

[2] Бердзенишвили Н.А. По поводу книги П. Ингороква Георгий Мерчуле. Ж. «Мнатоби». 1956. №12. – С. 125 – 131. (На груз. яз.); Его же. Маленькое замечание по поводу большого вопроса // Вопросы истории Грузии. Кн. III.– Тбилиси. 1966. – С. 279 – 280. (На груз. яз.).

другого государства, сохраняли этническую индивидуальность. Общность этнической территории, общность языка, обычаев и традиции, историческая память об общности происхождения и наличия единого национального самосознания были основой существования абхазов-апсуа как самостоятельного этноса, этнокультурного субъекта в полинациональном сообществе народов Кавказа.

Л. П. Ермоленко,
Ставрополь

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

История становления и развития любой науки наряду с систематизацией имеющихся знаний и определением перспектив дальнейшего развития науки, раскрывает современную научную картину мира, выявляет основные научные идеи изучаемого времени и их эволюцию. С 90-х гг. XX в. значительно усилился интерес специалистов к историографии северокавказской археологии как отрасли самопознания исторической науки. Огромную роль в становлении региональной археологии, и особенно на ее начальном этапе развития и в «переходные» периоды, сыграли местные научные и культурные организации и общества, краеведы и археологи-любители, организаторы исследовательской работы в северокавказском регионе. Обращение к историческому опыту развития археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия на региональном уровне представляется весьма своевременным. Успех национальной науки в значительной степени зависит от развитости научно-организационной инфраструктуры не только в столицах, но и в провинции.

В 50–70-е гг. XIX в., в период социально-политических преобразований всех сторон жизни русского общества, необычайно возрос интерес к прошлому не только России, но и к истории присоединенного Кавказа. Интеграция Кавказа в российское сообщество сопровождалось мероприятиями культурного характера. Так, например, первые описания памятников в XIX в. были сделаны военными топографами, офицерами русской армии и путешественниками, служившими на Кавказе. С 1880-х гг. к изучению археологических памятников Кавказа приступили местные археологические общества, все шире распространяется практика этнографических и статистических описаний племен и местностей Кавказа. Массовое строительство в регионе привело к обнаружению археологических памятников, что положило начало развитию археологической науки кавказского региона. Особую роль в истории изучения Кавказа и развитии всей археологической науки сыграл V археологический съезд в Тифлисе. Были разработаны инструкции для исследователей, предприняты экспедиции и проведены раскопки памятников в различных местностях Кавказа. Изучение древностей Кавказа дало возможность уточнить археологам абсолютную и относительную периодизацию памятников региона, местное происхождение кобанских художественных бронз. В конце XIX в. повсеместно были обнаружены христианские памятники. Так, например, в сел. Полтавском возле г. Сухуми на р. Западная Махарка была открыта церковь XI в., около сел. Ольгинское при постройке дома были обнаружены также развалины церкви и др.[1] В конце XIX – нач. XX вв. по заданию ИАК на Кавказе постоянно работали научные экспедиции, материал которых публиковался на страницах прессы и в научных журналах. С 1888 г. начинают выходить издаваемые Московским археологическим обществом «Материалы по археологии Кавказа», возникают местные археологические общества. Археологические исследования в регионе становятся систематическими в рамках четко выработанной программы Императорской Археологической комиссией. Исследуют-

[1] Императорская археологическая комиссия (1859–1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. –СПб., 2009. – С. 680.

ся памятники большого хронологического и культурного диапазона: от каменного века до Средневековья.[1]

События первой четверти XX в., и как следствие этого, бесконтрольное уничтожение памятников культуры, массовый вывоз за границу предметов антиквариата, прекращение археологических исследований поставили на повестку дня вопрос об отношении власти к культурному наследию. Однако, несмотря на все сложности и ошибки, жесткие радикальные меры, которые носили вынужденный характер, в 20-х гг. XX в. сложился уникальный комплекс предпосылок для развития региональной археологии. Сравнительно быстрому восстановлению в 1920-е гг. и дальнейшему позитивному развитию археологической науки на Северном Кавказе способствовало наличие в России уже достаточно развитых в предшествующий период археологических традиций. На развитие северокавказской археологии немаловажное влияние оказали взгляды А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова о памятниках древности как источниках для изучения этнических, социальных и культурных аспектов истории народов, А. А. Спицына о связи катакомбных погребений с аланами, В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского о идентификации средневековых христианских древностей и скальных захоронений Верхней Кубани и Кабарды как «древнеосетинских» (аланских). Огромное значение для науки имели классификационно-типологические разработки В. А. Городцова.[2]

[1] Императорская археологическая комиссия (1859–1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009. – С. 12-141.

[2] Уваров А.С. О признаках народности могильных насыпей // Труды Московского археологического общества. М., 1873. Т. III. – С. 266-269; Самоквасов Д.Я. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. 1. – С. 262-265; Ковалевский М., Иванюков И. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. № 1. С. 100-101; Миллер В.Ф. Терская область: археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. – С. 102-105; Спицын А.А. Историко-археологические разыскания // Журнал Министерства народного просвещения. СПБ., 1909. №1. – С. 69-74.

Научные направления, теоретические положения, методологические принципы и методические установки, выработанные археологами в дореволюционный период, кадровый потенциал, активность и инициативность этих кругов в значительной степени определили становление советской археологии. Однако не стоит забывать о том, что именно в 1920-е гг., в условиях новой власти, было устранено ограничение, имевшее место в дореволюционной России и касавшееся проблематики антропогенеза и соответственно исследований палеолита и начальных ступеней человеческого развития. В эти же годы, благодаря поддержки «нового государства», стали открываться новые университеты, резко возросла сеть музеев, краеведческих обществ, возобновилась издательская деятельность. К этому периоду относится включение курса археологии в программы ряда университетов и становление научной школы исторического краеведения, формирование научного представления о предмете, объекте и методах краеведения. При неоднократно подчеркивавшейся преемственности традиций с русской археологией (в научной литературе),[1] стоит еще раз подчеркнуть, что первые годы советской власти отмечены достаточно существенными инновациями. Это целенаправленная подготовка профессиональных археологов и, как результат, появление блестящей плеяды ученых нового поколения, внесших огромный вклад в развитие науки в последующие периоды; расширение спектра полевых исследований, появление новых научных направлений, методов и методологических поисков. К позитивным изменениям рассматриваемого периода должно быть отнесено организация и финансирование

[1] Формозов А.А. Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2; Он же. К периодизации истории советской археологии // РА. 1994. № 4; Он же. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Он же. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004; Лебедев Г.С. История русской археологии. СПб., 1992; Мерперт Н.Я. Введение. Антология советской археологии. М., 1995. Т. I; Он же. Из истории Института археологии (к 80-летию учреждения) // РА. 1999. № 2. – С. 22; Шер Я.А. О состоянии археологии в России // РА. 1999. №1 и др.

государством фундаментальных комплексных экспедиций. Характеризуя эти экспедиции, можно согласиться с А.А. Формозовым, который подчеркивал подлинный расцвет палеолита (Г.А. Бонч-Осмоловский) и специальное внимание к национальным окраинам (раскопки А.А. Миллера, А.С. Башкирова, Е.Г. Пчелиной на Кавказе, А.Ю. Якубовского в Средней Азии, С.А. Теплоухова в Минусинской котловине и др.). В этот процесс закономерно включалось и возрождение на местах идей организации систематических встреч археологов, проведение всесоюзных и региональных археологических конференций.

После завершения гражданской войны и по мере укрепления советской власти активизировалось краеведческое движение, представлявшее «беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры»[1]. Одним из направлений «краеведной археологии» было историко-археологическое исследование регионов, сохранение и регистрация памятников материальной культуры, распространение археологических знаний. Научные и общественные учреждения Северного Кавказа, созданные в крупных местных центрах, таких городах, как Махачкала, Орджоникидзе, Грозный, Нальчик, Черкесск, Краснодар, Ставрополь, приступили к планомерному изучению всех категорий местных памятников – бытовых, погребальных и культовых[2]. Историко-археологические исследования на Северном Кавказе развивались в системе музейного строительства и в рамках краеведческого движения и были тесно связаны с охраной памятников искусства и старины, ставшей в этот период «официальной манией» Советского государства.

[1] Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. – С. 18.

[2] ГАСК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-28; Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 1. Л. 8об, 9; Ф. Р-1076. Оп.1. Д. 1. Д. 11; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 39. Л. 1; Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 18. Л. 3, 8, 9. Д. 38. Л. 75. Д. 54. Л. 55. Д. 76. Л. 3-7; ГАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 7.

Однако, основным центром, занимающимся организацией археологических исследований, их научной охраной стала созданная в апреле 1919 г. в Петрограде на базе Археологической комиссии и русского археологического общества Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. ГАИМК)[1]. На первом этапе своей деятельности все усилия Академии были направлены на организационную работу в области археологии и родственных гуманитарных наук. Именно в ее стенах находились силы готовые отстаивать специфику и тематическую направленность отечественной археологии, пути становления и подлинного развития нашей науки, расширения источниковой базы, разработки методологической основы и совершенствования методологического арсенала. По мере стабилизации военно-политической обстановки в стране ГАИМК систематически организовывала фундаментальные археологические экспедиции по изучению древностей Кавказа и других регионов страны, тематический охват и результативность которых стремительно возрастали. На поднятие общего уровня проводимых в стране археологических исследований была также нацелена деятельность археологического подотдела отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР. Он занимался учетом и охраной памятников, национализацией крупных частных собраний, реквизицией и конфискацией ценностей, наблюдал за организацией археологических исследований, составлением археологических карт губерний и областей и т.д.

В первые годы советской власти археологические исследования были затруднены условиями экономического и политического характера. Ярким примером тому может служить достоверный исторический факт, зафиксированный в архиве Института истории материальной культуры. В 1922 г. предполагалось организовать археологическую экспедицию на Кавказ. В ее исследовательские задачи входило обследование территорий Северного

[1] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1, 1919. Д. 47, 1919.

Кавказа и Армении. Согласно архивным документам, в связи с нехваткой средств советом РАИМК было принято решение об обращении «в целях изыскания средств к осуществлению экспедиции (на Кавказ в 1922 г. – Л.Е.) за поддержкой к иностранным ученым учреждениям»[1], в частности к Национальному музею в Вашингтоне. Совет РАИМК обратился с просьбой выделить 642 000 руб. в дензнаках 1922 г. В свою очередь, Вашингтонский музей признал возможность работать вместе с русскими учеными, но ввиду сложившейся политической обстановки в Советской России «настоящий момент считает неблагоприятным для постановки вопроса»[2]. В 1923 г. вследствие сокращения Наркомфином сметы на научные экспедиции на 35%, финансирование отдельных экспедиций должны были подвергнуться сокращению, в том числе и Северо-Кавказской экспедиции (в 1923 г. на эту экспедицию было выделено 45 000 руб. в дензнаках 1923 г., т.е. 750 руб. золотом, хотя изначально предполагалось выдать 1000 руб. золотом)[3].

После выработки в 1920 г. общегосударственного плана археологических изысканий, и, несмотря на тяжелое материальное положение, в стране с целью выявления археологических памятников, их учёта и составления археологических карт организовывались и проводились первые экспедиции. Охватывая все новые районы, они не только вели к значительным научным открытиям, но и способствовали общему поднятию уровня археологических работ в разных регионах страны. В целом по стране в 1921 г. исследования производились в 45 местностях, в 1922 г. – в 54, в 1923 г. – в 124, в 1926 г. – в 326[4].

На Северном Кавказе в 1920-е гг. археологические раскопки были проведены в Дагестане (ГИМ и Дагестанский музей), в Терской (М.И. Ермоленко) и Кубанской (Боровко и экспедиция РАИМК,

[1] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 73, 1922. Л. 1-4 об. 13.

[2] Там же. Л. 10.

[3] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 74, 1923. Л. 1, 3.

[4] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 13, 57; ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 4. Л. 3-4.

под рук. А.А. Миллера) областях, в Осетии и горной Осетии (Е.Г. Пчелина и Л.П. Семенов), в Кубано-Черноморской губернии (Б.В. Лунин и А.В. Таланов), в Ставропольском округе (Г.Н. Прозрителев – раскопки), в Донской и Кубано-Черноморской областях, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (А.А. Миллер – раскопки), в Крыму, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (А.С. Башкиров – раскопки), верховья Кубани обследовались сотрудниками Северокавказского Горского научно-исследовательского института краеведения (Ростов) и др.[1].

Важнейшей составной частью деятельности центральных учреждений стало их взаимоотношение с научными учреждениями и органами охраны памятников на местах. Именно на краеведческой основе в 1920-х гг. в целом по стране вырос целый ряд важных центров развития археологии: Археологический институт при Саратовском университете, центр археологического краеведения сложился в Самаре на базе университета, краеведческий кружок при Белорусском университете и другие[2]. Развитие археологической науки в русле краеведческой проблематики находило полную поддержку археологов центральных научных учреждений, принимавших непосредственное участие в организации краеведческой работы в стране. Основной упор делали на центры, которые уже имели материальную базу, определенный опыт работы, развивали исследовательские традиции. В северокавказском регионе это – Терский областной музей в г. Влади-

[1] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп.8. Д. 4. Л. 57, 62; Д. 192. Л. 1, 2, 5об., 22; Оп. 10. Д. 132. Ч. 3. Л. 7-10; Д. 133. Л. 191; Д. 257. Л. 2, 4; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 221,1927. Д. 164,1928; Дьячков-Тарасов А.Н. Археологические разведки в Карачае в 1927 г. // БСККГНИИ. Ростов-на-Дону, 1927. № 2-4. С. 83; Смолин В.Ф. Катакомбы на Рим-Горе близ Кисловодска // Краеведение на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1928. № 1-2. – С. 87-90 и др.

[2] Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (история и деятельность) // Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. Самара, 1925. №1. С. 3-8; Историческое краеведение в Белоруссии. Минск, 1980. – С. 20.

кавказе (основан в 1897 г.), Музей Северного Кавказа (основан в г. Ставрополе, в 1905 г.) и т.д. Археологические исследования и сохранение памятников и предметов археологии стало одним из важнейших направлений деятельности созданных в 1920-е гг. научных учреждений и краеведческих обществ. В 1920 г. на базе Терского областного музея был образован Северокавказский институт краеведения, объединивший вокруг себя все местные научные силы. Деятельность его продолжалась до 1926 г. и распространялась на Дагестан, Адыгею, Карачай и часть Грузии. В этом же году в г. Пятигорске образован Совет обследования и изучения Терского края, впоследствии, преобразованный в Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения[1]. Значительным событием в деле активизации археологических работ в Кабардино-Балкарии стало открытие в 1921 г. Нальчикского областного музея, заведующим которого стал М.И. Ермоленко. К 1928 г. в нем имелись значительные археологические коллекции, насчитывавшие 5960 номеров хранения. Сотрудники музея обследовали десятки памятников и собрали многочисленные археологические материалы. Результаты их работ явились основанием для организации в 1923 г. Северо-Кавказской экспедиции (руководитель А.А. Миллер)[2]. Ею же в 1924-1925 гг. был составлен первоначальный план систематического изучения Северного Кавказа с уделением первостепенного внимания бытовым памятникам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии[3]. Изучение древних поселений позволило исследователям приступить к разработке назревших проблем историко-хозяйственного и историко-культурного характера. Информация о работах

[1] Северо-Кавказский институт краеведения // Краеведение на Кавказе. Ростов-на-Дону, 1924. № 1. – С. 3-14.

[2] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 2, 5об., 22.; Оп. 10. Д. 132. Ч.3. Л. 7-10; Д. 133. Л. 191; Д. 257. Л. 2. 4; Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1. Д. 132,1923.

[3] Архив ИИМК. Ф.2 Оп.1. Д. 74,1923; Ф. 2. Оп. 1. Д. 101-103,1924; Д. 111-112а,1925; Д. 771,1931. Л. 48-52; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. – С. 42-43.

Северо-Кавказской экспедиции 20-х гг. нашла своё отражение в архивных материалах, научной отечественной литературе и в коллективном труде членов экспедиции, изданном Институтом истории материальной культуры АН СССР в 1941 г. На основе выявленных ими материалов из Агубековского и Долинского поселений, Нальчикского могильника и других памятников Кабардино-Балкарии была разработана периодизация древностей Северного Кавказа[1].

В начале 20-х гг. XX в. РАИМК в целях всестороннего и глубокого изучения и сохранения на Северном Кавказе памятников культуры начал работу по созданию сети этнолого-археологических комиссий в Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске. Организационная работа была поручена уполномоченному Российской Академии председателю Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, профессору Пархоменко (г. Краснодар). Такая комиссия была создана в г. Ставрополе в мае 1921 г., под руководством Г.Н. Прозрителева. В ее компетенцию входили: раскопки и обследования памятников, разрушающихся в ходе строительства; археологические исследования, проводившиеся вокруг г. Ставрополя с целью выявления, фиксации и постановки на учёт памятников старины; охрана памятников древности и старины. Одной из заслуг СЭАК явилось составление археологической карты Ставропольской губернии. Это была первая попытка обобщения собранной информации по памятникам на Северном Кавказе

[1] Архив ИИМК. Ф.2 Оп.1. Д. 132,1923; Д. 101-103, 1924. ч.1, 2, 3; . Д. 111-112а,1925; Д. 104,1926; Д. 245,1926; Д. 101-103,1927; Д.234-235,1927; Д. 95,1928; Д. 108-110,1929; Д. 107,1930; Д. 206,1930; Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 года // Известия РАИМК. Л., 1925. Т. 4; Он же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // Сообщения ГАИМК. Л., 1926, Т. 1; Этнолого-археологические исследования под руководством проф. А.А. Миллера на Дону и в горных районах Северной Осетии в 1926 и 1927 годах // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов-на-Дону, 1928. №4. С. 93-97; Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1941. Т. 3.

в советский период. Она явилась руководством к действию для всех последующих поколений археологов[1].

26 июня 1921 г. Постановлением РАИМК было создано Прикумское (Пятигорское) отделение Северо-Кавказской археологической комиссии (Пятигорская этнолого-археологическая комиссия). Ее сотрудники начали составление археологической карты Пятигорья, Карачая, Кисловодской котловины и верховьев Подкумка. Однако из-за отсутствия финансирования к началу 1922 г. комиссия прекратила свое существование и карта закончена не была. Эта работа была своеобразной попыткой возобновления обследований, которые проводил Кабинет кавказоведения Горского политехнического института. Отсюда вышел очерк Д.М. Павлова «Искусство и старина Карачая», состоящий из двух частей: истории археологического обследования и перечня археологических памятников Карачая, составленного в алфавитном порядке[2].

Для систематического и планового изучения памятников Дагестана в 1924 г. в г. Махачкале были организованы научно-исследовательский институт и музей краеведения, Ассоциация Горских краеведческих организаций. С этой же целью, в 1929 г., при ГАИМК был создан Дагестанский комитет[3]. В 1925 г. Осетинское историко-

[1] ГАРФ. Ф. А-2307.Оп.10. Д. 231.Л. 34-41; Д. 134. Л. 165 об; Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1. Д. 95, 1921. Л. 3,6. Д. 74,1921. Л. 31, 46-49; ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 – 8. Д. 9. Л. 6, 7; Оп. 2. Д. 30. Л. 11; Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921-1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II. – С. 208–220 и др.

[2] Павлов Д.М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 12-13; Лунин Б. Перспективы изучения материальной культуры Северного Кавказа в 1925 г. и некоторые итоги работ 1920-1924 гг. // Северо-Кавказский край. Ростов-на-Дону, 1925. №6. С. 58-72; Он же. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году // Краеведение на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1928. №1-2. – С. 58-74.

[3] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп.2. Д. 266. Л. 8; Шамхалов А. Дагестанский комитет при ГАИМК // Бюллетень Института дагестанской культуры. Махачкала, 1930. №1. – С. 19, 20.

филологическое общество (основано в г. Владикавказе, в 1919 г.) было преобразовано в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения.[1] В связи с переводом Северокавказского института краеведения из Владикавказа в г. Ростов-на-Дону и созданием в 1925 г. Осетинского научно-исследовательского института краеведения, был организован в 1926 г. Ингушский научно-исследовательский институт.

Преобразования научных учреждений, занимающихся историко-краеведческой и историко-археологической деятельностью проводились и на Кубани. Так, в 1927-1928 гг. на базе Краснодарской школы № 8 М.И. Покровский организовал археологический кружок и историко-археологический музей, которые просуществовали вплоть до Великой Отечественной войны. Работа, проделанная кружковцами, за эти годы огромна: обследовано течение р. Кубани от ст. Елизаветинской до г. Кропоткина, нижнее течение р. Лабы и Кирпили, составлена археологическая карта Прикубанья. Работы кружка явились предпосылкой для научных исследований экспедиций АН СССР и ГАИМК[2].

В целом, подводя итог развитию археологии в рамках краеведения на Северном Кавказе, надо отметить его значимость для реализации на местах предпринимавшихся усилий по развитию имевшихся и по созданию целого ряда новых археологических центров и складыванию системы охраны памятников в регионе. Одним из характерных направлений развития археологической науки на Северном Кавказе явилось постепенное развертывание полевых работ во многих районах, в том числе и там, где ранее они либо не проводились вообще, либо носили эпизодический характер. Практически повсеместно выдвигалась задача составления археологических карт отдельных территорий. Этой работой занимались сотрудники научных учреждений, музеев, орга-

[1] ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 54а. Л. 227, 240. Д. 58. Л. 4, 6. Д.78, 79, 80, 100.; Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 1. Д. 4. Л. 13-14. Д. 20. Л. 1.

[2] ГАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 9.

низаций по охране памятников, краеведческих обществ и объединений.

В 1920-е гг. на Северном Кавказе развернулась планомерная, систематически проводившаяся экспедиционная работа, организованная центральными и местными научными учреждениями. Учеными был собран обширный вещественный материал, получивший соответствующее освещение в местных и центральных научных изданиях. В 1920-е гг. достаточно широко дебатировался вопрос о том, какими должны быть археологические экспедиции. Проявилось стремление к организации различного рода смешанных экспедиций. Перед ними ставилась задача не только проведения полевых работ, но и обязательной научной обработки полученных данных, их соответствующей публикации. Была сформулирована и начала реализовываться мысль о необходимости сосредоточения полученных экспедициями материалов не только в центральных, но и в местных хранилищах. Организация археологических исследований требовала не только глубоких теоретических знаний по археологии и истории, но и практического опыта, навыков работы, определенной методики раскопок. И это могли дать центральные экспедиции, которые действовали не один год и могли проводить сплошное археологическое обследование. Одной из таких экспедиций стала Северо-Кавказская, организуемая ГАИМК. Часто проводились совместные экспедиции с местными научными учреждениями, с привлечением краеведов-любителей. Многие из них, благодаря таким совместным работам вырастали в самостоятельных исследователей. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что основу для этих экспедиций и развития археологической науки в регионе заложили энтузиасты, краеведы, археологи-любители. Они только количественной стороной своих исследований способствовали пополнению источниковой базы. Все это дало толчок развитию и распространению научных знаний среди населения. Археология на Северном Кавказе превратилась в хорошо известную широким кругам общественности научную дисциплину.

Сегодня, оценивая полевую деятельность ученых, внесших огромный вклад в историческую науку, необходимо признать, что до начала XX столетия развитие кавказской археологии шло по пути накопления материалов по древней истории кавказских народов и тесно было связано с охраной памятников местной старины. Аналитическое осмысление археологических материалов началось с 20-х гг. XX в. Археологами были предложены первые схемы периодизации археологических культур Северного Кавказа,[1] доказано, что Кавказ в древности являлся центром формирования ярких археологических культур, входил в орбиту влияний цивилизаций Древнего Востока и тесно взаимодействовал со средиземноморскими и передневосточными регионами. В том числе, усилиями ученых-археологов конца XIX – нач. XX вв. была намечена программа изучения северокавказского региона, целью которой был комплексный, междисциплинарный характер исследований кавказских древностей, успешно реализующийся до сих пор. Можно утверждать, что деятельность ученых второй половины XIX – первой четверти XX вв. определила развитие археологической науки на Кавказе не только в советский период, но и в постсоветский.

[1] Schmidt A.V. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja//ESA. Helsenki, 1929. Vol. 4; Tallgren A.M. Etudes sur le Caucase du nord // ESA. Helsenki, 1929. Vol. 4; Миллер А.А. работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1-2; Императорская археологическая комиссия (1859–1917). – С. 780.

М. Ю. Камбачокова,
Нальчик

ДЕТСКИЙ ЦИКЛ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ У АБАЗИН XIX – XX СТОЛЕТИЙ

В условиях полунатурального хозяйства, когда благосостояние крестьянской семьи во многом зависело от ее численности, а детская смертность была высокой из-за отсутствия медицинской помощи, сельская семья стремилась иметь как можно больше детей.

С самого рождения ребенка абазины прилагали все усилия для его полноценного физического воспитания, чтобы из родившегося вырос сильный, здоровый, достойный продолжатель рода. К этому были призваны многочисленные обряды, связанные с рождением и дальнейшим развитием ребенка, включая период нахождения его в утробе матери: всевозможные запреты для беременной женщины (не выходить ночью из дому, не поднимать тяжести, окружающим не злословить и не ругаться при беременной невестке и др.); оберегание новорожденного от сглаза, от злых духов, соблюдение всевозможных обрядов, направленных на то, чтобы ребенок рос здоровым: обряды укладывания ребенка в удобную люльку, первой стрижки волос, первого самостоятельного шага; запреты на грубое отчитывание провинившегося ребенка, на телесное наказание и т.д.

Рождение ребенка, в зависимости от того, мальчик это или девочка, в семье встречали по-разному. Так, если рождался сын, да еще и первенец, в котором, помимо всего прочего, видели продолжателя рода, то щедро одаривали того, кто первым принес эту

радостную весть. Кроме того, это событие по традиции ознаменовывалось стрельбой из ружей. Более равнодушно встречали рождение девочки. В этом отношении примечательно наблюдение В. Савинова, отмечавшего еще в конце XIX века, что у абазин при рождении девочки отец в лучшем случае мог наградить вестника лишь поцелуем или небольшим подарком[1].

Многодетные семьи были в большом почете у абазин, особым же уважением пользовались семьи, у которых рождалось много мальчиков. И, напротив, если в семье рождались одни девочки, это могло послужить причиной развода или привода в семью второй жены, что, впрочем, особо у абазин не практиковалось, хотя и разрешалось иметь до четырёх жен одновременно.

Это было сопряжено с тем, что девочка считалась лишь гостьей в родительском доме, так как с замужеством она покидала его и становилась членом совершенно другой семьи и рода. Тем не менее, это не означает, что рождение девочки было совершенно нежелательным. С особой радостью отмечали это событие, если до дочери в семье уже родилось несколько сыновей, и родители ждали девочку.

Первые годы жизни ребёнка были сопряжены с большим количеством разнообразных обычаев и магических обрядов, выражавших традиционные приёмы ухода за новорождённым и богатый опыт народа в области воспитания подрастающего поколения. Подобное разнообразие обрядовой стороны первых лет жизни ребёнка связывалось с представлениями о его подверженности влиянию «нечистых сил», «злых духов» и различных болезней. Считалось, что строгое соблюдение этих обычаев и обрядов могло гарантировать здоровье и благополучие новорождённого на протяжении всей его жизни[2].

---

[1] Савинов В. Достоверные рассказы об Абазии. Воспоминания офицера, бывшего в плену у абхазов // Пантеон и репертуар русского театра. СПб., 1850. Кн. 3. Т.2. – С.4.

[2] Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000. – С. 43.

Первым и, пожалуй, основным обрядом считался обряд первого укладывания ребенка в колыбель (гаралацIа). Проведение данной процедуры считалось привилегией исключительно женщин. На обряде укладывания присутствовали родственницы и соседки родителей новорожденного, для которых готовили угощения из курятины, сладких жаренных в масле мучных изделий и специально предназначенной для этого случая халвы («гарамажвадза» – люлечного теста). Сами же гостьи приносили для новорожденного подарки. В числе подарков была и сама колыбель, которую по обычаю дарил дед новорожденного.

Процедура первого укладывания ребенка в колыбель заключалась в том, что одна из старших родственниц, а иногда и соседка, брала ребенка у матери, купала его, пеленала и укладывала в колыбель, за что получала особый подарок. Этот обряд сопровождался привязыванием к колыбели амулетов и другими магическими приемами. К примеру, прежде чем положить ребенка, в колыбель ненадолго помещали кошку. «Этот магический приём, видимо, связывали с живучестью и спокойным нравом кошки, – отмечает Л.З. Кунижева. – Имеется много поговорок и пословиц, характеризующих кошку именно как живучее и спокойное животное: «Ацгвы быжьпсыкI ахъапI» (У кошки семь душ), «Ацгвы апшта утынчында» (Был бы ты спокоен, как кошка), «Ацгвы апшта хъагIата дычвит» (Спит сладко, как кошка) и др.»[1]. Во время исполнения обряда первого укладывания, прежде чем положить ребёнка в колыбель трижды произносили заклинание: «Ацгвы апшта хъагIата, тынчта уычв» (Спи также сладко и спокойно, как кошка).

С обрядом первого укладывания мальчика был связан особый обряд – обряд примирения двух враждующих семей. Так, например, виновная семья заблаговременно узнавала о дне первого укладывания мальчика и, приготовив подарки для дедушки и бабушки (если таковых не было, то для родителей ребенка) а также

[1] Кунижева Л.З. Семейная обрядность // Абазины (Историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989. – С. 175.

для самого ребенка, в сопровождении доверенных лиц, своего рода поручителей, приходила в дом, где совершался обряд. Доверенные поздравляли всех членов семьи с рождением продолжателя рода и просили по случаю радости простить вину и положить конец вражде. Такое обращение всегда имело положительный исход[1].

Следующий обряд – это обряд наречения имени ребенка. Порядок выбора имени имел множество локальных вариантов. Хан-Гирей отмечал, что «по обычаю … имена младенцам даются по произволу и почти всегда посторонними людьми, а не отцом и матерью»[2]. Дававший или предложивший выбранное имя (дедушка, родственники, возможно – один из соседей), должен был вместе с этим сделать ребёнку особый подарок, и, если это был чужой человек, то он становился одним из названных родственников семейства.

Когда ребенку исполнялся год, совершался обряд первой стрижки волос. Обычно, это делал дядя со стороны матери. Как отмечают информаторы, большое внимание обращалось на то, чтобы у совершающего этот обряд были красивые и густые волосы, поскольку считалось, что такие же вырастут и у ребёнка. Первые волосы ребенка (хъабрапшка) нельзя было выбрасывать, их заворачивали в какую-нибудь тряпочку и хранили в укромном уголке сундука. Известны случаи: когда ребенок заболевал, какую-то часть этих волос относили к местному мулле или знахарке, которые чтением Корана превращали их в оберег. Волосы потом зашивали в кусочек сафьяна и в качестве амулета подвешивали к изголовью колыбели или ребенку на шею[3].

Значительное внимание абазины уделяли обряду, связанному с появлением первых зубов и обряду первого шага ребенка. За появлением первых зубов следили особенно тщательно, и как только они начинали прорезываться, бабушка (а за ее отсутстви-

[1] Там же. – С.75.

[2] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. – С. 258.

[3] Хачукова Нина Османовна, 81 год, а. Псыж, 2006 г.

ем – мать) брала горсть проса и разбрасывала в огороде. Это был прием имитативной магии, рассчитанной на то, чтобы зубы прорезались так же дружно и безболезненно, как всходят зерна проса. Когда молочные зубы у ребенка начинали выпадать, родители совершали следующие магические действия, рассчитанные на то, чтобы новые зубы росли крепкими: брали выпавший зуб, крупинку соли, кусочек угля из очага и забрасывали все это на крышу дома со словами: «Пыцыжв уыститIта, пыцшIыц гIастх» (Даю старый зуб, отдай мне новый).[1] Подобную же процедуру адыги проводили со словами: «Кхъуейм игъэжьу, лыжьым Iуищ1ыкIыу тхьэм къигъэкIыж» (Пусть вырастет новый (зуб), который состарился бы от сыра и выпал бы от добротного мяса).

Когда ребенок начинал ходить, устраивали обряд первого шага, в котором магический прием «развязывания ног» совмещался с известным обрядом выбора профессии. Участниками его были в основном женщины и подростки, для которых бабушка ребенка готовила угощение. На середину комнаты ставили низкий столик с различными предметами: Кораном, кинжалом, деньгами, уздечкой, молотком и т. д. – для мальчика; ножницами, золотой и серебряной канителью, зеркальцем и т. д. – для девочки. Бабушка вносила в комнату нарядно одетого ребенка с ногами, связанными ниткой, и пускала его к столику. Ребенок делал несколько шажков, бабка перерезала ножницами нитку, освобождая ноги от пут, и все внимательно следили, какой из лежащих на столике предметов ребенок возьмет в руки. Так угадывалось и, по поверью, даже предопределялось его будущее. Если мальчик брал кинжал, говорили, что он станет храбрым воином, молоток – кузнецом, деньги – богатым; если девочка брала зеркальце, утверждали, что она станет модницей, предметы женского рукоделия – мастерицей и т.д.[2]

[1] Ристова Зура Бекировна, 76 лет, а. Старо-Кувинск, 2005 г.

[2] Кунижева Л.З. Семейная обрядность. С.176.

Выше перечисленные обряды имеют аналоги и у многих народов мира[1].

Достаточно веским подтверждением тому, что абазины уделяли пристальное внимание проблемам воспитания подрастающего поколения, может послужить то обстоятельство, что в абазинском языке сохранилось более пятидесяти изречений-примет, посвященных вопросам бережного отношения к детям, их воспитанию. Часть этих изречений-примет носит запретительный, часть – рекомендательный и часть – описательный характер. К первой группе можно отнести приметы, согласно которым нельзя: целовать спящего ребенка (вырастет обидчивым); купать ребенка вечером с четверга на пятницу; укладывать спать ребенка во время захода солнца; подносить ребенка к зеркалу до появления у него зубов и др.

Ко второй группе примет можно отнести следующие, согласно которым взрослый, первым заметивший, что у ребенка прорезаются зубки, должен поставить ребенка в свежий коровяк, чтобы у малыша зубки росли легко; хозяева дома, куда ребенок зашел впервые, должны одаривать его чем-либо, чтобы ребенок не вырос плешивым; взрослые, посмотрев на ребенка, должны были сказать: «Тьфу, неказистый», чтобы не сглазить и др.

Третью группу примет составляют изречения, согласно которым новорожденный, сразу же открывший глаза, непременно должен был стать умницей; если у ребенка широкий лоб, то это к добру; если необходимо на время оставить ребенка, лежащего в люльке, одного в комнате, непременно к люльке следует прислонить веник; если ребенок стал часто зевать – его сглазили; если лежащий ребенок закинул ножку на ножку, его мать снова забере-

[1] Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь: исследования магии и религии. М., 1980. – С. 50-51. Мамбетов Г.Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. – С. 104; Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. – С.53; Соловьев Л.Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIV– начале XX вв. //СЭ. М., 1982. №4. – С.110.

менеет. При этом если сверху окажется правая ножка – родится мальчик, если сверху левая – родится девочка и др.

Внимательное и бережное отношение к детям фиксировано в соответствующих нормах поведения. Так, у абазин практически исключались рукоприкладство, грубые слова и ругательства, унижающие достоинство ребенка. По наблюдению автора XIX в. Т. Лапинского, «Дети воспитываются очень разумно. Ребенка никогда не бьют и даже не ругают»[1].

Обычаи, связанные с воспитанием ребенка, передавались из поколения в поколение. Уход за ребенком осуществляла мать. Считалось, что для нормального развития ребенка мать должна быть с ним более эмоциональной и нежной чем отец, а бабушки и дедушки – неизменно ласковы и общительны. Такое распределение ролей в семье призвано вызвать у ребенка безграничную любовь и доверие к матери, большое уважение, граничащее с боязнью, по отношению к отцу, нежность к престарелым бабушкам и дедушкам. Но вместе с тем воспитание ребенка составляет заботу всех взрослых членов семьи.

Если оказывалось, что по соседству живет кормящая женщина, у которой избыток молока, то она выкармливала и того ребенка, которому не хватает молока матери. Между двумя детьми, вскормленными одной женщиной, устанавливались родственные отношения. В отличие от отношений, устанавливаемых путем усыновления и воспитания, родство здесь ограничивалось лишь узким кругом родственников: кормилицей, ее родным сыном и вскормленным лицом. Брак между двумя лицами, вскормленными одной женщиной, считался недопустимым[2].

Следует отметить, что из старых обычаев, связанных с начальным периодом жизни ребенка, одни исчезают или исчезли совсем, другие изменили свое содержание. До сих пор сохраняется обычай одаривания ребенка при первом посещении дома его родителей или в тех случаях, когда мать впервые приносит его в дом родственников или соседей. Имя ребёнку теперь дают либо дед с бабушкой, либо сами родители. В некоторых случаях право выбора имени предоставляется одному из ближайших родственников.

Повседневное попечение ребенка – по-прежнему дело матери, бабушки, старшей сестры. Но сегодня уже можно найти немало и таких семей, в которых и отец начинает становиться активным участником воспитания ребенка с малых лет. Избегание между отцом и детьми, даже при старших родственниках, все больше уходит в прошлое. Как и в прошлом, все родственники считают своим долгом посильно заботиться о ребенке. Но, в отличие от прошлого, к их числу теперь принадлежит не только отцовская, но в той же мере и материнская родня.

[1] Лапинский Т. Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. – С.103.

[2] Агирова Аминат Муссовна, 77 лет, а. Апсуа, 2005 г.

Н. Г. Соловьева,
Черкесск

ИЗ ИСТОРИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА (ПОСЁЛОК ДЖЕГОНАССКО-ЕВРЕЙСКИЙ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX вв.)

История горских евреев северокавказского региона формировалась в условиях трансформации российского государства, в период экономических, политических и социальных преобразований. Наиболее показателен этот процесс в переломный период российской истории – конец XIX – начало XX столетия.

Исследовать этапы образования, развития и исчезновения еврейских населенных пунктов в северокавказском регионе – задача, которую возможно решить, опираясь на немногие научные исследования, затрагивающие данную проблему. История посёлка Джегонасско-Еврейского Баталпашинского отдела Кубанской области (территория современной Карачаево-Черкесской республики) поможет приподнять завесу малоизученных и вообще ранее неисследованных вопросов истории горских евреев Северного Кавказа.

Появлению горских евреев в северокавказском регионе способствовали миграционные процессы, происходившие в России на рубеже XIX – XX веков. Миграция населения особым образом повлияла на структуру северокавказского общества, наделив его характерными чертами: обособленным укладом жизни, кавказским менталитетом и др.

Заселение казаками, крестьянами разных национальностей, а также евреями территорий Северного Кавказа, в том числе и Кубанской области, являющейся одной из крупнейших административных единиц империи, происходило в несколько этапов.

Первый период охватывал время окончания Кавказской войны, в результате которой освободившиеся территории стали активно осваиваться жителями Российской империи, евреями в частности. Врачи, торговцы, провизоры, мастеровые люди, обслуживавшие войска и другие стали жителями северокавказского региона. При Александре II на Кавказе евреи селились на основании разрешения «располагаться во внутренних губерниях России».

Вторая волна переселения на территорию Кубанской области сопровождалась миграцией бывших колонистов южных земель империи. Большинство мигрантов евреев были выходцами из колоний Екатеринославской губернии. Они имели при себе паспорт или свидетельство, выданное попечительным советом по делам еврейских поселений Екатеринославской губернии[1].

Правительство страны неоднократно предпринимало меры по превращению еврейского населения в крестьянское, то есть стремилось экономически привязать его к земле. Но не всегда эти меры были действенны и укоренялись в обществе. 30 мая 1866 года правительственный проект по приобщению евреев к земле был приостановлен законодательным актом. По нему переселение евреев в земледельческие колонии на всей территории Российской Империи прекращалось. В последующем права евреев-земледельцев частично расширили. Им, в частности, позволялось переходить в другие сословия. В 1868 году некоторые из них уходили из колоний «ввиду неурожайности»[2]. Значительная часть евреев-колонистов распространилась по территории Кавказа, став его постоянными жителями.

[1] Марков В.Н. Евреи Кубанской области по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // История науки и техники. 2007. №2. – С.57-61.

[2] ГАКК.Ф.452.Оп.1.Д.547.Л.1.

Третий этап сопровождался переселением ремесленников, купцов и промышленников «черты оседлости» из центральных регионов империи и постоянного места проживания в Кубанскую область. Им предоставлялась возможность приписки в городское мещанство. В конце XIX века такой процесс приобрел массовый характер. В 1878 году количество иудейского населения на Кубани составляло 1485 человек.[1] Купцы, врачи, ремесленники и другие селились на отведенных землях. Участки земли приобретались частным порядком или в результате аренды казенных земель самими переселенцами.

В конце XIX – начале XX веков в Баталпашинском отделе, куда входила и территория современной Карачаево-Черкесии, возник целый ряд населенных пунктов, национальный состав которых был разным. Во второй половине XIX века в них проживали как горцы и казаки, так и евреи, выходцы из Дагестана (посёлок Еврейско-Джеганасский); немцы (селения – Александр, Великокняжеское, Рождественское); эстонцы (село Хусы-Кардоникское и посёлок Марухо-Эстонский); греки (село Хасаут-Греческое); осетины (село Георгиевско-Осетинское)[2].

Изучение истории населенных пунктов является основой изучения истории народов, проживающих в них. История посёлка Джегонасско-Еврейского – это история горских евреев. Несмотря на малоизученность вопросов истории, историографии и этнографии горских евреев эта проблематика рассматривалась в работе некоторых региональных конференций. Так, 29-30 марта 2009 года в Дербенте состоялась научная конференция, организаторами которой выступили различные организации и общественные деятели. В их число входили сотрудники Российской Академии наук,

[1] Ведута В.Н. История Кубани: Краткий очерк. Краснодар,1997. – С.124.

[2] Обзор Кубанской области. Ростов-на-Дону, 1911. С. 79–80; Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX века (территория современной Карачаево-Черкесии) // Практические опыты исторического регионоведения. – Армавир, 2002. Вып. 30. – С.30.

Дагестанского научного центра, Института истории, археологии и этнографии, администрации городского округа «город Дербент», Дагестанского отделения ЮНЕСКО в городе и научно-координационный центр «Кавказская иудаика» при поддержке еврейского благотворительного фонда «Дербент-имид» и центрального информационного портала горских евреев gorskie.ru. На конференции рассматривался целый комплекс вопросов истории горских евреев. Значительный интерес вызвала научная проблема истории еврейской общины Джегонасско-Еврейского поселка Кубанской области, находившегося ранее на современной территории Карачаево-Черкесии. Было отмечено, что кладбище на месте исчезнувшего поселка не сохранилось и каких-либо связных записей семейных историй (за малым исключением) не существует[1].

По воспоминаниям жителей станицы Усть-Джегутинской еще в начале 80-х годов XX века в верховьях реки Джегонас, по правую сторону от известкового завода, на нескольких пригорках располагались хорошо обработанные каменные плиты квадратной (на поверхности земли) и округлой (наполовину вкопанные в землю) формы с еле заметными надписями (не на кириллице). Скорее всего, эти плиты являлись надгробиями. На некоторых из них встречались изображения звезды, что позволяет заключить о еврейской принадлежности данного типа захоронений[2].

Ныне посёлок Джегонасский не существует. Он был образован горскими евреями в 1830-х годах. Посёлок Джегонасско-Еврейский являлся самой северо-западной точкой миграции горских евреев XIX века. В других военно-народных округах Баталпашинского отдела Кубанской области евреи не проживали.

Заселение посёлка происходило в течение длительного времени поэтапно, двумя группами. Первая группа, после переселе-

[1] Михайлов В. Полемика о горских евреях // ВАТАН. №14 (1480). 4 Апреля 2009.

[2] Материал собран на основе сведений жителей г. Усть-Джегуты, детские воспоминания автора – Н.Г.Соловьевой.

ния в 1863 году на земли Тохтамышевского ногайского аула, оставалась за Кубанью. К ней затем присоединилась вторая группа, уже проживавшая в Джегонасском посёлке. Происхождение последней группы неясно. Можно предположить, что о ней говорится в документе 1867 года: «В начале текущего десятилетия, когда все абазины жили на правом берегу Кубани на пространстве между оной рекой и Кумой, в среде их аульных обществ находились так называемые горские евреи, неизвестно когда поселившиеся между горцами…»[1].

Поначалу общая численность горских евреев посёлка Джегонасско-Еврейского в 1864 году не превышала 124 человек (16 семей: 65 мужчин и 59 женщин). В 1878 году население посёлка достигло уже 191 человек. Подобное увеличение числа жителей посёлка Джегонасского было связано с новым притоком еврейского населения.

Общее количество евреев Кубанской области по данным за 1880 год составляло1932 человека – 1030 мужчин и 902 женщины. В уездах Кубанской области было следующее количество еврейского населения: [2]

Уезды Кубанской области	Общее количество евреев	Мужчины	Женщины
Екатеринодарский	21	13	18
Ейский	26	14	12
Темрюкский	138	62	76
Кавказский	86	48	38
Майкопский	71	37	34
Баталпашинский	413	231	182

[1] Е.Казачек. Евреи Кубанской области в XIX–XX веках: историко-культурный аспект // http://moodle.kubsu.ru/mod/page/view.php?id=1513

[2] Памятная книжка Кубанской области / Сост. Е.Д.Фелицин. Екатеринодар, 1881.

Из выше приведенных данных видно, что в Баталпашинском отделе, куда входил и посёлок Джегонасско-Еврейский, было значительное количество еврейского населения.

Число еврейского населения и в последующие годы росло. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года на территории Кубанской области всего проживало евреев – 1918881 человек, в Баталпашинском отделе (без станицы Баталпашинской) – 511 человек (240 мужчин и 271 женщина). В Баталпашинске проживало 29 иудеев[1].

Со стороны управления горцами Кубанской области переселение евреев, намеревающихся заняться хозяйственной деятельностью, не всегда встречалось благожелательно. Так, помощник начальника Кубанской области по управлению горцами отмечал, что «ремесленников среди горцев иметь необходимо, но только не евреев, так как лица эти, с которыми неразлучны торгашество и мелкие плутни, поселившись среди горцев, сумеют обобрать до нитки простодушный народ»[2].

Взаимоотношения с казачьим населением так же не отличались стабильностью. Они имели активные торговые и хозяйственные связи, но между ними нередко возникали и спорные моменты. Евреев часто обвиняли в порче скота, хлеба и т.д. В 1865 году горские евреи ходатайствовали о переселении их на свободные казённые земли в верховьях реки Джегуты. 4 января 1869 года им был выделен для поселения свободный участок казённой земли в верховьях реки Джегуты. Сведений об образовании горскими евреями нового поселения нет, поэтому можно предположить, что их намерения в автономном самоуправлении не получили практической реализации.

Посёлок Джегонасско-Еврейский располагался в юрте станицы Усть-Джегутинской, поэтому управление в нем осуществлялось через станичное правление. Судебные разбирательства были воз-

[1] Перепись. Т. LXV. СПб., 1905. – С.1.

[2] ГАКК. Ф. 456. Оп.1. Д.363. Л. 80.

ложены на полковое правление 4-й бригады Кубанского казачьего войска. В 1865 году состоялось переподчинение горских евреев посёлка Джегонасско-Еврейского начальнику Эльбрусского военно-народного округа.

Другой социальной проблемой горских евреев являлась двойственность налогообложения, существовавшая у еврейского населения Баталпашинского отдела, особенно у Джегонасско-Еврейского. Требовалось более четкое самоопределение жителей поселка, то есть необходимость «приписаться» к какому-либо податному сословию. К концу 1860-х годов горские евреи собирались прикрепиться к одному из ближайших еврейских городских обществ, отнеся себя к мещанам или купцам. Но из-за того, что таковых по близости не было, решение данного вопроса постоянно откладывалось.

После очередного административно-территориального перераспределения населённых пунктов Кубанской области посёлок Джегонасско-Еврейский в 1873 году стал относиться к Баталпашинскому уезду. А с 1888 года он был приписан к Баталпашинскому отделу.

С 1917 года посёлок приобрел статус селения. Усиление миграционного процесса в начале XX века привело к резкому сокращению еврейского населения Баталпашинского отдела. В посёлке Джегонасском, по данным Барона фон дер-Ховера (1900 г.), проживало уже 280 человек. В 1917 году в Баталпашинском отделе проживало всего 196 евреев.

В период гражданской войны миграция еврейского населения продолжалась. По некоторым сведениям после окончания войны значительная его часть вернулась в Джегонасский посёлок. К середине 1920-х годов в нем проживало свыше 800 евреев.

В 1922 году селение Джегонасское отошло к созданной Карачаево-Черкесской автономной области. С этого момента в названии населенного пункта слово «еврейский» исчезло. По мнению некоторых авторов (В.А.Дымшиц, В.В.Колесов, Д.М.Сень), это произошло из-за отсутствия здесь евреев.

В 1928 году евреи из посёлка Джегонасского основали в Терской степи сельскохозяйственную колонию «Дружба», преобразованную в 1930 году в колхоз «Богдановка»[1].

Село Богдановка (сегодня – Степновский район) основано как хутор в 1927 году евреями – переселенцами с Кубани. Свое название хутор получил по фамилии секретаря Северо-Кавказского крайкома партии Богданова. В 1942 году, во время оккупации, все еврейское население было расстреляно в близлежащей балке[2].

Оккупация восточных районов страны началась в августе 1942 года. На оккупированных территориях были установлены особые правила. Действовал комендантский час – после 6 часов вечера жителям населенных пунктов запрещалось появляться на улице. Еврейскому населению запрещалось встречаться и разговаривать с соседями. Они не смели препятствовать насильственному изъятию провизии и скота и многое другое. В годы оккупации создавались специальные списки, в которые вносились евреи, в частности из Богдановки и окрестных сел, якобы для того, чтобы подготовить к последующему переселению на Украину. На самом же деле им предстояла массовая экзекуция.

Осенью 1942 года в селе Богдановка располагалась комендатура фашистских оккупантов. В 20-х числах сентября 1942 года его жителям было приказано подготовиться к переселению на Украину, собрав с собой достаточное количество добротных вещей.

24 сентября 1942 года в село Богдановка прибыло 5 автомашин с немецкими солдатами, карательный отряд которых квотировался в станице Курской. Село было оцеплено – вход и выход из него были запрещены. В 12 часов того же дня к зданию комендатуры были собраны мужчины трудоспособного возраста. Комендант сообщил о необходимости восстановить колодец, находившийся в полутора километрах от села Богдановка. Еще в 1937 году в нем произошел обвал. Собравшихся мужчин под вооруженным кон-

[1] Российская Еврейская Энциклопедия // http://www.rujen.ru/index.php...

[2] http://stavropolgid.ru/knigi/stavropol-i-ego-okrestnosti/1816-selo-bogdanovka.

воем отправили на место работы. Там они приступили к раскопке обрушившегося колодца. Затем комендант приказал остальному населению взять лучшую одежду (до 40 кг.), питание (на 5 суток) и явиться к 8 часам вечера к зданию неполной средней школы. Сообщалось, что оттуда начнется отправка жителей на Украину. К зданию школы людей пригнали силой, где под усиленной охраной они переночевали.

Утром 25 сентября 1942 года произошла «сортировка» населения. Сначала силами карательного отряда были отобраны мужчины. Их погрузили на автомашины и отправили к раскопанному колодцу, где расстреляли из автоматов. Затем, немощных стариков, женщин и детей на машинах, остальных – пешком, отправили к месту казни. У колодца их заставили раздеться до нижнего белья и расстреляли. Убитых бросали в яму, хотя многие из них были только ранены.

По словам Ивана Литвинова (председатель Совета ветеранов Курского района), место гибели представляло собой своеобразный колодец: «Колодец этот был глубокий – шахтный колодец большого диаметра. Очистили его и там расстреливали их. И бросали – некоторых мертвых, некоторых – полуживых»[1].

Имеются сведения о том, что после расстрела женщин, оккупанты смазали губы детей отравляющим веществом, из-за чего они умирали от удушья. Грудных детей сбрасывали в ямы живьем. Очевидцы рассказывали, что на месте этой казни в течение двух дней земля шевелилась, словно живая.

«В конце 1942 года советские войска прорвали линию обороны противника. Наши силы освободили деревни Богдановка, Тихомировка, села Прохладное, Котляревское, города Нальчик, Беслан, Орджоникидзе (совр. Владикавказ), Ставрополь, Майкоп, Белореченск, Краснодар и всю территорию Северного Кавказа. Ни одно из этих мест не пробудило столь глубокой душевной боли и страха, как деревня Богдановка, где осенью 1942 года были зажи-

[1] Неизвестная война. Часть третья /atvmedia.ru›?report=16791.

во погребены 374 евреев – старики, женщины, дети»,[1] – отмечали участники Великой Отечественной войны.

В числе расстрелянных и погребенных заживо были представители следующих фамилий: Абрамовы – 3 семьи (11 душ); Амировы – 2 семьи (5 душ); Ашуровы – 2 семьи (8 душ); Бельхиявы – 1 семья (7 душ); Гарелики – 3 семьи (19 душ); Давидовы – 4 семьи (23 души); Дармаевы – 6 душ; Инотаевы – 3 семьи (21 душа); Ифраимовы – 1 семья (2 души); Исаковы – 2 семьи (7 душ); Ильдаровы – 2 семьи (17 душ); Израевы – 5 семей (25 душ); Кроник – 1 семья (6 душ); Кишеевы – 5 семей (28 душ); Матаевы – 18 семей (113 душ); Мурзахановы – 1 семья (2 души); Новаховы – 3 семьи (15 душ); Назаровы – 2 семьи (9 душ); Пинхасовы – 8 семей (44 души); Призовы – 3 семьи (19 душ); Рабаевы – 3 семьи (10 душ); Фельдманы – 2 семьи (7 душ); Шауловы – 3 семьи (8 душ); Шамиловы – 9 семей (35 душ); Яшагиевы – 2 семьи (10 душ); 16 душ – фамилии не установлены.

В живых осталась лишь девочка Алиса Призова 15 лет. Ее спасла неизвестная пожилая русская женщина[2].

По другим сведениям, число расстрелянных людей было гораздо больше. В акте ЧГК говорилось, что в селе Богдановка в 1942 году «истребили население двух местных колхозов, состоявших из горских евреев, в количестве 850 человек, включая женщин, детей и стариков»[3].

Место трагической гибели евреев в Богдановке сегодня называют «Колодец скорби». Мемориал у «Колодца скорби» был установлен на частные пожертвования в 90-е годы. За состоянием памятника следит районный совет ветеранов[4]. В 2002 году в Богдановке установили памятный знак, с указанием национальности жертв[5].

[1] С Кавказа в Иерусалим. Израиль, 1984. (Изд. на иврите).

[2] Не забудем и не простим. Село Богдановка, 1942 год: Свободный перевод с иврита В.Шалем / stmegi.com›News/Post/172.

[3] Войтенко Е.А. Уничтожение мирного населения на оккупированной территории Ставропольского края / http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1229.

[4] Неизвестная война. Часть третья / atvmedia.ru›?report=16791

[5] Бабьи Яры России / http://www.holomemory.ru/?region=39.

История посёлка Джегонасско-Еврейского – это история горских евреев северокавказского региона, история нашей страны. Трансформационные процессы, происходившие в ней, отразились и на судьбах жителей поселка.

Изучение истории северокавказского региона невозможно без комплексного освещения всех её аспектов – истории народов, проживающих здесь. Исследование истории посёлка Джегонасско-Еврейского – это один из первых шагов на пути комплексного изучения, освещения истории горских евреев, российской истории в целом. Разработку данной проблемы необходимо продолжать.

Сохранение памяти о жертвах оккупационного периода многонациональной России, еврейском населении, важная составляющая духовной жизни страны. Передача данной информации последующим поколениям будет формировать у них интернационализм и уважение к павшим в годы Великой Отечественной войны.

М. С. Тхайцухов,
Черкесск

РАССЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ АБАЗИН В ТУРЦИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

История близкородственной абхазам народности абазин (самоназвание – абаза), одного из древних народов Северо-Западного Кавказа, в течение первой половины XIX в. и до его середины была тесно связана с событиями Кавказской войны.

Известно, что Кавказская война XIX в. сыграла свою трагическую роль, итогом которой стало изгнание горцев, в т. ч. и значительной части абазинского народа с их исторической Родины на Северо-Западном Кавказе.

Мы не приглашаем к размышлению кто и в какой степени решал судьбы Кавказа в этот трагический период. С течением исторического времени на эту тему было высказано немало точек зрения и ее актуальность, на наш взгляд, еще не исчерпана.

Историография о горцах Кавказа в Турции во второй половине XIX в. (особенно западноевропейская) достаточно обширна, об этом писали Сакс К. (Вена 1873 г.), Рокштрах Э. (Лепциг, 1874 г.), Убичини А. (Париж, 1876 г.), Бейкер Д. Штутгарт, 1878 г.) и др.

Ими была исследована лишь одна сторона проблемы – кавказские махаджиры в Турции, т. е. была предпринята попытка выявления (предположительно) численности кавказских махаджиров в Турецкой империи. Но последующее развитие истории кавказских махаджиров, в силу целого ряда обстоятельств, в частности невозможности экспедиционного исследования, оставалось за

пределами внимания отечественного этнографического кавказоведения.

За 150 лет депортации большей части абазинского народа в Турцию не было ничего известно о судьбе потомков абазинских махаджиров. Однако в середине XX в., одним из советских историков была высказана следующая точка зрения: «абазины, обманутые Турецкими властями и расселившиеся вперемежку с другими народами, фактически погибли как этнос». Так ли это? Ответ на этот вопрос могла дать комплексная научная экспедиция к потомкам абазинских махаджиров в начале XXI века, которая была предпринята нами.

Основу нашего сообщения составляет конкретный полевой этнографический и статистический материал (2003, 2005, 2011 гг.), впервые собранный за полуторовековой период истории этнических абазин в Турции.

Цель экспедиции состояла в том, чтобы выявить степень интеграции абазин в турецкое общество, уровень знания ими абазинского языка и практику его использования в обыденной жизни; определить, каковы сохранность абазинских фамилий и память о своих генеалогических корнях, изучить современное состояние традиционно-бытовой культуры и т. д.

В результате наших исследований было выявлено, что хозяйственная деятельность и социальный статус турецких абазин ничем не отличаются от их соседей кабардинцев, чьи селения расположены поблизости (в отдельных случаях) от абазинских селений. По природным условиям районы проживания абазин и адыгов не самые лучшие для ведения традиционного хозяйства. И те и другие испытывают большие трудности при обработке земли из-за каменистости почвы. Главным занятием турецких абазин, живущих в сельской местности, является земледелие (они выращивают кукурузу, пшеницу, ячмень, сахарную свеклу и др.), животноводство и садоводство. Все наделены земельными участками (несколько гектаров на каждое хозяйство), и нередко для обработки этих земельных участков применяют наемный труд.

Записать удалось многое, сохранив стиль речи наших собеседников, дабы передать весь колорит повествования, и в частности рассказы о проведении свадебных, похоронных обрядов, долго бытовавших в среде турецких абазин и почти полностью повторявших обряды абазин Северного Кавказа. Однако все единодушно отмечали, что сейчас эти обряды соблюдаются уже не так, как прежде.

Один из самых актуальных вопросов – этнодемографические процессы в среде турецких абазин. Он не исследовался раньше, так как официальной статистики о численности кавказских горцев в Турции нет, а некоторые отрывочные сведения неточны.

В связи с этим, в пределах возможного, были собраны демографические данные и пофамильные списки в селениях, расположенных в вилайетах (районах) Турции.

Представители абазинской диаспоры в Турции, с которыми пришлось общаться, отмечали, что численность абазин проживающих в сельской местности, уменьшается. Спад наметился еще в начале 60-х годов XX в., хотя именно в этот период, был заметен рост численности потомков абазинских махаджиров. Но неблагополучное экономическое положение в селе и перспектива лучшей реализации своих возможностей в городах вызвали отток абазинской молодежи из селений. На процесс ассимиляции абазин в среде турецкого населения повлияли и другие немаловажные факторы – отсутствие школ (речь идет о турецких школах) или их закрытие ввиду малочисленности учащихся. Это вынуждало родителей устраивать своих детей в близлежащие городские школы и находиться с ними весь учебный год. Такой процесс продолжается и в новых условиях, о чем свидетельствуют наши полевые этнографические материалы.

Несмотря на то, что большинство абазин в Турции и в настоящее время проживает в сельской местности, растет и число граж-

дан, переселившихся в города. Наиболее многочисленные группы абазин проживают в Стамбуле, Анкаре, Кайсере, Адане, Ескищехире, Адапазаре, Йозгате, Токате, Сивасе и других городах. С некоторыми представителями абазинской диаспоры в Турции мы встречались в Стамбуле, Анкаре, Кайсере, Туфанбейли, Пинарбащи.

В абазинских селениях мы не встретили ни одного представителя старшего поколения, который не знал бы абазинского языка, в том числе и его ашхарского диалекта. На ашхарском диалекте в России абазины говорят только в трех селениях.

Сохранение его у турецких абазин подтверждает то, что большая часть ашхарцев и стала махаджирами.

Отметим, что и в абазинских селениях уровень знания родного языка и использование его в быту далеко неодинаковы. Причины в каждом конкретном случае разные и требуют дальнейших исследований. Материалы экспедиции позволяют пока сделать лишь предварительные выводы, характеризующие ситуацию в некоторых селениях.

По переписи 1995 г. все кавказские махаджиры по национальной принадлежности были отнесены к туркам по знанию турецкого языка и конфессиональной принадлежности. Все они являются гражданами Турецкой Республики, говорят на государственном турецком языке, носят турецкие фамилии.

Северокавказцы не имеют возможности изучать свой родной язык, так как в Турции запрещено преподавание языков этнических меньшинств.

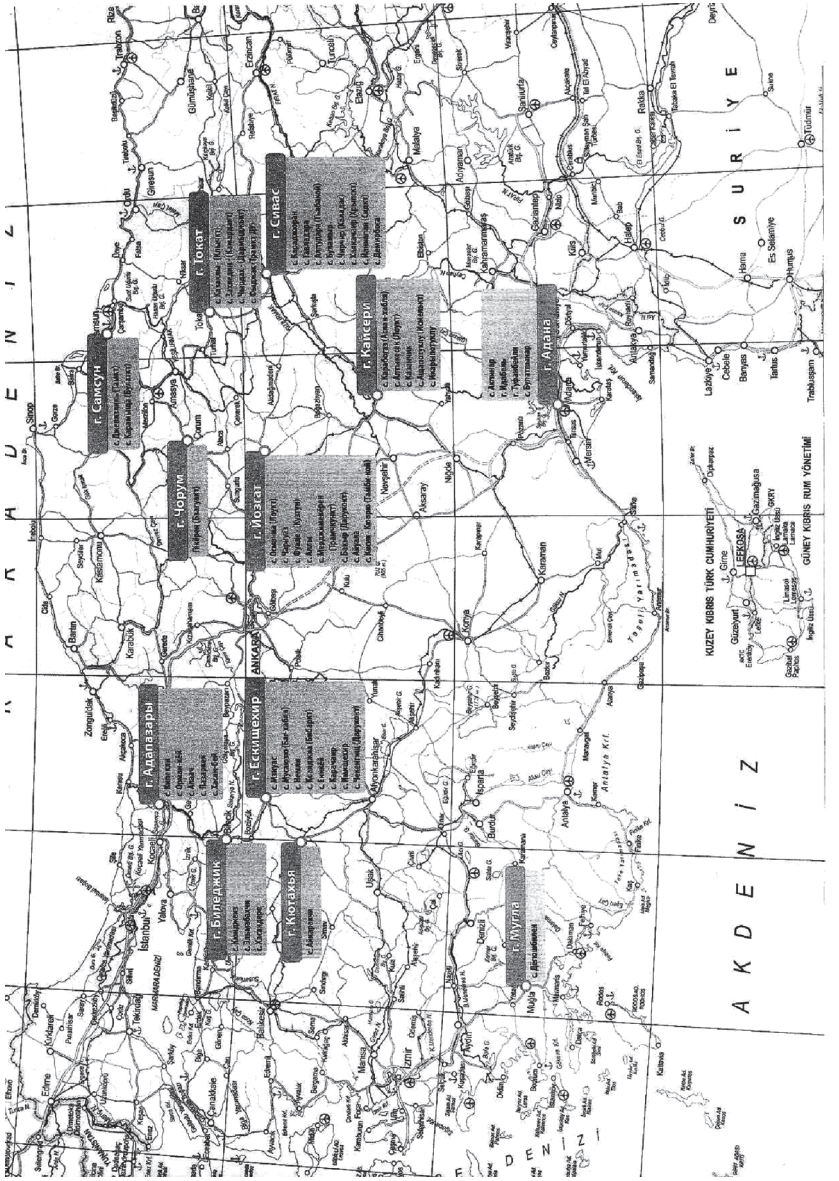
Процесс ассимиляции северокавказцев (и абазины не исключение) продолжается. Это подтверждают исследования данной проблемы, и важным показателем является уровень знания и употребления в быту родного языка. Процесс вполне закономерный в условиях отсутствия школ с обучением детей на абазинском, а также печатных органов (нет и своей письменности), теле- и радиопередач на родном языке и т. д. Наиболее заметна тенденция к ассимиляции в городах, где отсутствуют компактность проживания и размыта сфера применения родного языка. Не все турецкие абазины имеют устойчивое самосознание.

В то же время полевые этнографические материалы позволяют положительно ответить на вопрос: сохранились ли абазины в Турции как самостоятельный этнос.

Нами установлено, что сегодня турецкие абазины не утратили свое этническое самосознание, знание (хотя и в разной степени) абазинского языка (особенно на селе), некоторые черты традиционно-бытовой культуры; что они помнят о своих кавказских корнях, фамилиях, тамги, знают свои предания, не забыли исторические события, приведшие их на турецкий берег. Особую гордость абазин составляют известия о тех земляках, которые добились значительных успехов в различных сферах государственной жизни Турции.

Материалы экспедиции позволили выявить, что сегодня число селений турецких абазин составляет 49 (для сравнения: в Российской Федерации, на территории Карачаево-Черкесской Республики всего 13 абазинских селения).

Селения турецких абазин расположены практически во всех наиболее известных регионах Турции, вблизи центральных городов следующих вилайетов: Кайсери, Адана, Сивас, Токат, Самсун, Чорум, Йозгат, Ескищехир, Беледжик, Адапазары, Кютахья, Мугла (см. карту Турции).

О. И. Шафранова,
Ставрополь

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В КАВКАЗСКИХ ОБЩЕСТВАХ СОГЛАСНО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫМ НОРМАМ XIX – НАЧАЛА XX В.

Советская историография, изучая вопросы социально-правового состояния народов Северного Кавказа способствовала рождению стереотипов. Наиболее живучим остается стереотип в отношении семейного и общественного положения кавказской женщины. В эпоху романтизма революции, провозглашенного равенства между мужчиной и женщиной с особым энтузиазмом советская власть боролась с пережитками родового строя. Однако гендерные стереотипы об униженности и бесправии кавказских женщин рождались в XVIII – XIX вв., в эпоху интенсивного изучения семейного быта горцев Северного Кавказа. Иностранные путешественники и русские этнографы и исследователи права, изучавшие обычаи, традиции, адаты кавказских горцев указывали на приниженное положение женщин. В эпоху женского движения в России, к которому присоединился и Кавказ, из статьи в статью, кочевало утверждение об «угнетенных» и «бесправных» горянках. Кавказские просветители в газетах публиковали заметки о быте горцев, где подчеркивалась незавидная «участь» женщин. Чах Ахриев в очерке «Об ингушских женщинах» рисует их незавидную долю «…Отличительная черта ингушской женщины – забитость физическая и нравственная, тем более поражающая наблюдателя, что рядом с нею мы видим здоровое, бодрое и энергичное муж-

ское население. Очевидно, что мужской пол развился здесь за счет женского»[1].

Однако, изучив соответствующие источники, мы приходим к выводу, что кавказские женщины были не более, а в отдельных случаях менее бесправны, чем женщины в других патриархальных обществах, что объясняется остатками матриархальных влияний.

Патриархат – это форма общественного устройства, при которой, доминирующую роль в семейной, хозяйственной и общественной жизни играет мужчина[2]. В буквальном смысле патриархат – это право отца. Современные исследователи предложили понимание патриархата, как особой системы контроля над производительными и репродуктивными способностями женщин (а также детей)[2].

Необходимо отметить что, патриархат в социокультурном аспекте укореняется и ужесточается в правовых нормах адата в северокавказских обществах в XVIII – XIX вв. Однако северокавказский эпос, традиции, обычаи пронизаны отголосками матриархата. Северокавказские общества формировались в таких геополитических и географических условиях, которые не способствовали объединению племен в крупные политические сообщества. Эволюции семейно-общественных отношений мешали субъективные военно-политические факторы. Эволюционное развитие народов Северного Кавказа неоднократно прерывалось социально-политическими катаклизмами. В результате чего в патриархальные устои северокавказских племен оказались вплетены матриархальные традиции, о чем неоднократно упоминалось дореволюционным исследователем кавказского права М. Ковалевским. Исследователь, критикуя работы этнографов, изучавших «дикие» общества Австралии, используя метод сравнительной антропологии подчеркивает «исключительность условий, в которых зародилась и развивалась кавказская гражданственность. Этнография

[1] Ахриев Ч. Об ингушских женщинах. //Избранное. Назрань, 2000. – С. 176.

[2] Словарь гендерных терминов. http://www. gender. ru/russian

кавказских племен явилась бы не освещением общего мирового процесса развития, а доказательством возможности местных от него отклонений».

В период оформления патриархальной идеологии у кавказских горцев, в XVII в. в обществах еще сохранялись матриархальные традиции. Этим объясняется снисходительное отношение к супружеским изменам. По свидетельству западноевропейских авторов в. Тавернье и Стрюиса, для черкешенки вполне допустимо было иметь любовника, более того, чем больше у женщины поклонников, тем в большем почете она в обществе[1]. Стрюис отмечал довольно свободные нравы черкешенок. Он пишет, если женщины податливы, то о мужьях надо сказать, что они очень снисходительны, спокойно смотрят на ухаживания за их женами, не проявляя ревности. Свое отношение они объясняли тем, что женщины подобны цветам, красота которых была бы излишней, если бы не было глаз для того, чтобы любоваться и рук, для того, чтобы срывать этот цвет»[2].

Отголосками матриархата пронизан героический эпос кавказских горцев. В легендах о нартах главный женский персонаж – мать нартов Сатана, в эпосе она представлена как главная советчица во всех трудных делах. Известны легенды о женщине-богатыре Лашин, светлорукой Адиюх[3]. Множество обычаев, подчеркивавших роль женщины в решении серьезных конфликтов между мужчинами. Женщина могла остановить кровную вражду, примирить враждующие стороны, остановить поединок бросившись в центр поединка с непокрытой головой.

Абхазский просветитель конца XIX в. К. Мачавариани отмечал, что в Абхазии уважение к женщине – это одна из древних священных традиций наряду с почитанием стариков и гостеприимства. Женщины адыгских племен умело противостояли влиянию патри-

[1] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп, 2006. – С. 20.

[2] Struys J. Voyages de Jean Struys. Amsterdam,1681. C. 195.

[3] Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. – С. 8.

архальных традиций, связанных с христианизацией или исламизацией региона. Так, К. Мачавариани отмечает, что: «Покушение на уничтожение разных прав женщин, освященных веками, вызывало здесь ряд волнений, которые всегда оказывались победой женского влияния». Защита семейных интересов у абхазцев лежала на женщине, как это было у черкесов, убыхов и других адыгских народов. Однако, он также отмечал, что положение женщин в Абхазии зависело от ее принадлежности к сословию. Большей самостоятельностью пользовалась женщина привилегированного сословия. Она исполняла религиозные обряды, руководила общественными делами, даже предводительствовала в набегах, одним словом, она, безусловно, стояла совершенно наравне с мужчиной. Между тем, влияние женщины простого сословия были крайне ограничены: на ней лежали домашние и полевые работы и лишь звание «кормилицы» доставляло ей известное уважение среди своего племени[1].

Одним словом, специальная литература изучаемого периода дает основания сделать вывод о том, что до утверждения у народов Кавказа монотеистической идеологии в обычаях и традициях живучими оказались позиции женщины в семье и обществе.

В XVIII в. на всей территории Кавказа Турция активно распространяет ислам. Многие народы исламизируются и социальная структура их претерпевает изменения. Однако ислам на Кавказе имел существенные отличия от арабского и турецкого. На основе изученных источников и литературы рассмотрим социально-правовые аспекты положения женщин Северного Кавказа с мусульманским вероисповедованием.

Отношения между членами северокавказских обществ, как и прежде, регулировались адатом, но распространением ислама на правовые нормы кавказских горцев существенно повлиял

[1] Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. //Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Т. 4. http://apsnyteka. org/4 дата обращения 3. 05. 2014.

шариат. Под адатом понимается обычное право, племенные традиции, регулировавшие общественные и племенные отношения у кавказских народов. Во второй половине XIX в. на территорию Северного Кавказа официально распространяется российское законодательство. Однако российская правовая система не заменяла сложившуюся в течение многих лет культурно-правовую базу, а лишь дополняла её.

Действовавшее российское право имело преимущество, если нормы адата или шариата явно противоречили имперскому стандарту или не могли предложить решение, которое было бы разумным, справедливым или достаточным. Традиционное «кавказское право» не заменялось российским правом и не утрачивало своих изначальных качеств, несмотря на влияние экзогенных правовых ценностей[1].

В середине XIX в. на Кавказе российским правительством была проведена реформа административного управления, в результате которой изменилась и система правового регулирования возникающих конфликтов. Так, в созданной в 1860 г. Терской области судопроизводство осуществлялось в комиссиях военного суда по законам империи; в окружных горских судах по адатскому и мусульманскому праву; по «особым правилам»[2]. В компетенции адатского и мусульманского права оставались гражданские дела, в число которых входили семейные и религиозные вопросы.

Семейные вопросы, правовое положение женщины, по прежнему регулировались адатами и шариатом. Адаты в том виде, в котором они зафиксированы в XVIII – XIX вв., восходят к патриархальным порядкам, отражают соответствующий социальный строй и семейный быт. Это было время хозяйственного господства мужчины, ставшего основным добытчиком жизненных средств и

[1] Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюраллизма на Северном Кавказе. М., 2002. – С. 93.

[2] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Ч. 2. – С. 88.

собственником средств производства. Какой бы ни была степень участия женщины в трудовом процессе в стенах и за стенами дома, она считалась иждивенкой мужчины[1]. Этим объясняется её неравенство с мужчиной в имущественном и наследственном обычном праве.

Субъектами правоотношений являлись лица мужского пола, достигшие совершеннолетнего возраста, которым разрешалось заключать разного рода сделки, вступать в определенные договорные обязательства. По правовым нормам адата женщина являлась недееспособной и приравнивалась в этом отношении к несовершеннолетнему ребенку.

Имущественное право горянки охранялось обычным правом, так по адатам осетин «калым (его часть) и жениховый подарок составлял неприкосновенную собственность замужней женщины. Без её согласия муж не имел права им распоряжаться и если бы он решил принудить жену, она могла прибегнуть к помощи родственников и просить их защиты», по адатам кумыков: «имущество, принадлежащее жене, неприкосновенно; без её согласия муж не имел права им распоряжаться». Однако многие исследователи настаивают на факте ущемления имущественных и наследственных прав женщины. По обычному праву все семейное имущество делилось на две части: общесемейное и личное имущество членов семьи. Общесемейными были земля, основная масса скота, сельскохозяйственный двор, жилые постройки, домашний хозяйственный инвентарь, транспорт и т. п. В большой семье это равным образом касалось имущества наследственного и приобретенного. Пользовались им все члены семьи. Имущество членов семьи, как правило, состояло из предметов личного пользования: у мужчин – одежда, оружие, верховой конь с убранством, музыкальные инструменты, скот. Женское имущество составляло одежда, украшения, подаренный скот. Женщины имели право на свое приданое, которое состояло из одежды невесты, предметов домашней утвари, также

[1] Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. – С. 244.

могло включать скот и деньги, участок земли[1]. Казалось бы, что имущество женщины было не меньше мужского. Но так обстояло дело только формально. Например, домашняя утварь фактически поступала в общесемейную собственность, а из приданого женщине оставалась только одежда и украшения. Скотом даже если он был частью приданого, распоряжался глава семьи – мужчина[2]. Несмотря на то, что женщина имела свое имущество, однако, она в отличие от мужчины, не имела доли в общесемейной собственности[3]. В дележе наследственного имущества участвовали только мужчины[4]. Это была общекавказская обычноправовая норма. Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества. Норма эта была настолько непреложна, что даже в отсутствии прямых наследников – мужчин, женщины не наследовали[5]. Надо отметить, что уже в XIX в. этого правила придерживались только в тех случаях, где было не желательно дробление земли.

Что касается личных прав женщины, то во всех зафиксированных адатах, говорится, что «жена подчинена мужу, как своему законному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всем своем поведении оказывать ему раболепное уважение холопа к вольному»[6]. Такое положение вещей Леонтович Ф. И. объясняет обычаем выплаты калыма за жену: «Так как жена приобретается покупкой, а потому она есть, так сказать,

[1] Першиц А. И., Смирнова Я. С. Положение кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. 1997. №9. – С. 102.

[2] Меретуков М. А. Семья и брак у адыгейских народов. Майкоп, 1987. – С. 49.

[3] Першиц А. И., Смирнова Я. С. Указ. Соч. – С. 103.

[4] Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976. – С. 90.

[5] Там же. – С. 270.

[6] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. Вып. 2. Нальчик, 2002. – С. 240.

раба мужа и во всем должна повиноваться, быть покорной ему, как своему господину, и быть верной ему до смерти»[1]. Однако выплату калыма за невесту и покупку раба не следует отождествлять. Адаты и нормы мусульманского права трактовали калым поразному: адаты – как выкуп родителям невесты, шариат – как дар самой жене. Л. Г. Свечникова выделяет три исторические традиции, сложившиеся при «покупке» невесты: 1) «утренний дар», плата за девственность. Утром, после первой брачной ночи девушке преподносили подарок; 2) до бракосочетания родителям или родственникам невесты выплачивалась компенсация – как за потерю рабочей силы; 3) стороной жениха после бракосочетания и первой брачной ночи выплачивалась как «компенсация» родителям невесты, так и «утренний дар» ей самой[2]. Как показывают исследования Я. С. Смирновой, у кавказских народов в результате переплетения обычного права и шариата брачный выкуп разделился на две части. Одна из них поступала родителям невесты (калым), другая (кебин, урдо) – самой невесте[3]. Размер калыма в разных районах Кавказа колебался. По шариату существовало несколько факторов, влияющих на его размер – это сословная принадлежность девушки, возраст, красота, добронравие, девственность, место жительства и другие обстоятельства[4]. В пореформенный период у кабардинцев за княжну платили от 700 до 1500 рублей, за дворянку – от 400 до 1000 р., за крестьянку – 300 р[5].

То есть, выплата калыма не давала права мужу относиться к жене как к рабе. Более того, судя по адатам «муж ни в коем случае не может своей жены ни продать, ни лишить жизни, даже в том случае, если она окажет неверность», «каждый муж считает для себя высшим оскорблением слышать дурной отзыв о своей жене.

[1] Там же. – С. 240.

[2] Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь, 2002. – С. 132.

[3] Смирнова Я. С. Указ. соч. – С. 48.

[4] Свечникова Л. Г. Указ. соч. – С. 134.

[5] Там же. – С. 134.

Скорее он перенесет наносимую брань его отцу и матери и даже самому себе, чем дозволит оскорбить свою жену»[1]. Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные поступки составляли исключение из этого правила.

Развод у народов Северного Кавказа в XIX в. регулировался как нормами адата, так и нормами мусульманского права. Многие исследователи полагают, что по адату развод мог быть инициирован только мужчиной. Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Жена могла стать инициатором развода, но в этом случае она должна была оставить ему свой калым и все свое имущество[2], что не всегда было возможным, поскольку в этом случае, она должна была получить согласие родственников вернуть калым. Если мужчина выступал инициатором развода, он должен был ее отпустить со всем принадлежащим ей имуществом и не должен был требовать возврата, выплаченного им калыма. Кроме того, в любом случае, после развода дети, как сыновья, так и дочери, оставались в доме отца, и мать не имела никакого права требовать их от мужа в дом своих родственников[3]. Это, конечно, было еще одной серьезной причиной для женщины не инициировать развод. У женщины должны были быть серьезные основания для развода, для мужчины достаточным было простое не желание жить с этой женщиной далее. Согласно адату следующие причины могли побудить женщину инициировать развод: «Варварское обращение мужа с женой: побои, ожоги, поранения, пытка голодом и холодом и вообще насилия и истязания служат причиной развода, принимаемой судом со времени учреждения окружного управления в основание при решении тяжб по делам семейным»[4]. По словам М. С. Арсанукаевой, женщина была вправе требовать развода через суд в следующих случаях: при тяжких физических недостатках

[1] Леонтович Ф. И. Указ соч. – С. 240.

[2] Там же. – С. 242.

[3] Там же. – С. 165.

[4] Там же. – С. 165.

мужа, жестоком обращении, не выделении достаточных средств на содержание, длительном отсутствии супруга, нанесении тяжких оскорблений, несходства характеров, невыполнении мужем супружеских обязанностей и др[1].

В случае обращения женщины в горский словесный суд, после разбирательства дела суд выносил решения относительно развода и имущественных выплат сторонам. Здесь следует оговорить, что женщина могла обращаться в суд только через поверенного, наиболее уважаемого представителя рода.

В качестве примера следует привести дело «О разводе магометанки Асият с её мужем Бица Таубиковым». Первоначально дело было рассмотрено в горском словесном суде в 1865 г., затем передано в Зеленчукский окружной народный суд. В выписке из журнала зеленчукского окружного народного суда читаем: «Находящаяся в замужестве за жителем аула Бересланова Магомета женщина Асият просит законной защиты как по освобождению её от рабства, так равно и от насильного брака с неравным ей по летам и по званию мужем Бица Таубиковым»[2]. Из материалов дела видно, что женщина требовала развода и в качестве причин называла две – неравное происхождение и «неспособность мужа к супружеской жизни»[3]. Из показаний Асият: «… Я была у матери, от меня постоянно требовали, чтобы я вышла замуж, так как Бицу Таубиков уже заплатил за меня выкуп, я вынуждена была уступить требованиям. Человек этот послаблению своих половых частей, с первого раза не понравился мне, хотя я и промучилась за ним 3 месяца…»[4]. Далее во время очной ставки выяснилось, что муж Асият был равен с ней по положению. Тогда Асият стала настаивать на неспособности супруга к выполнению «супружеских обязанностей» и не соответствии её возрасту, и «страсти, которую она испытывала»[1]. Материалы этого дела показывают, что при желании женщина могла все же инициировать развод и без всякого стеснения доказывать суду свою правоту.

Итак, применительно к положению кавказской мусульманки адат и шариат играли двойственную роль. В отличие от адатов, шариат формально не требовал изогамии (браков между людьми одного социального статуса), так как согласно Корану все равны перед Богом. Вопреки адатам, шариат требовал формального согласия на брак, как жениха, так и невесты[2].

Шариат сыграл положительную роль в регламентации брачного выкупа: выкуп должен был платиться не семье невесты, а ей самой как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. Однако, здесь шариатская норма вошла в противоречие с обычноправовым предписанием. В результате почти у всех кавказских мусульман возник компромисс: часть выкупа (калым) выплачивалась семье, другая (кебин) – самой невесте[3].

По законам шариата женщины получили право на личную собственность (мужчинам – доля из того, что они приобрели, женщинам – доля из того, что они приобрели), нормы шариата предоставляли им право на общесемейную собственность, в том числе и земельную. Шариат рассматривает женщину как наследницу в половинной доли, хотя на практике, под воздействием обычая дела о разделе имущества решались не в пользу женщин. В результате чего, женщины из высших сословий нередко инициировали судебные иски в разделе наследства не по адатам, а по шариату или по законам Российской империи. Однако для обращения к российским законам, где адатское право и шариат сохраняли свою компетенцию, горцам требовалось либо принять христианство,

[1] Арсанукаева М. С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX – начале XX века // История государства и права. 2003, №. 3. – С. 22.

[2] ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 241. Л. 6.

[3] Там же. Л. 13.

[4] Там же. Л. 11.

[1] Там же. Л. 19 об.

[2] Першиц А. И., Смирнова Я. С. Указ. соч. – С. 105.

[3] Там же. – С. 102

либо заключить договор или вступить в брак «по российски»[1]. В результате администрация стала повсеместно предлагать, чтобы сами наследники выбирали тот или другой принцип наследования. Переплетение адатов, шариата и российских законов расширило практику такой компромиссной формы, как маслагат – миролюбивой сделки, соглашения между сторонами[2].

У части народов региона шариат несколько улучшил положение женщины при разводе. Муж, отпуская жену без серьезных на то причин, должен был вернуть ей кебин и приданное (если эта часть поступала в общесемейное пользование), кроме того, шариатом был установлен определенный срок (от полугода до года), по истечении которого развод считался окончательным. Это давало инициатору расторжения брака время передумать под влиянием родни и общины, которые осуждали и старались препятствовать распаду семьи[3].

Отрицательное воздействие шариата заключалось в том, что он усилил сегрегацию полов. По словам Ю. Карпова, текст Корана в целом выражает нейтральное отношение к женщинам подчеркивая взаимодополняемость полов: «… Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость. – Поистине, в этом – знамение для людей, которые размышляют!». Но в изложении некоторых проповедников он обретал недоброжелательную, а порой и женоненавистническую интерпретацию[4]. Базовым в отношении общества к женщине, в её положении в нем оставался все же традиционный подход, корректировавшийся методами и формами ислама.

Например, все описания быта адыгов первой половины XIX в. подчеркивали отличие положения черкешенки от положения

[1] Мисроков З. Х. Указ. соч. – С. 98.

[2] Там же. – С. 105.

[3] Там же. – С. 105.

[4] Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. – С. 216.

восточной женщины. «Женщины у черкесов не так ограничены, как у других азиатов» – сообщал Г. -Ю. Клапрот[1]. По словам И. Ф. Бларамберга, «у черкесов женщины не находятся в таком заточении как у других азиатских народов»[2]. К. Кох утверждал, что «Женщины у черкесов не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях»[3]. Лишь во второй половине XIX в. положение стало меняться под влиянием шариатского движения в Кабарде и активной деятельности мусульманского духовенства[4].

Таким образом, несмотря на присоединение Кавказа к России и распространение российского законодательства на его территории, регулирование вопросов семейных отношений сохранялось за адатами и шариатом. Несмотря на разночтение некоторых законов, семейное право кавказских народов основывалось на патриархальных устоях главенства мужчины в семье, как по адату, так и по шариату. В целом адат и шариат, регулируя семейные вопросы, имущества и наследства в той или иной степени защищал права женщины. Однако в основе семейного права лежал принцип главенства мужчины в семье и личной подчиненности женщины. Положение женщин в северокавказских обществах определялось нормами обычного права, включавшего традиции, известные с глубокой древности, в которых вплетены элементы матриархата. Правовая культура народов Кавказа претерпела влияние византийских традиций, восточных и конечно исламских, то есть устоявшихся патриархальных со-

[1] Клапрот. Г. -Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. В кн. Сукунова Х. Х., Сукуновой И. Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. – С. 53.

[2] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Пер. с французского И. М. Назаровой. Нальчик, 1999. – С. 379.

[3] Кох. К. Путешествие по России и в Кавказские земли. В кн. Сукунова Х. Х., Сукуновой И. Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. – С. 69.

[4] Першиц А. И., Смирнова Я. С. Указ. соч. – С. 105.

циокультур. Поэтому, в глазах посторонних наблюдателей с европейской ментальностью, кавказская горянка, выглядевшая бесправным, забитым, усердно работающим при ничего не делающем муже существом, всегда знала себе настоящую цену. Сами горянки воспринимали себя и свою миссию в жизни иначе и были полны собственного достоинства. Кавказское общество всегда высоко ценило женщину – мать, жену, верную семейным ценностям и являвшуюся их хранительницей.

Б. Г. Марчанукова,
Черкесск

К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИЯХ В 30-Е ГОДЫ XX В.

В условия гласности и демократизации нашей общественной жизни происходит революция сознания, показателем которой является возросший интерес к прошлому Отечества. Стремление достоверно, глубоко изучить и осмыслить историю своей страны, не только достигнутые успехи, но и драматические испытания в судьбах людей, задача трудная, но выполнимая. Желание ликвидировать «белые пятна» в истории страны, одна из тем, вызывающих в последние десятилетия большой интерес у отечественных историков. Интересующий нас период времени 30-е годы XX в. – один из трагических периодов в жизни советского крестьянства. Это время бурных и противоречивых общественно-политических процессов в нашей стране, время проведения широкомасштабной репрессивной политики в ходе коллективизации, раскулачивания. Известные ученые В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий и др. в своих работах признали коллективизацию насильственной и принудительной, а ликвидацию кулачества – трагическим актом раскрестьянивания. В работе Ю. И. Стецовского в 2-х томах «История советских репрессий» показаны масштабы, методы репрессий.

К концу 20-х – началу 30-х годов XX в. социалистическое преобразование сельского хозяйства на основе коренной технической реконструкции, подъем общей культуры деревни было равноценно подлинной культурной революции. Хозяйствование на клочках земли с помощью примитивных орудий труда обрекало крестьян

на тяжкий труд. Низкий уровень сельского хозяйства сдерживал общее развитие экономики страны, тормозил дальнейшее строительство социализма, в связи с чем возникла необходимость в ускорении развития всех отраслей народного хозяйства. Но эта необходимость не требовала проведения сплошной коллективизации любыми способами. Никакие объективные причины не могут оправдать того насилия над крестьянством во время раскулачивания и коллективизации.

На XV съезде ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 г. речь шла о задаче постепенного перехода к коллективной обработке земли. Съезд не устанавливал сроков такого перехода.

Съезд также вынес решение о переходе к политике наступления на кулачество, имея в виду «последовательное ограничение эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытеснение экономическими методами, а не методами разорения или принудительной ликвидации»[1]. В целом XV съезд ВКП(б) не был съездом коллективизации сельского хозяйства страны. Здесь решались вопросы социально-экономического развития страны в целом.

Кризис хлебозаготовок в конце 1927 года создал угрозу планам промышленного строительства, осложнял экономическое положение, обострял социальные конфликты в городах и деревнях. К началу 1928 г. обстановка стала осложняться и требовала взвешенного подхода. Но партийное руководство страны не приняло ленинских принципов по отношению к крестьянству как союзнику рабочего класса в строительстве социализма. И. В. Сталиным подписаны директивы с угрозами в адрес партийных руководителей и требованием «поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии…, и что в практической работе в деревне отныне делается ударение

[1] Данилов В. П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества. М. : Изд-во политической лит-ры, 1989. – С. 229.

на задаче борьбы с кулацкой опасностью»[1]. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским закромам, привлечение к суду не только за спекулятивные хлебные запасы, но и за умеренные излишки в середняцких хозяйствах. Забирали с/х инвентарь. Волна недовольства прокатилась по стране. Нарушение законов, насилие вызывали открытый протест крестьян, вплоть до восстаний. «Крестьянство насмерть стояло за свою собственность. Особенно яростная борьба шла в хлеборобных районах юга – на Кубани, в Ставропольском округе, на Украине, Северном Кавказе. Восстания, волнения, антиколхозные крестьянские собрания отмечены по всей стране, особенно в феврале – марте. С 1 января по 15 апреля ОГПУ сообщало руководству страны о 27 «кулацких восстаниях» с числом участников около 25 тыс. человек, о борьбе с так называемыми бандформированиями. Осенний доклад секретного отдела ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестану, донесения о положении в Чечне, Карачаево-Черкесии, Закавказье напоминают фронтовые сводки. Основная линия борьбы – разгром советских учреждений, грабежи, взятие заложников, террор, взрывы на железных дорогах, мостах. Повстанцы, в их числе середняки и бедняки, недовольные коллективизацией, уходили в леса и горы, формировали полки, взводы, группы со своими «штабами», «главкомами», создавали оружейные мастерские, продовольственные базы и т. п. [2]

На пленумах ЦК ВКП(б), проходивших в апреле – июле 1928 г. рассматривался вопрос о происхождении кризиса хлебозаготовки. Для партийного руководства кризис объяснялся выступлением кулачества против Советской власти и их уничтожение считалось первостепенной задачей. Н. И. Бухарин настаивал «на совершенствовании работы партии и государства, на осуществлении индустриализации страны и социологического кооперирования сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъектив-

[1] Там же. – С. 231.

[2] 1930: год «Коренного перелома» и начало Большого террора//Вопросы истории. 2008, №9. – С. 53.

ных условий»[1]. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков представляли ленинский план развития социализма, суть которого заключалась в союзе рабочего класса и крестьянства, исключая применения насилия против жителей деревни. Их предложение отказаться «от чрезвычайных мер, сохранение курса на подъем крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб»[2] были отвергнуты руководством страны, видевшим в том поддержку кулачеству. Такому решению проблемы был противопоставлен перевод сельского хозяйства на путь крупного общественного производства, который решит хлебный кризис в самые короткие сроки, а также ликвидация кулачества как класса.

Руководители парторганизации некоторых регионов страны, в том числе и Северного Кавказа, стали брать «обязательства по проведению коллективизации за год-полтора, к лету 1931 г. »[3]. В своем выступлении В. М. Молотов утверждал, что он не сомневается в том, что к лету 1930 г. на Северном Кавказе коллективизация сельского хозяйства завершится[4]. 27 ноября 1929 года Северокавказский крайком партии принял решение о проведении массовой коллективизации в крае, с тем чтобы закончить ее в зерновых районах к лету 1933 года[5].

5 января 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», где предлагалось разграничить зерновые районы на две зоны по срокам завершения коллективизации. По решению партии, сроки были резко сокращены. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были завершить коллективизацию «осенью 1930 г. и в крайнем случае – весной 1931 г., а остальные районы – осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г. »[6].

[1] Данилов В. П. Указ. раб. – С. 232–233.
[2] Там же. – С. 233.
[3] Там же. – С. 235.
[4] Там же.
[5] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том II. – Черкесск, 1972. – С. 131.
[6] Данилов В. П. Указ. раб. – С. 236.

О переходе к политике ликвидации кулачества как класса Сталин объявил 27 декабря 1929 г. на научной конференции аграрников – марксистов. Специальная комиссия во главе с В. М. Молотовым разработала способы осуществления этой политики. 30 января 1930 г. Политбюро утвердило Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором предписывалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов; хозяйственные постройки и имущество передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации»[1]. Крестьян принуждали к вступлению в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, прекращению снабжения дефицитными товарами. В число кулаков и подкулачников попадали середняки, а нередко и бедняки, что обостряло обстановку в деревнях и селах. Раскулачиваемые делились на три категории: 1. участники антисоветских, антиколхозных выступлений; они подлежали аресту, а в дальнейшем суду, а их семьи – выселению в отдаленные районы; 2. крупные кулаки и помещики, активно выступающие против коллективизации; их с семьями выселяли в отдаленные районы; 3. остальная часть кулачества; их расселяли специальными поселками в пределах районов прежнего своего проживания[2].

Формально депортация крестьян могла считаться ссылкой, так как раскулаченные доставлялись принудительным путем в конкретные районы на поселение под надзор карательных органов без права выезда. В связи с тем, что крестьяне ссылались целыми семьями и не были определены сроки их пребывания на поселении, «требовалось законодательно оформить такую кара-

[1] Там же. – С. 242.
[2] Там же.

тельную практику соединения бессрочной ссылки на поселение с принудительными работами»[1]. Выход был найден с середины 1930 г., когда «депортацию стали называть спецпереселением, а высланных кулаков второй категории – спецпереселенцами»[2]. Так как спецпереселение не считалось по закону карательной акцией, оно стало квалифицироваться «как особая форма переселения с применением для раскулаченных ряда правовых ограничений»[3]. Трагедия спецпереселенцев состояла в том, что они формально не считались репрессированными и не лишались вроде бы свободы, но фактически они, утратив гражданское право и право на передвижение, являлись таковыми.

Для жителей Черкесской автономной области – абазин и черкесов – 17 апреля 1933 года местом ссылки стал Васисский (ныне Тарский) район Омской области, трудноосваиваемый район Восточной Сибири. До Омска их везли в товарных вагонах. На станциях им приходилось выпрашивать кипяток, еду. От Омска до Пологрудово (400 км) их везли на баржах. Долго им пришлось жить на берегу реки Иртыш в шалашах, пока не подыскали постоянное место проживания. От Пологрудово спецпереселенцев на подводах повезли вглубь тайги. «Место, выбранное для постоянного проживания, располагалось на бугре в лесу, а ниже в пойме среди болот протекала речка. Чтобы добраться до бугра, через болото была проложена гать, засыпанная землей. Не было никакого жилья. Первое время людям приходилось жить в шалашах. Всех работоспособных заставляли раскорчевывать близлежащие леса с помощью лопаты, лома. Люди, объединившись в группы, с помощью длинной веревки, как бурлаки, тянули деревья с корневищем. Так, больные, голодные, съедаемые гнусом, непривычные к суровому климату Сибири, ссыльные абазины и черкесы раскорчевывали тайгу под будущие поля, заготавливали лес для постройки жилья для себя, – вспоминает Г. Аргунов, который свое детство провел в далекой Сибири, вместе со своими родственниками. – От недоедания, непосильного труда и разных болезней люди стали погибать. Многие пытались убежать, но редко кому удавался побег. Устраивали облаву на дорогах, в лесу, на переправах. Пойманных отправляли в гиблое место «Кулай», куда вела всего одна дорога через болото, которая охранялась»[1]. Отец и дед Г. Аргунова были арестованы. Деда и его старшего сына расстреляли якобы за антисоветскую пропаганду в 1933 году. Отца осудили на 8 лет за неуплату налога. Мать умерла в Сибири, не прожив и месяца после переселения. Не вынесли ссылки бабушка, племянница, мачеха Галима Аргунова.

По некоторым сведениям и воспоминаниям самих переселенцев, были образованы два поселения недалеко друг от друга. Как рассказала Галина Тлисова (Лахова), выходцы из аулов Бесленей, Вако-Жиле, Старокувинск, Эрсакон и Апсуа жили в поселении, которое было названо Лаховское в честь ее дедушки Аслан–Герея Лахова, другое поселение назвали Средний Имшегал, там жили выходцы из аулов Эльбурган, Зеюко, Кош-Хабль, Малый-Зеленчук, Псаучье-Дахе, Псыж, Кубина, Кара-Паго. Из переселенцев был создан колхоз под названием «Красный Черкес»[2].

Под видом раскулачивания под корень уничтожалась духовная и интеллектуальная элита народов. Среди переселенцев было «более десятка служителей культа, совершивших паломничество в Мекку, получивших высшее духовное образование, а также лучшие сказители, просвещенные люди»[3].

Спецпереселенцы в 1937 году подверглись вторичной репрессии, якобы за принадлежность троцкистской организации.

[1] Красильников С. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. – С. 118.

[2] Там же.

[3] Там же.

[1] Аргунов Г. Сломанное детство. Черкесск, 2012. – С. 9.

[2] Информатор: Тлисова (Лахова) Галина Январбиевна, 1948, село Средний Имшегал, Васисский район, Омская область.

[3] История села Средний Имшегал. Спецпоселение абазин и черкесов. – Научное общ-во «Поиск», 2004.

«Мне удалось позже узнать из различных источников, что из наших переселенцев было арестовано 29 человек, в том числе и 4 женщины. По решению тройки, из числа арестованных в городе Таре Омской обрасти, в 1937 г. было расстреляно 10 человек, остальные были осуждены на различные сроки заключения», – пишет в своих воспоминаниях Г. Аргунов[1].

Начало Великой Отечественной войны совпало с открытием начальной школы для детей спецпереселенцев. В 1942 году на действующий фронт забрали все молодое население, достигшее 18 лет, а в 1943 году забрали всех мужчин призывного возраста. И они воевали достойно, защищая Родину.

Только в 1950 г. абазины и черкесы получили право вернуться на свою малую Родину.

Нельзя отрицать ни объективных трудностей, ни грубых ошибок местных работников, которые слишком усердно «проявляли инициативу», прибегали к необоснованным угрозам, прямому насилию[2], в силу чего пострадали целые народы. Политическое руководство того времени сыграло свою роль «в войне не на жизнь, а на смерть кулаку, и в конце концов снести его с лица земли»[3]. Но эта война унесла жизнь многих невинных людей, стариков, детей, женщин. 30-е годы XX вошли в историю страны не только как, годы раскулачивания, но и громких политических репрессий. Хочется думать, что в жизни народов России будет только мирное сосуществование всех людей, независимо от национальности, и не будет больше таких тяжелых испытаний, которые выпали на долю спецпереселенцев.

Правдивый анализ уроков прошлого, возможно, поможет решить сегодняшние проблемы в сельском хозяйстве. Главное – вернуть крестьянину положение хозяина земли, пробудить чувство любви к ней, а также уверенность в завтрашнем дне. Меры социального развития деревни, различные формы подряда, аренды призваны обеспечить успех в решении этих задач.

[1] Аргунов Г. Указ. раб. – С. 14.
[2] Данилов В. П. Указ. раб. – С. 242.
[3] Там же.

Е. С. Носачёва,
СКФУ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО НА КАВКАЗЕ В XIX В.

Зарождение театрального искусства на Северном Кавказе тесно связано с историей города Ставрополя, являющегося политическим, экономическим и культурным центром региона. Театральные заведения играли важную роль в социокультурной жизни города, отражали достаточно высокий уровень духовности и эстетического воспитания его жителей. Культурная жизнь г. Ставрополя всегда была достаточно активной, что во многом объяснялось статусом города. В то время путь на Кавказ проходил через г. Ставрополь. Здесь останавливались и творили выдающиеся представители творческой интеллигенции А. Одоевский, А. Бестужев-Марлинский, Л. Толстой, А. Пушкин, М. Лермонтов, К. Хетагуров, Н. Ярошенко. Сюда ссылали декабристов и участников различных общественных выступлений и восстаний. По воспоминаниям декабриста А. Беляева, прибывшего в Ставрополь в 1840 г., «в Кавказской области можно было видеть цвет петербургского военного общества»[1]. Кроме того, в городе был расположен Кавказский корпус, куда прибывали после окончания военных кампаний офицеры действующей армии.

Прибытие на Кавказ офицеров-дворян и представителей интеллигенции, людей прогрессивных взглядов способствовало культурному развитию города Ставрополя, постепенно, с течением времени влияние это ощущалось все сильнее. Наличие большого числа

[1] Поздняева З. М. Театр и время. Ставрополь, 2002. – С. 13

военных, влекло за собой необходимость создания определенных условий, отвечающих привычному для них образу жизни. В городе наличие салонных вечеров для удовлетворения увеселительных потребностей общества такого состава уже было недостаточно. Рождалась и здоровая конкуренция в создании условий культурно-развлекательного времяпрепровождения жителей города.

Первые попытки создания профессионального театра, который изначально воспринимался как клубно-развлекательное место в г. Ставрополе относятся к 30-м гг. XIX в. Коллежский регистратор Илья Ковтулов занялся устройством театральных постановок, для чего заключил контракт с подпоручиком Матвеем Бабиным на аренду части его дома[1]. Владелец Бабиной рощи М. Бабин имел на ее территории добротный дом, в котором и было основано первое театральное заведение города. Вскоре дом был переоборудован под водочный завод и Ковтулов вынужден был искать новое помещение. Заняв денег у своего знакомого Виноградского на оплату аренды за «сарай-театр» и на реквизит, Ковтулов решил обустроить под театр новое помещение. Желание нажиться на новом предприятии было у обоих вкладчиков в театральное дело столь высоко, что привело к их ссоре и срыву первого же спектакля[2]. Театр со всем имуществом был продан с торгов, а антрепренер разорился и попал в долговую тюрьму.

Вновь к идее создания театра вернулись в начале 1840-х гг. За десять лет изменился и сам город, на развитие которого повлияло посещение его императором Николаем I в 1837 году. Ставрополь стал заметно выделяться своим экономическим уровнем, военно-административным статусом. Для культурной доминанты были сформированы уже все условия. Мерилом уровня социального и духовного развития провинциального города тех лет выступало наличие в нем театра.

[1] Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого Ставрополя. Ставрополь: Изд-во Снег, 2007. – С. 195.

[2] Поздняева З. М. Театр и время. Ставрополь, 2002. – С. 13.

В 1841 г. в г. Ставрополе появился приезжий антрепренер, отставной губернский секретарь Григорий Яценко. Сам он был далек от искусства, петербургский театральный журнал «Репертуар и Пантеон» оценивая его писал: «Яценко человек без всякого образования, не имеет начальных понятий об искусстве, не одарен тонким вкусом, столь необходимым антрепренеру, и не старается не только уничтожить, но даже уменьшить личные недостатки»[1]. Но именно Григорий Яценко начал формировать для Ставрополя профессиональную труппу, собирая актеров по всей России.

Первые представления прошли в здании, построенном иностранным купцом Адольфом Блюмом. Помещение театра, по свидетельству современников, во многом напоминало «лубочный балаган»[2]. Это был деревянный дом, на каменном фундаменте, крытый железом. Стены были из тонкого леса и не имели прочного основания[3]. Помещение театра было длинное, узкое с двумя ярусами лож и 185 креслами, не считая портера и галереи. Несмотря на эти неудобства, первые представления шли с успехом. Публика, давно мечтавшая о своем театре, охотно шла на премьеры: «Разбойники», «Коварство и любовь» Шиллера, «Отелло» Шекспира, «Фрегат Надежды» Писарева и др. Основной репертуар театра в первый театральный сезон 1843-1844 гг. состоял из 31 драмы и трагедии, 108 водевилей и комедий[4]. Добавочный репертуар включал еще 46 драм и трагедий, 22 водевилей и 8 комедий[5]. Из представленного репертуара 7 пьес было запрещено цензурой[6].

Изначально, когда театр в Ставрополе был «в диковинку», зрители охотно его посещали, и большинство из них с восторгом

[1] Цит. по: Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого Ставрополя. Ставрополь: Изд-во Снег, 2007. – С. 195-196.

[2] Ставрополь в географическом, историческом, топографическом, статистическом отношении // Кавказский календарь. Тифлис, 1854.

[3] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2962. Л. 4-6.

[4] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2219. Л. 4-8.

[5] Там же. Л. 23-25.

[6] Там же. Л. 8-9.

принимало спектакли. Но, поскольку в число ставропольской публики входило достаточно много людей, прибывших на Кавказ из столицы и крупных российских городов, безусловно, имевших возможность сравнения столичных постановок со спектаклями ставропольского театра, недостатки ставропольских постановок очень быстро стали бросаться в глаза, и количество желающих посещать театр стало уменьшаться. Первопричиной тому явился непрофессионализм, как труппы, так и антрепренера[1]. Судьба этого театра была печальной, деревянные постройки загорелись во время случайного пожара.

Желание горожан иметь свой профессиональный театр побудило в 1943 г. купца первой гильдии Ивана Гониловского построить новое здание для достойного размещения в нем городского театра. Каменное здание для театра было возведено в 1845 г. по проекту ставропольского архитектора Г. Л. Ткаченко. Ко времени завершения строительства здания была утверждена и театральная дирекция. Она ведала набором актеров, организационными и хозяйственными делами театра, а также взяла на себя часть расходов по содержанию помещения театра. Новая театральная труппа была небольшая: кроме актеров (не более 30 человек), в нее входили 3 капельдинера, машинист, декоратор и дирижер[2].

Несмотря на поддержку со стороны театральной дирекции, арендная плата (3 тыс. руб. серебром в год), которую должен был платить антрепренер за наем нового здания, оказалась слишком высокой, и он обратился к ставропольскому губернатору с прошением о выезде со своей труппой в г. Тифлис. Ранее антрепренер «вольного театра» Г. Яценко ходатайствовал перед князем А. Чавчавадзе о разрешении прибыть ему с труппой русских актеров в Тифлис для открытия постоянного театра. Это представление было одобрено и Наместником Кавказа князем М. С. Воронцовым. В письме от 8 февраля 1845 г. к директору императорских театров

[1] Поздняева З. М. Театр и время. Ставрополь, 2002. – С. 15.
[2] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3266. Л. 35-36, 18,9.

Гедеонову князь писал: «С самого прибытия моего в Тифлис, я обратил внимание на недостаток в нем театра. И считая утверждение одного здесь не только не лишним, но и во многих отношениях крайне полезным, и приказал войти в сношение с находящеюся тогда небольшой русской труппою в Ставрополе, которая и была, потом сюда приглашена…»[1]. Решаясь на переезд, Г. Яценко предполагал давать в Тифлисе представления в течение всего года, кроме периода с 15 июля по 1 сентября. На это время он планировал выезды с труппой в Ставрополь или Пятигорск. Театрального здания в Тифлисе не было и князь М. С. Воронцов для временного размещения театра приказал «отвести манеж при своем доме» и выдать Яценко на устройство в манеже театра «заимообратно» 1900 рублей серебром и 1000 рублей для перевозки актеров и декораций из Ставрополя в Тифлис[2]. В апреле 1845 г. с Г. П. Яценко был заключен контракт на 3 года. Однако решение о переезде антрепренер принял самостоятельно, не посоветовавшись с труппой, и в результате переезжать в Тифлис согласились только 4 актера[3]. Для управления театральной труппой была учреждена дирекция. В совет директоров театра вошел генерал-лейтенант русской армии, выдающийся грузинский поэт и общественный деятель князь Александр Чавчавадзе, дочь которого Нино была женой Грибоедова.

После отъезда Г. Яценко, актер и режиссер И. Х. Дрейсинг совместно с Петровым, организовал в г. Ставрополе новую труппу из оставшихся актеров. В нее вошли: Рязанцев, Громов, Наседкин, Фролов, Лихинский, Дрейсинг[4]. Сам антрепренер отличался не только организационными способностями, но и актерским талантом, старанием, все роли он доводил до совершенства. Из актрис

[1] Цит. по: Прозрителев Г. Н. К истории Ставропольского и Тифлисского театра // Труды ставропольской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 11. – С. 60.
[2] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3266. Л. 13-14.
[3] Там же. Л. 20.
[4] Там же. Л 46-47

наиболее отличалась игрой Петрова: «рост, голос, благородная манера – все соответствует игре госпожи Петровой», писал журнал «Репертуар и Пантеон»[1]. С марта 1845 г. в ставропольском театре стала постоянно давать спектакли труппа Дрейсинга и эта дата считается основанием первого профессионального театра на Северном Кавказе. Театральная труппа «находилась под ведением гражданского губернатора и под управлением избранных лиц, которым вменено в обязанность, смотреть за театром, за актерами и вести все расходы»[2].

В Тифлисе городские власти не оставляли идею создания профессионального театра. «Мы здесь недавно построили небольшой театр и пригласили труппу из Ставрополя. Желая и теперь иметь что-нибудь лучшее, я отнесся к директору императорских театров Гедеонову, с просьбой о содействии его в этом деле и присылки нам сюда небольшой русской группы»[3]. Параллельно велась переписка ставропольских и тифлисских чиновников, рассматривались варианты работы одной труппы в двух городах, соединение труппы Дрейсинга и Яценко, но актеры решительно отказались от соединения. Результатом этой переписки стало согласие И. Х. Дрейсинга прибыть со своей труппою в Тифлис для театральных представлений с 1 сентября 1845 г. по 8 января 1846 г. Сезон в манежном театре был открыт 20 сентября 1845 г. комедией С. Соловьева в одном действии «Что имеем, не храним, потерявши плачем» и водевилем Д. Ленского (переделка с французского) в двух действиях «Стряпчий под столом». С этой даты началась в Тифлисе история русского драматического театра, который сегодня носит имя Грибоедова.

После отъезда из Ставрополя труппы Г. Яценко Ставропольскому театру Наместник Кавказа назначил ежегодное пособие в 1200 руб. серебром. С 1846 по 1849 гг. на сцене театра выступала труппа, возглавляемая комиком Карлом Михайловичем Зелинским. В составе труппы были известные актеры: трагик Н. Х. Рыбаков, комик А. А. Алексеев, актриса П. Г. Рыбакова и др.

Для самих городских жителей провинциальный театр оставался своеобразным клубом, местом, где встречались представители разных сословий. Торговый люд охотно шёл в театр за развлечением: «Ярмарочная публика здесь, как и везде, любит скоморошество …зрители глядят по верхам, толкуют о товарах, модах, рысаках»[1]. Это было место общения, общения с героями пьес, чья жизнь расширяла рамки собственной жизни зрителя, дарило встречи с любимыми актерами.

К концу XIX столетия драматические театры в г. Ставрополе и г. Тифлисе стали известны на всю Россию.

---

[1] Возобновленный Ставропольский театр. Театральная летопись. Русские театры // Репертуар и Пантеон. С. 140-142.

[2] СГКМ. Ф. 133. Д. 1. Л. 12.

[3] Цит. по: Прозрителев Г. Н. К истории Ставропольского и Тифлисского театра // Северокавказская газета. 1908, №266. – С. 2.

[1] Цит. по: Поздняева З. М. Театр и время. Ставрополь, 2002. – С. 22

К. Н. Паранук,
Майкоп

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТЕМЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ XIX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ АДЫГЕЙСКОЙ ПРОЗЕ

Тема Кавказской войны XIX века получила широкое отображение в северокавказской литературе, в том числе и адыгейской. Известные адыгейские писатели И. Машбаш, Ю. Чуяко, Н. Куек и другие не раз обращались к этой теме для более глобального и глубокого осмысления исторических событий XIX в., имевших широкий резонанс и последствия во всех сферах общественной и социально-политической жизни народов Северного Кавказа. Их референции к данной тематике осуществляются в контексте духовно-нравственных поисков современности и носят новаторский характер.

Таков роман Юнуса Чуяко «Сказание о Железном Волке» (1993), в котором автор с поразительной искренностью и открытостью заговорил о прошлой истории, Кавказской войне XIX века. Опора на народное мироощущение позволила автору найти позитивные точки соприкосновения в такой важной проблеме, как Восток – Запад, Россия – Адыгея, прошлое – настоящее. Недаром в предисловии к книге выдающийся русский писатель Валентин Распутин пишет: «Жанровое обозначение – роман – здесь условно; это страстная песнь своему народу, страстная любовь к нему и страстная тревога за его дальнейшую судьбу. Не помню, чтобы мне приходилось читать более «национальную» книгу, т. е. обращенную в себя, в свои природные и духовные начала, в свое родословие...».

Миф о Железном Волке, давший название роману, имеет концептуальное значение для выражения его философской идеи. Миф позволяет соединить настоящее и прошлое. Широкое эпическое повествование о жизни, быте, нравах адыгов, данное в просторном многоплановом контексте современного бытия России, содержит в себе широкие экскурсы в прошлое, историю адыгов, раскрывает непростые взаимоотношения России и Кавказа. Весьма значимо, что для объективного воспроизведения исторического прошлого автор привлекает достоверные исторические документы: «Перед национальной катастрофой. Приезд царя Александра II к абадзехам» и «Даховский отряд на Южном склоне Кавказских гор в 1864 году».

Как верно подметил один из читателей романа Ю. Чуяко: «В едином времени романа слились и как отдельные течения живут три потока – закончившаяся ровно 130 лет назад Кавказская война и то, что было до нее и после. Как в археологическом разрезе единым взглядом можно охватить следы – пласты прошедших столетий, так и в едином пространстве романа одновременно продирается в 1864 году по южным склонам Кавказа Даховский отряд, кузнец Урусбий кует шашки, изрубившие егерей «Зеленой розы» в атаке под Кущевкой в 1942 году, кует так, как ковали кольчуги лежащие в кургане предки – Челестенов и Мазлоков, как ковал первый нарт кузнец – Тлепш; выезжает на поляну перед селением Хамкеты Государь Император Александр II, и выходят ему навстречу старшины абадзехов, решать по законам войны и чести будущую судьбу народов; сражаются достойные соперники – гордые горцы и не годный для парадов цвет русской армии – солдаты и казаки Отдельного Кавказского корпуса»[1].

Через историю семьи Мазлоковых на протяжении трех поколений: Хаджекыз – Бирам – Сэт писатель ведет широкое эпическое повествование о своем народе, его прошлом, настоящем и

[1] Гавриляченко С. Живо кузнечество! / С. Гавриляченко // Космос «Железного Волка» или Панцирь кузнечика. – Майкоп, 2001. – С. 12-15.

будущем, о нравственно-эстетических парадигмах национального духа. И при этом тема Кавказской войны XIX века становится структурным и семантическим ядром для воплощения авторского замысла и выражения идеи романа.

Поэт, прозаик, драматург и публицист Нальбий Куек является одним из ярких глубоких и самобытных авторов, чьи творческие поиски в осмыслении темы Кавказской войны XIX в. носят весьма плодотворный и значительный характер. В его прозе одним из первых обращений к данной теме был рассказ «Мать абадзехов», в основе которого лежит народное предание об абадзехской женщине, потерявшей на войне всех своих сыновей и мужа. Н. Куек скупыми, но емкими фразами ведет суровое реалистическое повествование о трагической участи героини, в образе которой типизированы черты многих адыгских женщин, терявших в бесконечных войнах всех мужчин в семье.

Героиня рассказа Амдехан также проводила мужа и семерых своих сыновей на войну для защиты родной земли, но никто из них не вернулся живым. Сцена прощания Амдехан с мужем и сыновьями на кладбище потрясает, хотя выписана автором лапидарно, без единого лишнего слова и признаков экспрессии. Автор не описывает ни эмоций, ни внутреннего состояния женщины, на которую навалилось страшное, непомерное горе, он лишь фиксирует ход событий, череду внешних фактов подобно самому бесстрастному летописцу. Амдехан не пролила ни единой слезинки, «ей ни разу не изменил голос», она лишь попросила, вопреки правилам этикета, позволения проститься на кладбище с погибшими. Согласно этикету не проронив ни одного лишнего слова, не выплакав своего горя, Амдехан покидает кладбище «следом за солнцем, уходящим за горизонт». А вечером в одном из хачещев (гостиной) аула зазвучала мелодия песни о «матери абадзехов», похоронившей всех своих сыновей-героев. Но, как поясняет автор, «Амдехан эту песню уже не услышала». Рассказ, выполненный в духе и стиле народно-эпической традиции, вскрыл потаенные

возможности народного адыгейского языка и стал несомненной творческой удачей автора.

В романе «Вино мертвых» (2002) Н. Куек вновь обращается к этой теме. Этот роман, состоящий из 17 самостоятельных новелл, повествует об истории адыгов на протяжении всех веков существования на земле. В новелле «Русский офицер» выводится образ адыгейки Гошевнай, вынужденной выхаживать раненого русского офицера, вползшего в ее дом в поисках спасения. И несмотря на то, что незадолго до этого офицер ранил смертельно ее сына, Гошевнай, повинуясь чувству долга и адыгскому этикету о законе гостеприимства, ухаживает за раненым, дает пищу и кров нежеланному гостю. Автор виртуозно, с большим психологическим мастерством изображает внутренние переживания, борение чувств в душе женщины, вынужденной дать кров и пищу своему смертельному врагу, напавшему на родной аул, лишившему жизни многих ее аульчан, в том числе и ее сына Четава. Развязка фабулы рассказа, в которой поправившийся офицер покидает дом врага, исцеленный и наполненный чувством благодарности и восхищения перед благородством его хозяев, маркирует высокий духовно-нравственный накал повествования.

В повести «Черная гора» (1997 г.), Н. Куек осуществляет еще более глубокую и полномасштабную разработку темы Кавказской войны XIX в. Автор в предисловии к книге пишет: «Эта повесть – попытка осмыслить Зло и понять, что можно противопоставить ему. Я думаю о народе, к которому принадлежу, я его сын и его родитель, хочу понять его. Поэтому попытался оглянуться назад и почувствовать его в страшное, может быть, самое трагическое для него время. Мне показалось: что-то я почувствовал. И вот – захотелось рассказать об этом»[1].

И далее следует взволнованное повествование об одном из самых трагических и переломных периодов адыгской истории, когда адыги, как этнос оказались на грани полного исчезновения

[1] Куек Н. Ю. Черная гора / Н. Ю. Куек. Майкоп, 1997. – С. 3–4.

с лица земли. О том, что повесть писалась через боль и душевные муки, свидетельствует каждая строка маленькой по объему, но удивительно емкой и глубокой по содержанию повести.

В повести художественное исследование вечной философской дилеммы «добро и зло» ведется в двух аспектах: общем, абстрактно-философском истолковании, и конкретном, художественном изображении событий через призму Кавказской войны XIX века. Н. Куек обращается к поэтике и онтологии мифа, чтобы осуществить эту художественную ретроспекцию, наделить абстрактные философские категории плотью, мыслью, духом и «проецировать их на человеческую жизнь, на бытие своего народа.

«Черная гора» характеризуется новаторскими жанрово-стилевыми решениями, авторская контаминация реалистического и мифологического начал приводит к образованию сложнейшей многоплановой, многоуровневой структуры произведения, в котором живут и действуют герои, живущие в двух одновременно мирах: реальном трехмерном физическом мире и ирреальном, вне времени и пространства.

Главный герой повести, шестнадцатилетний юноша Нешар наделен сверхъестественными способностями. Он, подобно метафизическим героям, «течет с водой» и «летит с ветром», может пребывать одновременно в нескольких планах (реальном и ирреальном), понимать язык растений и животных, ощущать мысли и чувства других людей, перемещаться свободно во времени, постигать прошлое.

Сложное, драматическое повествование событий начинается с самого трагического периода Кавказской войны XIX в., когда захватническая политика царизма превращала адыгские аулы в пепелища, и шло вынужденное массовое переселение адыгов в Турцию в поисках земли обетованной. Нешар (в переводе с адыг. – «слепой») тоже вознамерился отправиться через море в Турцию, но, проходя через родные земли, где некогда процветали адыгские аулы, видит лишь «кровь, плач, трупы, черные деревья, черное небо».

Одна за другой чередуются картины, рисующие страшные по своей бесчеловечности последствия торжествующего зла: скинутые в яму и сожженные заживо дети, посаженные на колья головы, убитые старики, беременные женщины с разрезанным чревом и т. д. Врезается в память образ черкеса, не захотевшего вместе с другими покидать родную землю, и попросившего привязать себя к дереву на обрыве над морем. Он, глядя вслед землякам, уплывающим через море на чужбину, постепенно врастает костьми груди в ствол дерева, чтобы лет через двадцать слиться с ним и стать вечным, поющим песню о страданиях человека.

Ошеломленный от всего увиденного, герой повести Нешар теряет способность адекватно реагировать на происходящее, он становится глух и слеп – сердцем. Н. Куек описывает путь Нешара к морю через пепелища, смещая временные и пространственные пласты, чередуя миф и реальность, конкретные образы (Нешар, Нарыч, Мазаг) и символы (Черная гора, Чудище, Одинокий всадник). Для выражения философской идеи повести весьма значимой является встреча Нешара с двухсотлетним старцем Мазаом, воплощающим мудрость народа, его многовековой опыт. Мазаг с самого рождения следил за юношей, который, по его мнению, мог «стать новым семенем для всего народа», поэтому недопустимо, чтобы и он покинул родную землю. Напутствия, которые старец дает юному герою, весьма важны для понимания философской идеи повести, выражения гуманистической позиции автора: «Верни себе свою землю, иди назад!», «Не привыкай к гневу, не ищи виноватого… Сеющий проклятие вселяет в свой разум зло»[1].

Наряду с реальным образом Зла, данным в конкретике жизненных проявлений, в повести присутствует и абстрактный обобщенно-символический образ Зла – Черная гора. Черная гора, давшая название повести – это мифо-метафорический образ, символ тотального зла, средоточием мирового зла, негативных сил, сотворенных, по словам автора, «не Богом, а самими людьми». Она

[1] Куек Н. Ю. Черная гора. – С. 11.

периодически встает на пути главных героев, испытывая их на мужество, стойкость, способность сопротивления злу. Как сопротивляться тени? Можно ли ее уничтожить? Что можно противопоставить Злу? – вот вопросы, на которые пытается ответить Н. Куек через образы Мазага, Нешара, Нарыча, девочки. Глубочайшие и напряженные рефлексии и мироощущения героев, пытающихся постичь смысл мироустройства, многоликость и неистребимость зла, составляют философское ядро повести. Писатель стремится передать через размышления своего героя потрясенное сознание обычного, естественного человека, до сих пор жившего в «согласии с солнцем и луной», и теперь пытающегося разобраться в мотивах действий завоевателей: «Что они ищут, чего хотят? Ходят лесом, сжигают дома, попадающиеся на пути, срубают посаженные человеком деревья, идут, не видя под собой ничего, видимо, Великий Бог не дал им постоянного места для жизни. Если кого-нибудь убьют, его кидают в наспех вырытую яму и засыпают землей и стреляют над могилой, не думая о том, что душа погибшего может витать над ними»[1].

Пробуждению героя, его духовному воскрешению способствует встреча Нешара с тремя солдатами и плененной ими семилетней девочкой, которая смогла сберечь свет души своей, несмотря на трагические перипетии судьбы, насилие и надругательства со стороны солдат-завоевателей. Именно она помогла Нешару прозреть сердцем, обрести внутренние силы для противостояния злу.

Финал повести, несмотря на внешнюю драматичность, кажется нам вполне определенным и оптимистичным: попытка Черной горы поглотить юных героев: Нешара и девочку, завершилась неожиданной метаморфозой, – она сама «забеременела» светом. То есть на языке символики это означает, что темная утроба Черной горы трансформировалась в свет. Говоря иначе, автор верует в свет (добро), который зарождается в муках. В актуализации этой

[1] Куек Н. Ю. Черная гора. – С. 90 – 91.

гуманистической позиции автора реализовался тот страстный его призыв, который звучал в предисловии к повести:

Приходящий – яви нам Душу.
Уходящий – оставь свой свет.

Таким образом, художественное исследование темы Кавказской войны XIX в. в современной адыгейской прозе носит глубокий и самобытный характер, имеет духовно-нравственное наполнение и реализуется на высоких гуманистических позициях, продолжающих лучшие традиции отечественной и мировой культуры.

М. Р. Аргун
Сухум

«КАВКАЗСКИЙ КАЛЕНДАРЬ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АБХАЗИИ

«Кавказский календарь» (КК), издававшийся ежегодно с 1845 по 1917 годы при Главном управлении Кавказского наместника, является одним из ценнейших справочных изданий по дореволюционному Кавказу и является важнейшим периодическим изданием, представляющим материалы по истории Кавказа, по его географии и этнографии. В нем собраны статистические, справочные и адресные сведения о Кавказском крае. В «Календаре» часто публиковались исследования по археологии, этнографии края, краткие биографии деятелей Кавказа, воспоминания участников кавказской войны. КК содержит ценные, часто уникальные сведения об Абхазии, но пока они использовались в недостаточной степени.

Этнодемографическая ситуация в Абхазии во второй половине XIX–нач. XX вв. является одной из областей, где сведения КК уникальны и могут стать одним из основных источников для исследователей. Одним из первых обратился к КК видный абхазский просветитель и общественный деятель, первый председатель Абхазского Народного Совета (1917 – 1918) С. П. Басария в своем учебнике «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» (1925).

В данном докладе рассматриваются издания КК с 1898г-по 1917г., (всего 21 номера). Нужно отметить, что в номерах 1898-05гг

повторяются данные посемейной переписи 1886 года, а в выпусках с 1901 г-1910г. приводятся статистические данные Всероссийской переписи 1897 года. Причем они публикуются в каждом номере. Однако что интересно с уточнением.

Новые сведения, которые не связаны с данными переписями, приводятся в КК за 1910 год, в I-ом части, где приводятся данные о количественном составе Абхазии за 1908 год. Новые сведения появляются в издании КК и в дальнейшем. Но следует, отметить в этих изданиях абхазы как отдельный объект статистики отсутствуют.

Первые сведение о данных посемейной переписи 1886 года приведены в выпусках КК за 1897-1898год. В данном выпуске дается классификация населения Абхазии по этническому признаку. Согласно этим сведениям абхазов было 58. 963 человек, из которых выделяли 30. 640 самурзаканцев. Мингрелы-лазы-3528, русские-1090, армяне-1090, греки-2149, грузин-62, евреи-9, имеритинцы-22, гурийцы-9, проч. народы-1305. Данная таблица встречается только в названном номере. [1] В последующих восьми выпусках КК с 1898 по 1905г. приводится таблица под названием «О пространстве и население Кавказского края» по данным посемейной переписи 1886 года. Согласно этой таблице, в Абхазии проживало-68773 человек.

В двух изданиях КК с 1898-1902года приводится таблица под названием «Распределение населения Кавказа, согласно этнологической классификации» на 1886 год. По ней численность абхазов составляла 60. 444 человек, из них в Кутаисской губернии-60. 432 человек, в Тифлисской-1 человек, Карской области-12 человек.[2]

По данным официальной Всероссийской переписи 1897 года, население Абхазии достигает 106. 179 человек. Информация Всероссийской переписи 1897 года о числе жителей в таблице «Пространство и население Кавказа» приведены из разных источников, в силу того, что по данным «однодневной» переписи 1897 года,

[1] Кавказский календарь – Тифлис, 1898. – С. 52-55.
[2] Кавказский календарь – Тифлис, 1092. – С. 42-43.

сведения о численности населения имеются только для городов и уездов, такие же сведения имеются и по данным полицейских участков. При этом по некоторым губерниям и областям эти сведения были новы и, следовательно, соответствовали действительному числу жителей. В двух изданиях КК за 1901,1902года общая численность населения Абхазии составляла 100. 498 человек. [1] В трех изданиях календаря за 1903, 1904,1905 года населения Абхазии достигает 105. 102 человек[2], а в изданиях КК за 1907 по 1908 г., 1910 (часть I)число жителей Абхазии увеличилось до 106. 179 человек. [3] Странным является, что в издание КК за 1912 год приведенная цифра, фигурировала в изданиях за 1903, 1904 и 1905 года. Т. е. 105. 102 человек. [4]

Что касается абхазов, по данным приводимым в издании КК за 1910-1911 года, на территории Кавказа проживало 72. 094 человек, из них 59. 469 человек в Кутаисской губернии, 12. 481 -в Кубанской области. [5]

Интересно, что в данных переписи 1886 года, сведение о наличие абхазов в Кубанской губернии не наблюдаются. При этом необходимо уточнить, что согласно первоисточнику приводимых сведении, а именно Всероссийской переписи 1897 года, количество абхазов в Абхазии состовляет-58. 7 человек. Как видно население Абхазии за 11 лет увеличилось почти вдвое 106. 179 чел., а количество самих абхазов уменьшилось на более чем 1 тыс. Из этого следует, что увеличение количественного состава населения произошло за счет пришлого элемента. Грузин и мингрелов- 25. 6 человек, русских-6. 0, армян-6. 5, греков-5. 4 человек.

Новые сведения о количестве населения в Сухумском округе, как уже отмечалось, встречаются в издании КК за 1910г. (часть- I),

[1] Кавказский календарь – Тифлис, 1901. – С. 34-37.
[2] Кавказский календарь – Тифлис, 1905. – С. 28-32.
[3] Кавказский календарь – Тифлис, 1910. – I – Ч. – С. 451-452.
[4] Кавказский календарь – Тифлис, 1912. – С. 250-251.
[5] Там же. – С. 246-246.

в котором приводятся данные на 1-ое января 1909г. На указанное время на территории Абхазии проживало 129. 653 чел. В указанном номере КК приводится этнический состав Сухумского округа без учета городского населения. В частности в названой таблице из абхазского населения отдельно были выделены Самурзаканцы и рассматривались как отдельный этнический массив. К 1908-му году абхазов было 73. 492 чел., из которых самурзаканцев-35. 516 чел. помимо них на территории данного округа проживали следующие этнические группы. Русские-2648, мингрелы-12371, армяне-7165, греки-4079, сваны-170, имеритинцы-218, малдоване-225, турки-677, немцы-642, латыши-139, болгары-235, гурийцы-35, эстонцы-242, гз-155. Таким образом, рост общего населения Абхазии происходит за счет непрекращающейся миграции представителей других народов в Абхазию. Согласно следующим изданием КК за 1910-17гг. просматривается следующая динамика роста населения в Абхазии: с 1908-1915гг. число жителей в Абхазии увеличилось на 80. 018чел. Так, если в 1910 году было 143. 268 чел., в 1911г. -167. 375, в 1912г. -181. 947, в 1913г. -189. 907,в 1914г. -198. 594, 1915г. -209. 671чел. Что касается абхазов, то данные о их количестве в разных источниках не идентичны.

Так по данным Л. Журда количество абхазов в Абхазии к 1910 г. проживало 85. 6, а по данным Ф. Ф. Павлекова-70тыс. К. Д. Мачавариани -83тыс. к 1913 году, у Ачугба Т. А. за 1917г. -91тыс. Эта же цифра фигурирует у С. Басариа, где она приводится как количество абхазов за 1914год. Что касается КК, то в издании за 1916 год размещена таблица, где проведена градация населении Абхазии за 1914 год по следующим этническим группам: русские, армяне, картвельцы, цыгане, евреи. К ним добавляются курды, горцы Кавказа, разные Азиатские народы, кроме самих абхазов. Согласно этой таблице, общая население Абхазии состовляло-198. 594 чел., из них Кавказских горцев-51. 281 чел., азиатские народы-63. 628, а в следующей таблице за 1915 год Кавказских горцев-399, азиатские народы-105. 775 чел. Что приводит к еще больше запутыва-

нию ситуации. Исходя из сопоставлении данных об этническом составе КК за 1908 год, данных выше названых авторов и Всесоюзной переписи 1926 года, можно заключить следующее:

1. В рассматриваемое время, самурзакнцы перестали фигурировать как единая этнодемографическая группа, чему способствовали ассимиляционные процессы.

2. В данных КК за 1914 год под горцами Кавказ подразумевались абхазы, чье количество без учета самурзаканцев(51. 281) сопоставимо с приведенными данными выше авторами и Всесоюзной переписью 1926 года(55. 918).

3. В названой таблице КК за 1914 год. самурзаканцы большей частью включены в графу разные Азиатские народности(63. 628) меньшое в градацию картвелы. Правда при этом остается открытым вопрос кого еще подразумевают под разные азиатские народности. Ибо такого кол-во персов и турок к тому времени в Абхазии не могло проживать. Так как к 1926 году ни персы ни турки в таблице Всесоюзной переписи даже не значились в отдельной графе.

4. Что касается таблицы за 1915 год, то абхазов перевели в категорию разные азиатские народы (105. 773). Можно предположить, что к тому времени еще некоторое количество самурзаканцев были записаны в категорию картвелов.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы, что за рассматриваемый период количество абхазов оставалось более или менее стабильным. При этом на этническую ситуацию в Абхазии не могли не оказывать существенного влияние ассимиляционные процессы и внешняя миграция в Абхазию.

Исходя из этого, можно предположить, что во Всесоюзной переписи 1926 г. количество абхазов (55. 918) приводится без учета самурзаканцев.

Таким образом КК является важным источником для изучения этнической истории Абхазии. Данное сообщение не претендует на полномасштабное освещение названого вопроса, а является всего лишь попыткой обратить внимание ученых на названный источник.

Е. А. Хошафян,
Ростов-на-Дону

АРМЯНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ДОНА И АБХАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Комплексное исследование армянских диаспорных сообществ является одой из актуальных задач современной науки, что определяется двумя объективными факторами. С одной стороны, современные армяне представляют уникальный пример фактически дисперсного этноса, который одновременно обладает собственной признанное государственностью. По социологическим данным 2005 года общая численность армянской диаспоры составляет приблизительно 10-12 миллионов человек, тогда как постоянной население самой Армении не превышает 3,5 миллионов. Подобный феномен требует всестороннего изучения не только в рамках компаративного изучения региональных типов диаспорных армян, но и в теоретическом измерении, связанном с последовательным формированием новых представлений об этнических границах и автохтонности. С другой стороны, армянская диаспора является одним из наиболее влиятельных международных этнических институтов, опирающимся на единую идентичность и серьезный социально-экономический фундамент. Соответствующее этническое лобби способно оказывать скрытое воздействие на политические решения, принимаемые конгрессом США, Национальным собранием Франции и немецким бундестагом, а потому традиционно привлекает пристальное внимание заинтересованных историков и политологов.

Применительно к данному форуму научная и практическая актуальность избранной темы не ограничивается указанными общими положениями, а имеет отдельное научное и социально-политическое измерение. Сложная и трагическая судьба армянского этноса необычайно близка аналогичному пути абхазского народа, большая часть которого вынужденно проживает за исконными пределами исторической Родины. Этнические армяне начали осваивать дальнее зарубежье в средневековый период, когда в 1375 году под военным давлением бахритских мамлюков пало Киликийское царство, что на несколько столетий предопределило болезненно отсутствие собственной государственности у одного из наиболее древних кавказских сообществ. Однако основной массив армянской диаспоры сформировался после турецкого геноцида 1915 года, когда уцелевшие представители многострадального народа оказались разбросанными по огромным пространствам Старого и Нового света. В контексте указанного обстоятельства очевидной представляется трагическая параллель с абхазской историей, одной из узловых точек которой является массовое махаджирство XIX столетия, приведшее большую часть автохтонного этноса в Османскую империю и многие страны Ближнего и Среднего Востока. Большинство современных абхазов также проживает вне исторической Родины, что способствует дополнительной актуализации избранной темы. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что армянская община сыграла существенную роль в новейшей истории Абхазии, оказывая консолидированную поддержку этносу в длительной борьбе за государственную независимость.

Как представляется, предлагаемый доклад не может охватить большинство аспектов многообразной истории армянских общин, сформировавшихся в абхазском и донском территориальном и этническом пространстве. В известном смысле данная работа имеет постановочный характер, а главной целью исследовательской

практики необходимо признать системное выделение ключевых проблем для дальнейшей разработки. Определенный фундамент соответствующей деятельности был заложен в фундаментальных трудах предшествующих поколений российских и абхазских историков, хотя в рамках историографической традиции отсутствуют специальные исследования, посвященные сравнительной характеристике избранных сообществ.

Реальная роль донских армян в социально-экономических, политических и культурных процессах XIX – XX столетий не получила интегрированного и всеобъемлющего освещения в предшествующей специальной литературе, что определялось двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, в советский период основные направления исследовательской деятельности применительно к отечественной истории новейшего времени определялись идеологической конъюнктурой, которая предполагала первоочередное формирование новой идентичности, стирающей этнические границы в контексте социально-классовой интеграции. Руководящие органы жестко дозировали реальный объем научного исследования исторического прошлого отдельных республик, а применительно к малым диаспорным сообществам исследовательская практика считалась научным моветоном. С другой стороны, в дореволюционную и постсоветскую эпоху историографическая традиция, посвященная локальным этническим группам, приобретала своеобразный характер, определяемый органичным сочетанием неадекватного прославления и чрезмерной персонализации значимых событий.

Социально-экономическая, политическая и культурная деятельность донских армян рассматривалась в обобщающих трудах, посвященных историческому прошлому Области Войска Донского и Ростовской области[1]. Однако, в фундаментальных работах реги-

[1] См., например, Дон Советский. Историко-экономический и социально-политический очерк. Ростов – на – Дону, 1986; История Дона и Северного Кавказа (1917 – 2000). Ростов – на – Дону, 2004; Козлов А. И., Козлов А. А., Кислицын

ональных исследователей трудно выделить уникальный вклад армянской общины в областные процессы, что определяется принципиально иным характером исходных авторских задач. Большее внимание исследуемой проблеме уделено в обобщающих публикациях, связанных с комплексным анализом исторического прошлого донской армянской общины[1]. Однако, несмотря на весомое разнообразие фактического материала, указанные труды часто имеют научно-популярный характер, предполагающий достаточно вольное обращение с привлекаемыми источниками. В контексте научного исследования гораздо больший интерес представляют опубликованные материалы научных конференций, посвященных историческому прошлому и современному состоянию донской армянской общины[2].

Аналогичная ситуация сложилась и применительно к абхазским армянам, исторический путь которых до настоящего времени не получил всеобъемлющего освещения в специальной литературе. Отдельные аспекты социально-экономического политического и культурного развития армян в XIX – начале XX столетий получили всестороннюю характеристику в известных трудах Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкого и Ш. Д. Инал-ипа, уделявших значительное внимание последовательной реконструкции реального вклада отдельных этнических общин в комплексное функционирование рассматриваемого региона[1]. Значительное внимание армянскому фактору в общественной жизни Абхазии 80–90-х гг. XX века и реальному вкладу соответствующей диаспорной группы в трудную победу в Отечественной войне 1992 – 1993 гг. уделили известные исследователи Т. А. Ачугба, А. Ф. Авидзба, В. М. Пачулия, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария и И. Р. Марыхуба, привлекшие в научный оборот ранее неизвестные документальные источники и проанализировавшие различные стороны военной и мирной жизни крупнейшего диаспорного сообщества в рассматриваемом регионе[2]. Наконец, в последние годы появились специальные работы К. Мацузато, А. Ю. Скакова и А. С. Ланды, посвя-

С. А., Попова Н. А. Власть на Дону. От первого атамана до первого губернатора (краткие исторические очерки). Ростов – на – Дону, 1999; Культура Дона в лицах. Ростов – на – Дону, 1997; Народное хозяйство Ростовской области. Ростов – на – Дону, 1988; Наухацкий В. В., Кабанов А. Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965 – 1991 гг. Ростов – на – Дону, 2005; Ревин И. А., Скорик А. П. Социально-политический портрет Ростовской области // Южнороссийское обозрение. 2010. № 63; Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной партийной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.). Ростов – на – Дону, 1988; Тикиджьян Р. Г. История и культура народов Донского края и казачества. Ростов – на – Дону, 2010.

[1] См., например, Багдыков Г. Краткая история донских армян. Ростов – на – Дону, 1997; Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван: Айастан, 1996; Богданян А. М. Из прошлого. Ростов – на – Дону, 1989; Донская Армения. Ростов – на – Дону, Старые русские, 2007; Наши корни идут в глубину веков // Заря. 1999. 26 мая; Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Ростов – на – Дону, РИО «Цветная печать», 1999; Шахазиз Е. О. Новый Нахичевань и новонахичеванцы. Ростов – на – Дону, ЗАО «Книга», 2005.

[2] См., например, Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов – на – Дону, ЮРФИС РАН, 2011; В единой семье: тезисы научной конференции, посвящённой 220-летию Нахичевани-на-Дону, 23 апреля 1999. – Ростов – на – Дону, Культурно-просветительное общество «Нор-Нахичеван»; ДГПБ, 1999.

[1] Дзидзария Г. А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX веке. (До крестьянской реформы 1870 г.). // Труды АбНИИЯЛИ. Т. XXIX. Сухуми, 1958; Дзидзария Г. А. Культурные сдвиги в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). // Труды АбНИИЯЛИ. Т. XXVIII. Сухуми, 1957; Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 года). Сухуми, 1958; Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910 – 1921. Тбилиси. 1963; Дзидзария Г. А. Развитие торговли в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). // Труды АбНИИЯЛИ. Т. XXVIII. Сухуми, 1957; Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979; Инал-ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX вв. // СЭ. 1990. № 1; Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX века). Сухуми, 1934.

[2] См., например, Авидзба А. Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.). Сухум, 2013. В двух частях; Марыхуба И. Р. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 2000; Марыхуба И. Р. Страницы истории абхазского народа (концептуальные размышления и попытка обобщения). Сухум, 2011. Часть 1.

щенные предшествующей истории и современной деятельности абхазских армян[1].

Среди важнейших проблем, имеющих определенные перспективы для компаративного исследования, можно выделить исторический генезис армянских этнических сообществ Дона и Абхазии, реальный вклад указанных диаспорных групп в социально-экономическое развитие избранных регионов дореволюционного и советского периода, а также системное усиление общественной роли рассматриваемых национальных социумов на современном этапе. В контексте первого вопроса необходимо обратить особое внимание на реальное различие объективных факторов, обусловивших последовательное появление переселяющихся армян в донском и абхазском ландшафте. В первом случае армянская миграция была вызвана очевидным стремлением российских имперских властей к экономическому ослаблению Крымского ханства, которое вскоре лишилось и формальных атрибутов государственной независимости. Переселяющие армяне получили на донской земле полную поддержку от центральных и местных властей, что обусловило достаточно быструю хозяйственную адаптацию к новым условиям.

В Абхазии локальные армянские сообщества существовали со средневековой эпохи, но массовая миграция и последовательное появление мощной национальной группы связано с концом XIX – началом XX столетий. Амшенские армяне из Трапезунда и Эрзерума, напротив, бежали от безжалостной резни, организованной радикальными этническими и религиозными группировками, поддерживаемыми султанским правительством Абдул-Гамида II, и получившей меткое определение «первое издание армянского геноцида». Новые жители Абхазии первоначально получили материальную и административную поддержку имперских властей, заинтересованных в эффективном хозяйственном освоении обезлюдевших районов. Однако в ближайшей перспективе армянские переселенцы, как и другие группы местного населения, столкнулись с новым вызовом в лице революционных событий и гражданской войны.

[1] См., например, Ланда Л. С. Амшенские армяне Абхазии: фрагменты истории // Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность. Материалы VII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Выпуск 33. СПб. , Санкт-Петербургское философское общество, 2004.

Применительно к социально-экономическому развитию армянских сообществ Дона и Абхазии в дореволюционный и советский периоды ключевой проблемой является систематическое введение в научный оборот новых исторических свидетельств, характеризующих соответствующие процессы. Однако если архивные хранилища Ростовской области позволяют вести адекватный и интенсивный поиск, то аналогичные абхазские учреждения только восстанавливают некогда огромные фонды, уничтоженные оккупационными войсками в 1992 году. Следует также заметить, что указанный процесс находится в начальной стадии, а многие материалы безвозвратно потеряны для современных исследователей. Другой важной исследовательской проблемой, применимой к обоим рассматриваемым регионам, является системное уточнение количественных данных, характеризующих экономические процессы. В частности, по статистическим материалам установлена общая численность армянского населения Дона и Абхазии в различные периоды исторического времени и сформировано общее представление об основных направлениях хозяйственной деятельности диаспорных общин, а также социальной структуре национальных социумов. Но реальное число местных армян, занятых в конкретных отраслях, равно как и общественная стратификация, до настоящего времени не определены в полном объеме, что препятствует последовательному формированию адекватных оценок регионального развития. Наконец, современные исследователи должны обратиться к системному изучению повседневного взаимодействия армянских общин Дона и Абха-

зии с титульными этническими группами, которое пока не получило полной и однозначной характеристики. Следует признать, что подобная исследовательская практика не только представляет значительный интерес в историческом и этнографическом измерении, но и позволяет выработать эффективные механизмы дальнейшего конструирования межэтнического взаимодействия в рассматриваемых регионах.

В последние десятилетия, хронологически совпадающие с постсоветским периодом, наблюдается системный рост политического влияния армянских общин на Дону и в Абхазии. Местные армяне широко представлены на разных уровнях депутатского корпуса, а некоторые представители нетитульного этноса получили значимые должности в исполнительной власти. В частности, в Ростовской области министром транспорта долгое время был Д. Вартанян, который недавно оставил указанный пост и стал ответственным куратором крупнейшего проекта – строящегося транспортного хаба, включающего масштабные дорожные развязки на левом берегу Дона и новый международный аэропорт, предназначенные для предстоящего чемпионата мира по футболу 2018 года. В Абхазии ответственная должность министра финансов недавно досталась этническому армянину Д. Ирадяну, который до настоящего времени успешно справляется с должностными обязанностями. Как представляется, имманентные причины подобного роста политического влияния определяются не только растущим хозяйственным потенциалом армянских общин, но и системным развитием национального самосознания, требующего более активного участия в общественной жизни. В контексте указанного обстоятельства естественной задачей современного исследователя является последовательное изучение открытых и скрытых механизмов, определяющих дальнейшие перспективы развития крупнейших региональных этнических сообществ.

А. Х. Карданова, М. Б. Шенкао,
Черкесск

ЗАЩИТА ПЕРЕВАЛОВ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА (1942–1943 гг.)

Разгром немцев под Москвой стал началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Победа, одержанная Красной Армией означала, что советский народ сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения фашистской Германии, изменить в ходе тяжелейшего единоборства соотношение сил. В борьбе с Советским Союзом оказалась несостоятельной стратегия «молниеносной войны», обеспечившая немецкой армии легкую победу над западноевропейскими государствами. Не принес успеха «Блицкриг» немцам под Москвой. Перед всем миром была развеяна легенда о «непобедимости» фашистской армии.

Но еще достаточно силен был военно-экономический потенциал врага. В полную мощь работали на Германию ее союзники и покоренные страны Европы.

После поражения под Москвой правители фашистской Германии и военное командование решили взять реванш в южном направлении, на Северный Кавказ и Сталинград.

В начале весны 1942 года стратегическая инициатива вновь перешла в руки врага. Немцы нанесли поражение войскам Крымского фронта, вынудив их оставить Крым и переправиться через Керченский пролив на Таманский полуостров. Одновременно началась операция по окружению значительных сил Южного и Юго-Западного фронтов. Наступление немцев в направлении Во-

ронежа дало им возможность пробить широкую брешь между Брянском и Юго-Западным фронтом[1]. Развивая наступление, фашисты заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона и создали непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. В этом направлении в конце июля начались военные действия, которые развивались в дальнейшем со все возрастающим напряжением.

С самого начала битва за Кавказ, которая развивалась одновременно с историческим сражением под Сталинградом, приобрела большое политическое и военно-стратегическое значение. Немецким командованием был разработан план по захвату Кавказа под кодовым названием «Эдельвейс». Немцы рассчитывали, что с захватом богатейших в промышленном и сырьевом отношении районов СССР получат возможность упрочить военную экономику Германии.

Удачные военные действия противника поставили нашу страну в крайне тяжелое положение. В цепи военных мероприятий Советского государства в тех условиях защита Кавказа была выдвинута на одно из первых мест. Верховное командование преследовало задачу не только сорвать немецкий план, остановить немецкое наступление, но и задержать здесь значительные силы противника и тем самым лишить их возможности перебросить их под Сталинград в самый решающий момент битвы на Волге.

Стратегический план, разработанный советским Верховным главнокомандующим оказался глубоко верным. Ход военных событий показал, что боевые действия на Кавказе, значительно повлияли на исход Сталинградской битвы так же, как и в дальнейшем победа под Сталинградом резко ухудшила военно-стратегическое положение немецких войск на Кавказе[2].

Сотни сыновей Черкесии принимали участие в битве за Кавказ, в боевых действиях по защите своей малой родины.

[1] 50 лет Вооруженных сил СССР. М. ,1968. – С. 313–315.

[2] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967. – С. 410.

Немцы в середине июля 1942 года прорвали оборону Красной Армии между Доном и Северным Донцом на широком фронте. 24 июля 1942 года наши войска вынуждены были оставить Ростов и отойти за Дон. Немецкое командование приступило к осуществлению разработанного плана по овладению Кавказом.

Фашисты планировали развернуть наступление через перевалы Главного Кавказского хребта на Тбилиси, Кутаиси и Сухум. По плану «Эдельвейс» намечалось овладеть Северным Кавказом и всем Закавказьем[1].

К сожалению, слабо была подготовлена оборона Кавказа. Только в первой половине июня 1942 года Военный Совет Северо-Кавказского военного округа принял решение строить оборонительные рубежи. К началу боевых действий было закончено не больше 30% оборонительных сооружений.

Летом 1942 года, после сдачи Армавира и Краснодара на огромной территории от Терека до Кубани практически некому было вести бои с наступающим врагом. На обозначенной территории оставалась лишь небольшая группа войск генерала Р. Я. Малиновского, которая вряд ли могла внести какие-либо существенные изменения в сложившуюся военную обстановку в данном районе.

В города Буденновск, Ставрополь, Черкесск, Минеральные Воды, Пятигорск, Нальчик противник продвигался беспрепятственно[2].

На линии сел Покойное – Архангельское, далее вдоль реки Кумы, от села Нины до Минеральных Вод, а также под Черкесском наши войска оказали организованное сопротивление. Сюда по приказу Ставки Главнокомандующего были выдвинуты передовые отряды из состава Северо-Кавказского фронта[3].

Тяжелые оборонительные бои севернее г. Черкесска вела 295-я стрелковая дивизия под командованием полковника Сафа-

[1] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. ,1976. – С. 54–55.

[2] Тюленев И. В. Через три войны. М. ,1972. – С. 175.

[3] Тюленев И. В. Через три войны. М. ,1972. – С. 168.

ряна Н. Г. Дивизия вышла к этому рубежу, отступая через населенные пункты Подлужное, Барсуковское, Беломечетская. Оборона Черкесска не позволила немцам прорваться на Военно-Сухумскую дорогу. Это был ключ к овладению перевалами Главного Кавказского хребта, через который немцы планировали выйти к Закавказью.

Под Черкесском сражались 2-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Ф. В. Захаров. В этих боях особо отличились артиллеристы 423-го артиллерийского полка этой дивизии. При поддержке танков вражеская пехота предприняла ряд попыток прорвать оборону, но все они были сорваны умелыми действиями наших бойцов.

Несмотря на упорное сопротивление защитников г. Черкесска, немцам удалось прорваться к нему у хутора Елисеевского, бросив в бой пехоту при поддержке 28 танков и бронемашин. Батарея 423-го артиллерийского полка метким огнем встретила вражеские машины. Ощутимые потери в этом бою нанесли врагу наши артиллеристы. Почти весь состав батареи погиб, не пропустив через свои огневые позиции противника.

Штаб 37-й армии (командующий генерал-майор П. М. Козлов) находился в Черкесске до 10 августа 1942 года, затем он переместился в станицу Бекешевскую. Дивизии 37-й армии на этом участке продолжали вести упорные бои. В ночь на 16 августа территорию Черкесии оставили части 37-й армии. Вторая гвардейская стрелковая дивизия последней отошла от Черкесска.

В тяжелых условиях для наших войск проходил первый этап битвы за Кавказ с 25 июля до 17 августа 1942 года. Враг имел большое количественное превосходство в танках, авиации и артиллерии. Имевшим огромный перевес в силе, фашистским захватчикам удалось заставить наши войска отступить от Дона до предгорий западной части Главного Кавказского хребта. У наших частей отсутствовали крупные подвижные соединения, в то время как у врага танковые и моторизованные войска составляли более 40%.

Враг господствовал на всем протяжении оборонительных боев в воздухе, причиняя огромный ущерб нашим войскам.

Соединения Красной Армии в этих, крайне тяжелых условиях, смогли выстоять и постепенно изменить ход военных действий в свою пользу. Но впереди еще были бои за Главный Кавказский хребет.

На долю советских солдат и командиров, оборонявших Главный Кавказский хребет, выпали тяжелейшие испытания. Им предстояло сдержать намного превосходящие силы противника, при крайней нехватке оружия и боеприпасов, не имея баз снабжения, будучи почти полностью отрезанными от внешнего мира, защитить во чтобы-то ни стало перевалы, не пропустить врага к заветной бакинской нефти, в Закавказье.

Немецкое командование взятие Главного Кавказского хребта и переход в Закавказье возложило на 49-й горнострелковый корпус. В его состав входили 1-я и 4-я горнострелковые, 97-я и 101-я легкопехотные дивизии, подготовленные специально для действий в горных условиях. Особые надежды гитлеровское командование возлагало на 1-ю горнострелковую дивизию, которая носила наименование «Эдельвейс». Хорошую подготовку и опыт боевых действий имела 4-я горнострелковая дивизия.

Она в основном состояла из тирольцев, для которых родной стихией были горы. Специальным горным снаряжением были укомплектованы все соединения корпуса[1].

Кроме того, для действий на горных перевалах в распоряжении армий «А» имелись две румынские горнострелковые дивизии. Вслед за войсками в резерве группы шел корпус особого назначения «Ф», который предназначался для действий на Ближнем Востоке.

49-й горнострелковый корпус, разделенный на отдельные отряды, сосредоточился в районе городов Невинномысск и Черкесск. Немцы в середине августа устремились к перевалам центральной части Кавказского хребта, с целью переправиться через

[1] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. ,1967. – С. 102–103.

них в районе Сухуми, Туапсе, перерезать коммуникации Черноморской группы Закавказского фронта и оказать помощь 17-й немецкой армии, в ее продвижении вдоль Черноморского побережья на Батуми. [1]

На перевалы Хотю-Тау и Нахар противник двигался по долине Кубани, к перевалам Клухорский и Домбай-Ульген – по долине Теберда, на Марухский и Наурский перевалы по долинам рек Маруха и Большой Зеленчук, на группу перевалов Санчар и Псехашха – по долине Большой Лабы[2].

В августе – сентябре 1942 года ожесточенные бои шли на Клухорском, Эльбрусском и Санчарском направлениях. Наступавшие на перевалы немецкие войска почти в два раза превосходили защищавших перевалы советские войска. Только на Клухорском направлении фашисты бросили почти 10 тысяч солдат и офицеров. Стрелковый батальон 815-го полка и 394-й стрелковой дивизии, на которую была возложена оборона Клухорского перевала, первыми вступили в бой 15 августа 1942 года. В помощь им начали боевые действия второй и третий стрелковые батальоны 815-го полка, учебный батальон 394-й дивизии, отряд войск НКВД и отряд Сухумского пехотного училища. В последующие дни в бой вступили первый батальон 806-го полка, 121-й полк 9-й горно-стрелковой дивизии, третий стрелковый батальон 810-го полка и 220-й полк 63-й кавалерийской дивизии. Наши войска нанесли сокрушительный удар противнику, несмотря на его численное превосходство. Опасаясь окружения, немцы начали отступление, однако бои за Клухорский перевал продолжались до наступления зимы в горах, до конца октября. И только в январе 1943 года немцы под напором наших войск оставили перевал[3].

Особо отличившийся в этих боях 121-й горнострелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. Сотни солдат и офицеров погибли при защите Клухорского и Нахарского перевалов. В их числе погиб во время штурма командир 121-го полка майор Иван Иванович Аршава, посмертно награжденный орденом Ленина[1].

Особые надежды немцы возлагали на разгром советских войск и выход в Закавказье на Эльбрусское направление. В районе Микоян-Шахара, Хурзука и Учкулана они создали базы для быстрого и бесперебойного снабжения своих войск. Наступление немцев началось успешно, на северные склоны Главного Кавказского хребта они вышли 16 августа, а 21 августа они поднялись на вершину Эльбруса, где и водрузили знамя со свастикой. Захват некоторых перевалов Эльбруса и установление на нем фашистского флага немецкая пропаганда преподносила как «начало новой эры», как скорый разгром Советского Союза. [2] Но в сентябре положение немцев резко ухудшилось. В тыл фашистской группировки прорвался отряд особого назначения 27-й армии и разгромил фашистов в течение 11-20 сентября. Таким образом, очередная попытка фашистов прорваться в Закавказье провалилась. Немецкое командование принимает решение, сосредоточив свои силы на Марухском, Санчарском направлениях выйти к Черному морю любой ценой.

Бои на северных скатах Марухского перевала, который защищал 810-й полк, усиленный одним батальоном 808-го полка начались 28 августа. В этих боях принимали участие наши земляки: И. В. Подкопаев из станицы Кардоникской, Яхъя Нахушев – рабочий совхоза «Черкесский», У. А. Кавчешев, М. Х. Озов, Х. М. Барануков и многие другие.

Особо упорные бои шли за ледник Кара-Кая, который преграждал гитлеровцам путь к южным склонам Марухского перевала. Подтянув свежие силы, при поддержке артиллерийского, минометного огня авиации 30 августа противник беспрерывно атаковал позиции советских частей. Отрезанный от главных сил,

[1] Напсо Д. А. Надежда и доверие. Черкесск,1993. – С. 250.
[2] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. ,1967. – С. 143–144.
[3] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. ,1967. – С. 145.

[1] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. – С. 242–243.
[2] Напсо Д. А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993. – С. 251.

героически дрался с врагом 2-й батальон 810-го полка, почти полностью погибли бойцы 4-й и 6-й стрелковых рот, но никто не отступил ни на шаг. В тяжелом положении были и другие подразделения 810-го полка и приданного батальона[1].

Участники тех событий «эдельвесовцы» вынуждены признать мужество бойцов 810-го и 808 полков, которые стояли насмерть. Спустя много лет бывший командир дивизии «Эдельвейс» генерал Г. Ланц писал: «… на Марухском перевале проходили бои с переменным успехом. 28 августа 810-й грузинский стрелковый полк с выделенными автоматными ротами занимает высоту 3012 и угрожает этим самым нашему правому флангу в Марухской долине. Боевой отряд альпинистов получил приказ взять перевал. В начале сентября 1-я горная дивизия находится на высокогорном фронте, шириной своей охватывающем 80 км, в наступлении и обороне. Неповторяемы события тех недель в скалах на льду. До середины сентября усиливается вражеский натиск на север. Каждому благоразумному становится ясно, что наша высотная точка пройдена. Сил не хватает. Прорыв через Главный Кавказский хребет должен быть остановлен…»[2].

Ключевой порцией наших подразделений с начала сентября стал рубеж, который проходил от горы Марух-Баши на северо-западе. Все удары противника принял на себя 810-й полк совместно с 3-м батальоном 808-го полка и подходившими подразделениями 155-й и 107-й стрелковых бригад и военных училищ.

Немцы к вечеру 5 сентября ввели в бой главные силы альпийской дивизии «Эдельвейс» и при поддержке авиации и артиллерии овладели Марухским перевалом. Защитники перевала 9 сентября предприняли наступление, но успеха не имели. Ожесточенные бои за высоту 1176, которая являлась вратами Марухского перевала, велись до 25 октября. Бои за перевал завершились тем, что господствующие высоты были взяты силами 1-го

[1] В суровые годы войны. Ставрополь, 1978. – С. 37–38.

[2] Гнеушев В, Попутько А. Тайна Марухского ледника. М. ,1971. – С. 107, 129.

батальона 810-го полка и батальонами 155-й и 107-й стрелковых бригад.

Советские воины, отрезанные от внешнего мира, без средств связи, в летнем обмундировании стояли насмерть, сражаясь до последнего вздоха. Все они, защитники перевалов Главного Кавказского хребта, до конца выполнили свой долг перед Отечеством, сдержали натиск врага, а затем и разгромили хваленные немецкие дивизии, специально обученные для военных действий в горах, проявив несгибаемую волю к победе[1].

Врагами советских бойцов были не только немцы, к ним прибавились еще холод и голод. Особенно тяжело приходилось бойцам, которые находились на самом перевале. Зима в горах была исключительно суровой. Командование Кавказским фронтом прилагало все возможные усилия, чтобы облегчить положение защитников перевала. Но далеко не все, что сбрасывалось защитникам нашими самолетами, попадало к ним. Немцы обстреливали минометным огнем и бомбами с самолетов, места, куда сбрасывались мешки с продовольствием, медикаментами и одеждой.

Тяжело раненных наших бойцов приходилось оперировать в землянках, часто засыпаемых снегом. Сотни раненых бойцов и командиров вынесли с поля боя на перевалах санинструкторы Полина Губенко, Ольга Пакуль, Иван Перепеченко.

Санинструктор 155-й стрелковой бригады Аня Дутлова, находясь в одном взводе с мужем лейтенантом Иваном Дутловым, под пулями врага, по льду выносила с поля боя раненых, перевязывала их, оказывала первую помощь. В самую тяжелую минуту, когда взвод был окружен противником, Аня и ее муж написали два заявления одного и того же содержания: «Желаю коммунистам биться с врагом,… звание коммуниста оправдаю с честью». Заявления супругов были удовлетворены, но командира взвода Ивана Авдеевича Дутлова приняли в партию уже посмертно»[2].

[1] В суровые годы войны. Ставрополь, 1978. – С. 51-52.

[2] Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского перевала. М. ,1971. – С. 107, 135.

Каждый защитник перевалов, на каком бы месте он не находился, проявлял беспримерное мужество и героизм. Связист Василий Федоров, устраняя порыв телефонной связи вынужден был вступить в бой с прорвавшейся группой егерей. Неожиданно автомат замолк – кончились патроны. Тогда связист бросился вперед против целого отделения врагов. Герой погиб. Приказом по войскам 46-й армии Василий Федоров был награжден орденом Отечественной войны II степени[1].

Видя неизбежную гибель, враг неистовал в бессильной злобе. О чудовищных зверствах «эдельвейсовцев» рассказывали защитники перевалов. 12 наших автоматчиков, будучи окруженными, погибли в неравном бою. Немцы на этом не успокоились, не могли оставить в покое трупы погибших бойцов – всем отрезали головы. Наши разведчики в оставленных фашистами землянках находили труппы зверски замученных женщин.

Ожесточенные бои за перевалы велись еще на одном направлении – Санчарском. С временным успехом началось наступление немцев на Санчарский перевал. Им удалось овладеть южными склонами перевала. 28 августа фашисты захватили небольшой аэродром в местечке Псху и попытались его использовать для переброски по воздуху подкреплений.

Для отпора врага в этом районе наше командование создало Санчарскую группу войск. В нее вошли 307-й полк 61-й стрелковой дивизии, два батальона 155-й и 51-й стрелковых бригад, 25-й пограничный полк НКВД, сводный полк НКВД и отряд Тбилисского пехотного училища.

Части Санчарской группы 16 сентября перешли в наступление и к 20 октября овладели группой Санчарских перевалов. Остатки вражеской группировки отошли на северные скаты Главного Кавказского хребта. С приходом зимы активные военные действия на этом направлении прекратились[2].

[1] Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского перевала. М. ,1971. – С. 141, 142, 145.

[2] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967. – С. 45.

Умпырский и соседние перевалы фашисты атаковали в конце августа двумя батальонами «тирольцев». Оборону на перевалах держали две роты 174-го полка 20-й горнострелковой дивизии. Ценой огромных потерь немцам удалось захватить Умпырский перевал, но остальные перевалы оказались неприступными. Получив подкрепление, советские горные стрелки отбросили противника от перевалов. За эти бои 174-й горностелковый батальон был награжден орденом Красного Знамени.

Новое наступление советских войск началось 4 октября. Не выдержав мощного удара наших частей, фашисты отошли на северные склоны Главного Кавказского хребта. Первые километры территории Карачая и Черкесии были освобождены.

Немцы на Кавказе никогда не чувствовали себя в безопасности. Своему верховному штабу командование фашистской группировки армии «А» сообщало: «Мы потеряли около 5000 солдат и офицеров, сотни машин. Нам придется держать большие гарнизоны в каждом ущелье, бросать крупные силы для охраны дорог и троп…, борьбу за перевалы можно развернуть в полную меру только после подавления партизанского движения в горах. [1]

Осенью 1942 года наступления германских войск на перевалах Главного Кавказского хребта было остановлено. Оказался сорванным план немецкого командования по овладению Главным Кавказским хребтом и проникновения в Закавказье.

Поражение немцев на перевалах позволило советскому Верховному Главнокомандованию выиграть время, накопить резервы и усилить ими Закавказский фронт.

[1] Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. ,1967. – С. 150.

Н. В. Кратова ,
Черкесск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 1970–1980-Е ГОДЫ

В 1970–1980-х годах политика государства в отношении религиозных объединений существенно потеплела по сравнению с хрущевским периодом. Прекратились кампании по закрытию храмов, принудительной ликвидации религиозных организаций. Однако до середины 1980-х говорить о либерализации в государственно-конфессиональной сфере все же нельзя. Активное распространение получила политика искусственного сдерживания роста числа религиозных объединений, велась широкая атеистическая пропаганда, органы власти третировали религиозные общины постоянными проверками, вопрос об открытии новой общины, ремонте или строительстве культового здания превращался в многомесячную, а порой и многолетнюю бюрократическую процедуру, почти без шанса на позитивное решение.

В этот период ситуация в православных общинах Карачаево-Черкесской автономной области оставалась достаточно стабильной. Доходы приходов составляли 230-240 тыс. руб. Ежедневно храмы посещали от 20 до 120 человек, а на Пасху – от 400 до 2500 человек[1]. Политика властей в этот период была направлена на то, чтобы не допустить молодежь в храмы. Власть применяла различные меры, чтобы сдержать рост численности верующих. Верующую молодежь исключали из средних специальных и высших учебных заведений. По всем населенным пунктам рассылались формуляры, в которых должен был вестись учет детей и молодежи, принимающей участие в богослужении во время Великих праздников. Более того, у дверей храма дежурили дружинники, которые пропускали на службу только пожилых, а людей среднего возраста и молодых отправляли обратно[1]. По воспоминаниям о. Валентина Корнеева, в середине 1980-х годов обучаясь в семинарии, он приходил на службы в церковь в одежде семинариста, но это вовсе не останавливало доблестных дружинников, и ему с большим трудом удавалось попасть на службу[2]. Таким способом власти пытались искусственно сдержать рост численности верующих.

Однако в этот период предпринимаются попытки вовлечения новых адептов. Так, например, в 1976-78 гг. было зафиксировано активное распространение ильинцами литературы и т. н. «Святых писем», в массовом порядке подбрасываемых в почтовые ящики и направляемых по адресам, в том числе в национальных аулах и среди учащихся школ[3].

В конце 1970-х предприняли попытку зарегистрироваться баптисты-раскольники. В 1978 году в Черкесский горисполком было направлено письмо с просьбой зарегистрировать общину баптистов-раскольников. В письме выражалось удовлетворение новой Конституцией и Хельсинкскими соглашениями и отвергались положения законодательства о культах, поскольку, по мнению авторов, они противоречили основному закону страны и международным соглашениям. В 1976-78 годах в адрес Президиума Верховного Совета СССР, Прокуратуру СССР направлялись

[1] Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (далее- ЦДОДП КЧР). Ф. П-1. Оп. 65. Д. 253. Л. 23.

[1] Личный архив Н. Кратовой. Полевые материалы 2012 года. КЧР, г. Черкесск. Интервью с о. Валентином Корнеевым, 1961 г. р.

[2] Личный архив Н. Кратовой. Полевые материалы 2012 года. КЧР, г. Черкесск. Интервью с о. Валентином Корнеевым, 1961 г. р.

[3] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 30. Д. 40. Л. 158.

письма с требованием вернуть конфискованную литературу и разрешить работу подпольных типографий. В агитационную площадку превращались и религиозные праздники. На День жатвы 1978 года собралось около 300 человек, треть из которых, вопреки всем запретам, составляли дети и молодежь до 30 лет, выступал молодежный хор и оркестр, верующим рассказывалось о гонениях на церковь и страданиях, испытанных в тюрьме. Богослужение завершило публичное покаяние, включая исповедь тринадцатилетней девочки, вызвавшей всеобщее умиление[1].

Власти предпринимали ответные меры. В местной газете «Ленинское знамя» от 12 сентября 1978 года Дубицкому была посвящена статья «Страдалец», а по радио передан радиоочерк «Разные судьбы», было инициировано общественное обсуждение с последующим осуждением действий диссидентов.

В 1982 году Зеленчукская и Усть-Джегутинская общины сторонников Совета Церквей ЕХБ прекратили существование[2].

Что касается Свидетелей Иеговы, то в 1971 году в общину входило 130 взрослых верующих, бойкотирующих службу в армии, выборные кампании и общественную деятельность[3]. Несмотря на категорический запрет религиозной пропаганды среди детей Свидетели Иеговы не только осуществляли религиозное воспитание собственных детей, но и пытались создать группы по изучению Библии из местных школьников[4]. Молитвенные собрания проводились конспиративно небольшими группами по 5-10 человек[5].

1975 год прошел в ожидании Армагеддона, что активно использовалось властями для дискредитации организации[6]. В 1978

[1] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 30. Д. 40. Л. 151-154.

[2] Архив Уполномоченного главы КЧР по связям с религиозными организациями (далее АУГ). Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1982 год.

[3] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 17. Д. 21. Л. 15; Оп. 19. Д. 32. Л. 8

[4] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 19. Д. 32. Л. 8

[5] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 30. Д. 40. Л. 156.

[6] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 30. Д. 40. Л. 157.

году за отказ от службы в армии несколько Свидетелей Иеговы были привлечены к уголовной ответственности[1].

В конце 1960-х наблюдается активизация религиозной жизни среди мусульман. В КЧАО официально действовали 15 зарегистрированных мусульманских обществ, имеющих свои мечети и служителей культа, с количеством верующих около 2500 человек, посещающих мечети и принимающих участие в намазах.

В отчетах уполномоченного Совета по делам религии по Ставропольскому краю отмечалось, что наибольшую активность верующие и мусульманские служители культа проявляют в дни поста «ураза» и праздников «ураза-байрам» и «курбан-байрам». Намазы в эти дни проходили в мечетях, а в незарегистрированных группах, несмотря на запреты, – на кладбищах, лесных полянах, у реки и т. п.

Об уровне религиозности мусульманского населения свидетельствует тот факт, что в порядке жертвоприношения верующими официально действующих мечетей в 1969 году было забито 825 голов овец, против 706 в 1968 году[2]. При этом отмечалось, что учесть количество забитого скота в эти дни в незарегистрированных религиозных группах установить было невозможно, т. к. исполкомы районных Советов депутатов трудящихся не представляют вовсе или представляют явно заниженные сведения.

Широко была распространена благотворительность. Почти все эфенди имели списки нуждающихся в помощи.

Помимо зарегистрированных общин на территории области на учете стояло 43 фактически действующих, но незарегистрированных мусульманских групп. Деятельность незарегистрированных групп серьезно беспокоила власти, предлагались разные формы решения проблемы, причем не всегда репрессивные. В 1971 году Уполномоченный Совета по делам религий по Ставропольскому краю предлагал зарегистрировать 10 мусульманских

[1] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 30. Д. 40. Л. 156.

[2] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 17. Д. 21. Л. 11.

групп, а деятельность остальных прекратить[1]. Однако в 1974 году в области насчитывалось уже 60 незарегистрированных групп и около 100 служителей культа[2].

Имелись незарегистрированные самозванные, часто бродячие, служители культа, которые выполняют религиозные обряды, главным образом, похороны умерших и руководят группами верующих мусульман. Всего в области таких служителей культа насчитывалось свыше 50-ти человек.

Увеличение религиозности среди мусульманского населения также наглядно демонстрирует уровень доходов обществ. В 1970 году доход 15 зарегистрированных исламских религиозных групп составил 5657 рублей, в 1962 году – всего 1324 рубля[3].

В 1980-е годы ситуация изменилась. В 1981 году было образовано Карачаево-Черкесское благочиние, каноническая территория которого совпала с границами области. Сложность религиозной ситуации в регионе заставила ввести в области должностьУполномоченного Совета по делам религий по КЧАО. Перед партийными органами неоднократно ставился вопрос о необходимости не перегибать палку в отношении регистрации общин и расширить сеть официальных мечетей и штат духовенства[4]. Попытку улучшить положение предпринял Уполномоченный Совета по делам религий по КЧАО Н. Г. Проваторов. Им была подготовлена обстоятельная записка, в которой обосновывалась необходимость регистрации

[1] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 19. Д. 32. Л. 6.

[2] АУГ. Решение Исполкома Карачаево-Черкесского областного совета депутатов трудящихся от 13. 12. 1974, №779 «О неудовлетворительном выполнении исполкомами районных Советов депутатов трудящихся области Постановления Совета министров РСФСР от 24 июля 1968 г., №494 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» и решения облисполкома и крайисполкома по этому вопросу.

[3] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 19. Д. 32. Л. 5.

[4] См. напр. : АУГ. Записка «О неудовлетворительном выполнении…»; Записка «О неудовлетворительной работе исполкомов Советов по осуществлению контроля за соблюдением законодательства о культах» 26 марта 1979 г.

7 общин и 49 служителей культа и их помощников[1]. Предложения получили поддержку областного партийного и советского руководства: в июле 1981 года было проведено совещание, на котором предложения Н. Г. Проваторова были закреплены в соответствующих решениях. В 1982 году количество общин увеличилось до 19-ти, а в 1989 году их было уже 26[2]. Существенно увеличилось количество официально зарегистрированного духовенства. Одновременно сократилось количество незарегистрированных мечетей и самодеятельных эфенди. В конце 1980-х годов несколько человек были направлены в Бухару и Ташкент для получения исламского образования. В практику вошло проведение собраний исламского духовенства, на которых обсуждались актуальные вопросы жизни мусульман: порядок проведения похоронно-поминальных и свадебных обрядов, вопросы финансовой дисциплины, обмен опытом работы и т. п. В начале 1980-х годов прошло четыре таких совещания[3].

В этот же период проведены 4 собрания православного и баптистского духовенства, на которых также обсуждались актуальные вопросы жизни верующих[4].

[1] АУГ. Записка «Об упорядочении сети религиозных обществ и служителей культа». Январь 1981 г.

[2] АУГ. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1982 год; Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.

[3] АУГ. Протокол собрания духовенства (эфенди, муадзинов) и религиозного актива (председателей исполорганов и ревизионных комиссий) всех зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края с участием представителей ДУМСК. 12 мая 1981 г., с. Кумыш; Протокол совещания мусульманского духовенства и религиозного актива зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края. 28 октября 1981 г., г. Усть-Джегута; Протокол семинара-совещания актива религиозных обществ мусульман КЧАО и Ставропольского края. 22 июня 1982 г.

[4] АУГ. Протокол собрания духовенства (эфенди, муадзинов) и религиозного актива (председателей исполорганов и ревизионных комиссий) всех зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края с участием представителей

Результатом работы по «упорядочению сети религиозных обществ и служителей культа» стало значительное улучшение государственно-конфессиональных отношений в Карачаево-Черкесской автономной области. Верующие почувствовали реальную поддержку со стороны государства и получили навыки конструктивного диалога с властями по решению насущных проблем. Был накоплен и опыт конструктивного обсуждения внутриконфессиональных проблем.

Эпоха перестройки кардинально изменила отношение к религии в советском обществе. С 1987 года наблюдалась активизация церковной жизни. Увеличилось количество прихожан: в воскресные дни храмы посещали от 40 до 250 человек. Были отремонтированы храмы, построены подсобные помещения. В том же году на регистрацию были переданы документы православной общины ст. Преградной (зарегистрирована она была в 1988 году)[1].

В январе 1988 года вышло постановление Совета по делам религий, в котором властям предписывалось без проволочек удовлетворять все правомерные просьбы верующих, чтобы не создавать конфликтных ситуаций и не дискредитировать перестройку в глазах верующих.

В 1988 году в области было широко отпраздновано 1000-летие крещения Руси. 13-14 октября в г. Черкесске прошли торжества,

ДУМСК. 12 мая 1981 г., с. Кумыш; Протокол совещания мусульманского духовенства и религиозного актива зарегистрированных мечетей КЧАО и Ставропольского края. 28 октября 1981 г., г. Усть-Джегута; Протокол семинара-совещания зарегистрированного духовенства и актива православных церквей КЧАО Ставропольского края, 23 декабря 1981 года; Протокол семинара-совещания актива религиозных обществ мусульман КЧАО и Ставропольского края. 22 июня 1982 г. ; Протокол однодневного семинара-совещания со служителями культа и религиозным активом православных церквей КЧАО. 15 июля 1982 г. ; Семинар-совещание служителей Церквей ЕХБ КЧАО. Август 1983 г. ; Протокол семинара-совещания с религиозным активом православных церквей КЧАО. 14 ноября 1983 г.

[1] АУГ. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1987 год.

посвященные этому событию, в которых приняли участие руководство области, руководители местных органов власти и общественности[1]. Через год, 9 сентября 1989 года прошла знаковая встреча православного и мусульманского духовенства с народным депутатом СССР, первым секретарем Карачаево-Черкесского обкома КПСС В. Е. Лесниченко [2]. Верующие позитивно восприняли эту встречу. «Они увидели признание в себе равноправных советских граждан, …наконец-то правовые нормы в отношении верующих, декларативно провозглашенные в Конституции СССР и других правовых актах стали осуществляться на деле»[3]. Встреча широко освещалась в местных СМИ. Подтверждением признания церкви полноценной частью системы общественных отношений стало избрание благочинного православных церквей области отца Василия Афонина в правление областного фонда милосердия и здоровья, в президиум областного Общества Красного Креста и Полумесяца. В 1990-м году он был избран в депутаты Черкесского горсовета[4].

Перестройка и либерализация государственно-конфессиональной политики способствовали активизации деятельности ЕХБ. Стали практиковаться евангелизационные кампании, проводиться благотворительные концерты, массовые крещения в открытых водоемах. Летом 1989 года Черкесск посетила молодежная евангелизационная группа из Львова. Пример львовчан подвиг хористов черкесской общины проводить концерты в городском сквере, причем в ущерб основной службе в молитвенном

[1] АУГ. Программа торжеств, посвященных 1000-летию крещения Руси. Черкесск, 1988.

[2] АУГ. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.

[3] ЦДОДП КЧР Ф. П-1. Оп. 68. Д. 369. Л. 53

[4] АУГ. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988–1989 годы.

доме ЕХБ. В богослужениях открыто стали принимать участие несовершеннолетние. Усилились эмиграционные настроения, прежде всего среди сторонников Совета Церквей ЕХБ. Примечательно, что либерализация и внезапная открытость властей не всегда находили понимание среди верующих. Так, баптисты отказались принять участие во встрече с народным депутатом СССР, первым секретарем обкома КПСС В. Е. Лесниченко, один из пресвитеров Черкесской общины отказался от предложения баллотироваться в депутаты местного Совета. Очевидно, что перспектива сближения с властью пугала верующих не меньше, если не больше атеистических гонений. Легальные баптистские общины предпочли сосредоточиться на миссионерской работе, а сторонники Совета Церквей остались верными принципу жертвенного служения[1].

В 80-е годы были отмечены некоторые тенденции к социальной интеграции членов общины Свидетелей Иеговы. До этого времени курджиновские Свидетели Иеговы отмечались достаточной замкнутостью не только по религиозным, но и по этническим и социальным мотивам – большей частью верующие были выходцами из западной Украины, прошедшие суровую школу ГУЛАГа. В отчете Уполномоченного Совета по делам религий по КЧАО за 1982 год отмечены несколько случаев браков Свидетелей Иеговы с неверующими, в том числе с членами ВЛКСМ и КПСС. Все верующие, работавшие на меднодобывающем комбинате, приняли участие в субботнике, посвященном 60-летию СССР, многие верующие являлись членами профсоюза, а их дети принимали участие в общешкольных мероприятиях, посещали кино и концерты[2]. Обратной стороной социализации стал отход части молодежи из семей верующих от религиозной жизни. Среди членов строительных бригад, состоящих из Свидетелей Иеговы, отмечались случаи курения и употребления алкоголя, некоторые молодые люди вступали в комсомол и шли служить в армию, молодожены оформляли брак в Доме культуры[1]. Таким образом, перестройка способствовала снижению закрытости общины.

Таким образом, религиозная политика, проводимая властями в Карачаево-Черкесской автономной области в 70–80-е годы XX века в целом была направлена на постепенное искоренение церковного влияния на советского человека. Осуществлялась она различными методами: через антирелигиозную пропаганду, создание многочисленных комиссий по усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, попытки отстранить священнослужителей в своих приходах от административных и финансовых вопросов, регулярный подсчет количества верующих, посещавших храм и т. д. Однако полностью устранить религию из общественной жизни властям так и не удалось. Храмы и мечети продолжали функционировать, совершались религиозные обряды, сохранялись церковные административные структуры. Благодаря этому в период перестройки стал возможен религиозный ренессанс, позволивший восстановить позиции религиозных институтов в обществе.

[1] АУГ. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988–1989 годы.

[2] АУГ. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1982 год.

[1] АУГ. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1984 год.

А. Ф. Авидзба,
Сухум

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОЙ ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ 14 МАЯ 1993 ГОДА И СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ В АБХАЗИИ

В современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире политическое или военно-политическое, казалось бы, локальное событие, в отдельно взятом локальном субъекте, за которым нередко даже статус субъекта оспаривается, несет в себе как минимум региональный, а нередко и глобальный отпечаток. Одним из таких событий, как представляется, была Московская встреча руководителей России и Грузии Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе 14 мая 1993 года.

Трехсторонняя абхазо-грузино-российская встреча на высшем уровне, которая должна была состояться в начале октября 1992 г., сначала была перенесена, а затем и вовсе – сорвана грузинской стороной. И с тех пор ее организовать не удавалось, впрочем, по-видимому, не было особой заинтересованности в этом. Мартовское наступление абхазской армии привело к осложнению отношений между Грузией и Россией. Во время и сразу после наступления последовал обмен нотами протеста и резкими заявлениями. Необходим был некий «охладительный» период…

Тем не менее, 6–9 апреля в Сочи, состоялась российско-грузинская встреча. После ее окончания грузинский премьер Т. Сигуа, комментируя возможную встречу Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, сказал следующее: «Был разговор и по этому поводу. Переговоры на высшем уровне обязательны, и наверно, довольно скоро состоятся. Но мы считаем, что до такой встречи еще один раз должна быть встреча военных экспертов, чтобы уточнить наши требования, чтобы еще раз заявить им наш протест по поводу того, чтобы эти военные формирования находятся у нас с нарушением международных норм. Что до встречи на высшем уровне окончательно решить вопрос о выводе воинских формирований с территории Абхазии»[1]. Сам глава Грузии тогда же сказал, что пока что договоренность о встрече с Ельциным не достигнута, но она не только желательна, и обязательна и неминуема. К этому Шеварднадзе добавил: «В связи с тем, что в России ожидается референдум не могу сказать, будет ли у Ельцина возможность этой встречи и мой рабочий график составлен таким образом, что устроить такую встречу пока что невозможно». Грузинский лидер также сообщил, что не телефонных, ни других контактов с Ельциным у него не было[2].

На фоне российско-грузинских переговоров в Сочи шла подготовка визита Э. Шеварднадзе на Украину. 9 апреля в 12 часов грузинская делегация, готовившая визит главы Грузии, была принята Президентом Л. Кравчуком. В политических кругах Киева большой отклик имело заявление Э. Шеварднадзе во время традиционного радиоинтервью 5 апреля о растущей роли Украины в Европе[3]. Накануне своего визита в Киев, Э. Шеварднадзе сообщил, что президент Украины проявляет определенный интерес в урегулировании абхазского конфликта как можно скорее[4]. Сам Л. Кравчук перед встречей заявил: «Мне хотелось бы выступить действительно, используя все свое влияние для того, чтобы остановить тот тяжелый конфликт, который идет на грузинской земле… Мы понимаем, что трудно решить это сегодня грузинскому руководству, но решать надо и Украина всеми средствами, и своими воз-

[1] Грузинское телевидение. Программа «Мацне», 9 апреля 1993 г. л. 3.
[2] Грузинское телевидение, 10 апреля 1993 г., лл. 2-3.
[3] Грузинское телевидение, 9 апреля 1993 г., л. 2.
[4] Грузинское телевидение, 12 апреля 1993 г., л. 2.

можностями готова помочь для политического решения. Ясно, что мы эту проблему тоже будем обсуждать о возможности участия Украины в политическом урегулировании конфликта на грузинской земле, привлечении участия других возможностей»[1]. Нужно подчеркнуть, что это происходило на фоне того, что в Киеве было распространено открытое письмо Президенту Украины Л. Кравчуку, подписанное 87 депутатами, с призывом в одностороннем порядке денонсировать Ялтинское соглашение от 3 августа 1992 г., и построить собственные военно-морские силы. На 4-м съезде Союза офицеров Украины 10 апреля министр обороны этой страны К. Морозов заявил: «Нужно побыстрее поделить боевые корабли Черноморского флота и вывести российскую часть из украинских портов и баз и ни в коем случае не соглашаться на аренду Россией украинской территории. И если за раздел Черноморского флота российская сторона требует именно такую цену, то будет поставлен вопрос о выводе с Украины всего Черноморского флота»[2].

12 апреля Э. Шеварднадзе прибыл с двухдневным визитом в Киев. В тот же день он встретился с глазу на глаз с президентом Украины Л. Кравчуком. 13 апреля проходили переговоры делегаций двух стран в полном составе[3]. В ходе этого визита было подписано 19 документов, регулировавших различные сферы двусторонних отношений. При этом итоги визита указывали на украинско-грузинское политическое сближение на фоне сложностей, имеющихся у этих стран в отношениях с Россией. Премьер-министр Грузии Т. Сигуа заявил в Киеве: «Для Грузии даже не так важны экономические и торговые контакты с Украиной, как политическое взаимодействие в тех вопросах, что касаются России... Молдова, Прибалтика, Украина и Грузия должны поставить Россию на место, пояснив ей, что она не старший брат». Шеварднадзе и

[1] Грузинское телевидение, 12 апреля 1993 г., л. 4.

[2] Независимая газета, № 69. – С. 3. // http://www. yeltsincenter. ru/digest/release/den-za-dnem-14-aprelya-1993-goda

[3] Газ. Коммерсантъ, № 67, 13 апреля 1993 г.

Кравчук подобных заявлений избегали. На пресс-конференции Кравчук и Шеварднадзе высказались за победу демократических сил в России. В ответ на просьбу Грузии Киев выразил готовность в рамках ООН или СБСЕ быть посредником в грузино-абхазском противостоянии. Об украинской военной помощи Грузии речь не шла. Среди экономических результатов переговоров важнейшим было решение о строительстве терминала в Поти, откуда иранская нефть танкерами перевозилась бы в одесский терминал. Это дало бы возможность использовать для транспортировки иранской нефти на Украину, идущие из Азербайджана в Грузию нефтепроводы[1].

Продолжением названной политики «поставить Россию на место» явилось посредничество Э. Шеварднадзе на прямых переговорах на высшем уровне между Арменией и Азербайджаном, состоявшихся 22 апреля в Анкаре. Пикантности ситуации добавляло и то, что Армения и Азербайджан прибегли к посредничеству Грузии после неудачной попытки выступить в этой роли России, которое имело место во время российско-грузинских переговоров в Сочи, закончившихся для грузинской стороны в целом неудачно. В этих обстоятельствах, Э. Шеварднадзе, безусловно, не мог не воспользоваться случаем, чтобы не обвинить перед западными политическими спонсорами «пресловутую» «третью сторону». В частности, глава Грузии, встречаясь с Премьер-министром Турции С. Демирелем, заявил: «Политическое урегулирование конфликта в Абхазии может быть достигнуто самими вовлеченными в него сторонами. Грузинам и абхазам нечего делить. К сожалению, действуя в своекорыстных интересах, внешняя сила срывает поиски путей к миру»[2]. О какой «внешней силе», мешающей поискам мира, говорил Э. Шеварднадзе, было ясно. Причем нужно заметить, что все это было достаточно «оригинально»: глава Грузии отправлял своих посланников за хлебом в Москву, и в то же время умудрялся

[1] Газ. Коммерсантъ, № 68, 14 апреля 1993 г.

[2] Газ. Демократическая Абхазия, № 23, 26 апреля 1993 г.

перед «цивилизованным» миром ругать Россию за ее имперские устремления.

24-25 апреля Э. Шеварднадзе принял руководителя миссии СБСЕ в Грузии И. Дьярмати. Стороны сошлись во мнении, что в последнее время сформировалось «несколько скептическое отношение к миротворческой миссии России, как с грузинской, так и с абхазской стороны». Однако глава Грузии выразил неудовлетворенность степенью участия ООН и миссии СБСЕ в урегулировании конфликта, призвав их к переходу «от сферы академической к реальной помощи»[1]. О позиции международного сообщества говорил 23 апреля 1993 г. и депутат Верховного Совета Абхазии Ю. Воронов с трибуны Центра Кавказоведения Лондонского университета. В его докладе, в частности, отмечалась необходимость «отказа ООН и других международных организаций от прямолинейного использования принципа «территориальной целостности» по отношению к тем республикам бывшего СССР, которые развязали войну против бывших автономий и иных территориально-этнических образований (продемонстрировав тем самым свою государственную несостоятельность), в признании права Абхазии и других подобных образований на самоопределение и равноправное участие во всех переговорах и акциях по восстановлению мира в регионе». Ю. Воронов подчеркнул, что «Абхазия является органической частью Северо-Западного Кавказа, что именно Шеварднадзе как глава Республики Грузия несет главную ответственность за уничтожение и разрушение народов бывшей советской Грузии, а прикрываемая его международным авторитетом преступная практика государственного терроризма и политического лавирования между Россией, Ираном и НАТО играют сегодня главную дестабилизирующую роль в Кавказском регионе»[2].

[1] Газ. Коммерсантъ, № 77, 27 апреля 1993 г.

[2] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // Юрий Воронов – свет и боль (сост. – редколлегия) М. – Сухум. 1999. – С. 299.

Позицией международных организаций в урегулировании грузино-абхазских отношений были недовольны и в России. Мнение аналитической группы под руководством генерала В. Ачалова при Организационном отделе Верховного Совета России, отразилось в докладе Президиуму Верховного Совета. В докладе говорилось, что Грузия, «будучи не в состоянии защититься от ближайших южных соседей, призовет НАТО заполнить всю имеющуюся там военную инфраструктуру, что приведет к тому, что в Абхазии будут дислоцированы ракеты и самолеты НАТО, нацеленные на Россию». Группа Ачалова считала несостоятельным тезис о «внутригосударственном характере грузино-абхазского конфликта» и не принимала во внимание ссылку Грузии на положения Заключительного акта Хельсинкского совещания о незыблемости границ бывших республик СССР. По мнению авторов названного доклада, претензии Грузии к Абхазии были неправомерны «ввиду отсутствия международно-правового договора, признающего Грузию в качестве самостоятельного государства» – факт же принятия Грузии в ООН таким актом не признается. В докладе также указывалось на то, что еще в августе 1990 г. Абхазия приняла Декларацию о суверенитете, а поэтому, приняв Грузию в ООН, международное сообщество эту декларацию нарушило[1].

У Грузии, по понятным причинам, была совсем иная позиция по отношению к роли международных организаций в грузино-абхазском противостоянии. В рассматриваемое время в интервью «Демократической Абхазии» Э. Шеварднадзе заявил: «Для ООН и ее СБ конфликт в Абхазии – не частный случай, локальный вопрос. В нем отражается опасная тенденция бесконечного дробления мира способного ввергнуть человечество в состояние перманентного хаоса и анархии со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для всеобщей безопасности. Поэтому ООН не остается безучастной и, как мне известно, готова осуществить более

[1] Газ. Коммерсантъ, № 77, 27 апреля 1993 г.

решительные меры»[1]. В готовность ООН к «более решительным действиям» Э. Шеварднадзе верил до последней минуты. Даже во время решающего штурма Сухума в сентябре 1993 г. он продолжал утверждать о прибытии военной помощи от западных стран. Наверное, будет не верно предполагать, что это было продиктовано исключительно наивностью Э. Шеварднадзе. Не исключено, что в рассматриваемое время ожидания грузинского лидера подогревались и поддерживались и некоторыми западными политиками, подтверждением чему может служить, разработанная в стенах ООН карта, судя по которой, большая часть Абхазии должна была быть присоединена к Грузии, а западные дипломаты открыто говорили о необходимости этнической чистки в той части Абхазии, которую они планировали передать Грузии. При этом, также необходимо учитывать, что все это привело бы к ослаблению позиций России в регионе, хотя, как уже говорилось, Запад к тому времени не желал открыто вмешиваться в вооруженное противостояние, что, конечно же, не означало отсутствия у западных стран стремления к утверждению на Кавказе своих далеко идущих геополитических интересов.

Еще 17 апреля Т. Надарейшвили, который успел перенести за это время микроинфаркт, по «абхазскому» телевидению заявил, что «хребет абхазским сепаратистам уже сломан, и война будет окончена в ближайшее время»[2]. 22 апреля Парламент Грузии принял обращение к абхазскому народу, где было выражено стремление к прекращению войны. В названном документе также говорилось, что война в Абхазии только на руку лишь реаниматорам «империи зла» и она инспирирована ими же[3]. В ответ на это, 24 апреля Верховный Совет Абхазии заявил: «Если парламент Грузии действительно отказался от силового решения проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии и искренен в своем заявлении о

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 23, 26 апреля 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. – С. 289.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. – С. 438.

необходимости прекращения войны, подтвердить это может вывод войск из Абхазии, механизм которого мы готовы обсудить»[1]. О сущности обращения Парламента Грузии говорит и тот факт, что через три дня после него был нанесен ракетно-бомбовый удар по Гудауте, ранее не подвергавшейся обстрелам. В заявлении Президиума ВС РА по этому поводу, сделанном 27 апреля, отмечалось, что «подобные действия свидетельствуют об истинных намерениях руководства Грузии, по-прежнему продолжающего делать ставку на силовом решении проблем грузино-абхазских взаимоотношений»[2]. Видимо, эту бомбардировку имел в виду Т. Надарейшвили, когда говорил: «Что касается Гудауты, мы его разбомбили дважды, разбомбили очень сильно. Один раз бомбили с воздуха, второй раз – с моря из системы «Град». Жертв много. Разрушений много»[3].

Говоря о сложившейся тогда обстановке, З. Папаскири сообщает: «Ситуация в Абхазии как в военном, так и в хозяйственно-административном отношении, оставалась весьма сложной. Не было должной взаимосвязи между военными и гражданскими властями. Это вынудило руководство Грузии пойти на создание единого военно-политического органа – Совета Обороны Абхазии, который должен был сосредоточить всю полноту власти, как военной, так и гражданской, в контролируемых грузинской стороной районах Абхазии». Решение об этом было принято 27 апреля в парламенте Грузии, где обсуждался абхазский вопрос. Председателем новой структуры был назначен Т. Надарейшвили, которому было присвоено звание генерал-майора. В состав Совета Обороны вошли: командир 23-й бригады генерал-майор Г. Адамия, мэр Сухума Г. Габескирия, министр внутренних дел Абхазии, полковник Д. Гулуа, командир 2-го армейского корпуса МО Грузии, генерал-майор В. Квирая, начальник Информационно-разведывательной службы

[1] Газ. Республика Абхазия, № 22, 29 апреля 1993 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. – С. 336.
[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. – С. 78.

Абхазии, первые зам. Председателя Совета министров Абхазии Л. Маршания и Р. Сичинава, командир 24-й бригады, генерал-майор З. Учадзе[1].

Уже на следующий день, 28 апреля, новоиспеченный генерал Т. Надарейшвили успел выступить по двум программам грузинского телевидения. Утром по «Алиони» он заявил, что это война, а не игра и поэтому надо переходить к более решительным шагам и очистить Гудауту, Гагру и Ткуарчал от врага. Программе «Вестник» Т. Надарейшвили сообщил следующее: «Мы не ведем войну, а играем в военные игры. С Ардзинба, Шамба, Озганом, а также и с другими мы на переговоры не пойдем, потому что они преступники, и их должен судить международный суд. Требование абхазской стороны о выводе грузинских войск из Абхазии неприемлемо, так как это означает вывод грузинских войск из Грузии. Сейчас войска в Абхазии укомплектованы местными жителями, и выходит, таким образом, что они должны покинуть родные места»[2]. В этот же день, Э. Шеварднадзе представил Надарейшвили оккупационным войскам в его новом качестве. Но главу Грузии ждал сюрприз, т. к. в тот же день СМИ передали информацию о том, что войска, верные Т. Китовани, перебрасываются в Тбилиси[3]. И в тот же день, 28 апреля, в Ставрополе Конфедерация народов Кавказа и Союз казаков Юга России подписали соглашение о принципах сотрудничества и взаимопомощи, о неприменении силы в решении спорных вопросов и региональных конфликтов[4].

В это же время, посол России в Грузии В. Земский в качестве очередной инициативы предложил Шеварднадзе провести встречу с участием Грузии, России и Абхазии[5]. Однако в Тбилиси «на высшем уровне» были заняты очередной политической кампанией. Во второй половине апреля МИД Грузии направил Российской Федерации ноту протеста, в котором говорилось, что «единственной основой для решения конфликта является безотлагательный вывод всех российских военных формирований из Абхазии». Грузинское внешнеполитическое ведомство заявляло: «В случае продолжения со стороны РФ явно враждебных действий, нарушающих суверенитет и территориальную целостность РГ, вся ответственность за последствия ляжет на российскую сторону. МИД РГ уполномочен заявить, что РГ будет вынуждена обратиться в Совет Безопасности ООН с просьбой срочно рассмотреть вопрос об агрессии РФ против РГ»[1]. 25 апреля в Тбилиси на собрании актива правоохранительных органов Грузии Э. Шеварднадзе заявил, что «в Грузии остаются сильнейшая резендентура и агентура» России[2]. В ответ на это, надо полагать, появилась информация о том, что Министерством безопасности Адыгеи «выявлены конкретные факты, свидетельствующие о проведении Информационно-разведывательной службой (ИРС) Грузии вербовочных акций в отношении российских граждан, жителей Адыгеи, оказавшихся в период обострения грузино-абхазского вооруженного конфликта в условиях изоляции на контролируемой грузинскими гвардейцами территории Абхазии»[3]. Тогда же в департаменте стран СНГ МИД России, посольстве России в Тбилиси и грузинском МИДе комментировать содержание последних российско-грузинских контактов отказались[4].

27 апреля Парламент Грузии принял Постановление «О выводе частей Российской Федерации из зоны Абхазского конфликта». В нем отмечалось, что «дислоцированный на территории Абхазской Автономной Республики контингент Вооруженных сил России активно участвует в военных действиях против Республики

---

1 Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. – С. 439-440.
2 Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 303.
3 Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 304.
4 http://www. panorama. ru/works/patr/kdoc/hro93. html
5 Газ. Коммерсантъ, № 77, 27 апреля 1993 г.

1 Газ. Демократическая Абхазия, № 23, 26 апреля 1993 г.
2 Газ. Демократическая Абхазия, № 26, 6 мая 1993 г.
3 Газ. Нарт, №14, апрель 1993 г.
4 Газ. Коммерсантъ, № 77, 27 апреля 1993 г.

Грузия» и что «Верховный Совет России неоднократно принимал постановления, грубо ущемляющее суверенитет государства Грузия». «Считая главной причиной трагического развития событий попытку Российской Федерации осуществить фактическую аннексию части территории Грузии», Парламент Грузии постановил: «1. Главе государства Грузия обратиться к Президенту Российской Федерации по поводу вывода войск России из Абхазии… 2. В случае невыполнения этого требования считать зону абхазского конфликта северо-западнее реки Гумиста вплоть до российско-грузинской границы – территорией, оккупированной Российской Федерацией, в связи с чем главе государства Грузия, правительству Грузия в Организации Объединенных Наций поставить в Совете Безопасности ООН и других международных организациях вопрос о приведении в действие механизмов, предусмотренных международным правом»[1]. Тем не менее, 28 апреля Э. Шеварднадзе заявил, что в России «завершился один из этапов политического процесса и теперь есть все основания предполагать, что правительство РФ будет соблюдать положения Итогового документа Московской встречи от 3 сентября»[2]. Глава Грузии, несмотря на периодические витки обострения российско-грузинского противостояния, традиционно рассматривал Б. Ельцина своим союзником. И победа Президента России на референдуме преподносилась Э. Шеварднадзе победой всех демократических сил, среди которых он видел, конечно же, и себя.

Однако результаты российского референдума при всем желании были не способны повлиять положительно на российско-грузинские отношения. 29 апреля МИД РФ принял специальное заявление, а послу Грузии была передана нота, в которой было собрано большое количество фактов, связанных с нападениями на российских военнослужащих и их гибелью, с положением русскоязычного населения, которое в Сухуме, по существу было «превращено в заложников»[1]. 30 апреля Совет обороны и Совет Министров оккупированной части Абхазии заявили, что «события последнего времени дают все больше оснований говорить о прямой агрессии России против суверенного Грузинского государства»[2]. 2 мая Совет обороны также возложил всю ответственность за продолжение войны «на гудаутское «правительство» и военное командование оперативной группы российских вооруженных сил, дислоцированных в Гудауте»[3]. В продолжение антироссийской риторики, 13 мая Т. Надарейшвили сообщил, что его «не интересует большая или маленькая страна – Россия, и дал приказ о том, чтобы та лаборатория и та часть (российская), которая находится в Сухуми, были уничтожены»[4].

Несмотря на все это, и Грузия, и Россия сошлись на необходимости встречи на высшем уровне, что, как представляется, было вызвано как глобальными, так и локальными обстоятельствами. И как следствие было объявлено, что 14 мая состоится встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина в Москве, где одной из ключевых тем должно было стать обсуждение путей разрешения грузино-абхазского военного противостояния. Антироссийская риторика к тому времени считалась правилом хорошего тона в среде военно-политического истеблишмента Грузии – с одной стороны, а с другой – в создавшихся тогда условиях Э. Шеварднадзе мог удержаться у власти только с помощью поддержки извне, в первую очередь, России, которую демонстрировала официальная Москва, несмотря на все видимые противоречия. Такая политика могла быть продиктована боязнью России, что в случае свержения Э. Шеварднадзе политика Грузии могла стать совсем непредсказуемой, что, в свою очередь, было хуже, чем попытки главы грузинского государства вести собственную игру на противоречиях Запада и России. И это

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. – С. 438–439.
[2] Газ. Демократическая Абхазия, № 25, 3 мая 1993 г.

[1] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. – С. 54.
[2] Газ. Демократическая Абхазия, № 26, 6 мая 1993 г.
[3] Газ. Демократическая Абхазия, № 26, 6 мая 1993 г.
[4] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. – С. 78.

обстоятельство, думается, сыграло немаловажную роль в определении места и сроков проведения российско-грузинской встречи на высшем уровне. Она должна была состояться в переломный для грузинского руководства момент. К тому времени противостояние Э. Шеварднадзе и Т. Китовани завершилось поражением последнего, который вместе с другим строптивцем Д. Иоселиани был, правда, с большими «почестями» отправлен в отставку. Но это еще не могло свидетельствовать о наступлении спокойствия вокруг грузинского «престола». Несмотря на оттеснение главных своих противников, позиции Э. Шеварднадзе в Грузии оставались весьма шаткими, и предсказать дальнейшее поведение, казалось бы, поверженных соперников было невозможно. Нельзя было забывать и о том, что и Т. Китовани и Д. Иоселиани до этого уже один раз были преданы политической анафеме Президентом Грузии З. Гамсахурдиа, но они тогда не только «воскресли» в большой грузинской политике, но и свергли своего обидчика.

В этих условиях задачей первостепенной важности становилось, несмотря на всю воинствующую риторику Э. Шеварднадзе, не победа в Абхазии, а удержание у власти в самой Грузии и обеспечение надежного тыла. Стоит особо отметить, что в рассматриваемое время мало кто из грузин мог поверить в правдоподобность, что какой бы то ни было политик способен удержаться у власти в Грузии не обеспечив «достойного завершения» войны с Абхазией. С учетом времени и контекста их проведения московские переговоры преследовали цель ни столько достижения каких-то конкретных результатов по текущим грузино-российским противоречиям или урегулировании абхазо-грузинской войны, а скорее были демонстрацией Россией поддержки Э. Шеварднадзе во внутригрузинском противостоянии. Это обстоятельство имело принципиальное значение и для Москвы, и для Э. Шеварднадзе. С одной стороны, главе Грузии необходимо было продемонстрировать свою твердую позицию внутри страны, заручившись поддержкой России, без которой, несмотря на всеобщую критику Москвы со стороны всех политических групп в Грузии, невозможно было решить проблему Абхазии, что к тому времени стало очевидно многим, и с чем уже невозможно было не считаться. Более того, последние события внутригрузинского противостояния показали, что Россия обладала достаточными рычагами давления и провоцирования дестабилизации внутри Грузии, что в условиях ведения Тбилиси войны фактически на два фронта, – на абхазском и мегрельском, – грозило ей полным фиаско.

С другой стороны, необходимо учитывать, что подобная позиция России могла быть продиктована и появлением нового фактора вокруг абхазо-грузинского вооруженного противостояния в лице Украины, заявившей о своей готовности под флагом ООН ввести в Абхазию миротворческие силы. И, наверное, неспроста Э. Шеварднадзе еще раз напомнил об этом 28 апреля, находясь в оккупированном Сухуме[1], куда он приехал для представления руководства вновь созданного Совета обороны Абхазии. Украина, стремилась, впрочем, как и сама Грузия, ассоциироваться с западной политикой, и данное заявление Киева могло быть демонстрацией позиции Запада по поводу создавшейся ситуации в регионе в целом, и в Грузии в частности. Запад к тому времени однозначно делал ставку на Э. Шеварднадзе, и это тогда не нуждалось в дополнительных доказательствах. В частности, 1 мая на встрече с главой Грузии руководитель делегации СБСЕ Х. Акинджи заявил: «Мы приложим все усилия, чтобы способствовать формированию в мире объективного общественного мнения на происходящие в Грузии процессы»[2]. В контексте сложившейся ситуации это означало, что СБСЕ было намерено лоббировать интересы Грузии и лично Э. Шеварднадзе. Не последнюю роль, видимо, сыграло и решение ООН более активно вмешаться в грузино-абхазское противостояние. В письме Генерального секретаря на имя Председателя Совета Безопасности ООН от 5 мая говорилось, что еще одна выездная мис-

[1] Газ. Демократическая Абхазия, № 25, 3 мая 1993 г.
[2] Газ. Демократическая Абхазия, № 26, 6 мая 1993 г.

сия «не явится адекватной мерой в попытке оживить мирный процесс», поэтому «необходимы более сконцентрированные меры». Одним из таковых Генсек считал назначение посла Э. Бруннера его специальным представителем по Грузии. В задачи спецпредставителя, согласно письменным заверениям Б. Гали, входили: «а) достижение соглашения о прекращении огня; б) оказания сторонам содействия в оживлении процесса переговоров с целью найти политическое решение конфликта; в) обеспечение поддержки со стороны соседних стран и других заинтересованных сторон в достижении вышеуказанных целей». Б. Гали также сообщал, что он «просил посла Бруннера представить доклад о достигнутых результатах по истечении первоначального периода в три месяца, после чего я приму решение о том, следует ли продолжить срок его назначения»[1].

За день до этого, 4 мая, на заседании грузинского Парламента Т. Китовани, которому оставалось пробыть на посту министра обороны менее двух суток, заявил: «Нам никто не даст оружия, ни НАТО, ни другие. Здесь мы должны начать политическую войну, должны вывести население из передних линий и усилить армию… Нам оружия никто не даст. И вы не думайте, что у нас нескончаемый запас боеприпасов. Мы можем оказаться в тупике»[2]. Данное выступление министра обороны Китовани вызвало большую панику в Сухуме. Об этом тогда заявил глава оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили. Он также сообщил: «Заседание Парламента Грузии 4 мая породило много тревог. Нам пришлось несколько раз выступить по телевизору, радио, имели встречи с населением города, сумели убедить народ в том, что нет никакой тревоги, что мы готовы и имеем достаточно сил защитить город. В тот же день, 4 мая, программа «Вести» передала информацию Кандиашвили о том, что в Тбилиси нет электроэнергии, отключены

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2008 гг. М., 2008. – С. 309.

[2] Газ. За наше Отечество, № 2, 14 мая 1993 г.

телефоны, не работает метро, создалось впечатление переворота в Тбилиси. Это больше всего напугало население, нам опять пришлось их успокаивать. Поэтому прошу всех парламентариев, официальные власти, работников массовой информации, чтобы перед тем, как сделать то или иное заявление проанализировать, какая ситуация создана сейчас, и только потом заявлять свое мнение. В противном случае я как Председатель Совета Обороны запрещу трансляцию Парламента Грузии на территории Абхазии, так как я считаю, что оно вредно воздействует на наше население»[1].

Тем временем, Президент МЧА и бывший председатель ККН Ю. Калмыков, один из организаторов добровольческого движения в поддержку Абхазии, был назначен заместителем министра юстиции РФ. По словам Президента КНК Ю. Шанибова, это означало «в определенной степени извинение руководства России, с сохранением лица, перед народами Кавказа»[2]. Может, это было не совсем извинением, но, по всей вероятности, некой демонстрацией пересмотра Москвой своей позиции относительно общественной деятельности Ю. Калмыкова. Следует помнить о том, что он был назначен руководителем того министерства, которое ранее объявило о незаконности добровольческого движения и о преследовании КНК.

5-6 мая в Майкопе, с участием представителей республик Северного Кавказа, состоялись российско-абхазские консультации по урегулированию войны в Абхазии. Российскую делегацию возглавлял Б. Пастухов, абхазскую – С. Джинджолия. Их приветствовал Президент Республики Адыгея А. Джаримов. В коммюнике о встрече было сказано: «Участники консультаций высказались за ускорение подготовки новой встречи на высшем уровне в формате Итогового документа от 3 сентября 1992 г., которой должна предшествовать интенсивная работа экспертов. Они обсудили

[1] Газ. За наше Отечество, № 2, 14 мая 1993 г.

[2] Абхазия: события 1992–1993 гг. в газете Северный Кавказ. Нальчик. 2008. – С. 129.

вопросы, которые могли бы найти отражение в решениях такой встречи»[1]. Названные события, думается, нужно рассматривать также в контексте взаимоотношений внутри политического квартета: Россия – Грузия – Абхазия – Северный Кавказ. После завершения консультаций, относительно вопросов подготовки их проведения, Б. Пастухов сказал: «Мы одновременно с руководством Абхазии высказали пожелание провести эту встречу в Майкопе, и нас с полуслова понял Президент А. Джаримов». В свете этого названное заявление заместителя министра иностранных дел России вряд ли верно рассматривать только как дань дипломатической вежливости. Это, скорее всего, был осознанный политический ход Москвы. Тем самым она показывала народам Северного Кавказа, что уважает и прислушивается к их мнению относительно событий в Абхазии.

Говоря о событиях и явлениях, обусловивших Московскую встречу, как представляется, нужно учитывать еще один существенный фактор. Наблюдая тенденцию к ужесточению позиции грузинского руководства и в ответ на мобилизацию населения оккупированной территории Абхазии, В. Ардзинба 7 мая заявил, что «если Грузия активизирует боевые действия, мы будем вынуждены обратиться за помощью к братским народам Северного Кавказа, попросить их о возобновлении записи добровольцев»[2]. Наверное, такая постановка вопроса абхазской стороной была еще одним стимулом для России создать какой-то документ, призванный сделать видимость начала урегулирования конфликта в Абхазии, так как именно кавказский фактор, несмотря на наличие остальных весьма существенных составляющих российских интересов, стоял особняком в этом процессе, поскольку от него зависело спокойствие в самой России. Это, как представляется, для российского политического истеблишмента становилось вопросом первостепенной важности. В противном случае, с учетом

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. М., 2008. – С. 273, 274.

[2] Газ. Труд, № 106, 7 мая 1993 г.

сложившихся тогда условий, при соперничестве Запада, интересы которого в регионе получали четкие очертания и втягивании в арену его геополитических интересов постсоветских государства, при фактическом отсутствии контроля Москвы над Чечней, возрастании недовольства среди кавказских народов, это грозило бы весьма печальными последствиями для территориальной целостности самой России.

11 мая Северный Кавказ с визитом посетила российская правительственная делегация в составе Председателя Совета Министров России В. Черномырдина, Председателя Совета Национальностей ВС России Р. Абдулатипова и Председателя Госкомфедерации С. Шахрая. Эта поездка была вызвана, скорее всего, итогами референдума по поддержке Президента России, которые оказались негативными для него. Доверие Президенту выразили: в Адыгее – 44%, в Кабардино-Балкарии – около 36%, в Карачаево-Черкесии – 26%, в Дагестане – 15%, а в Ингушетии всего лишь 2% принявших участие в голосовании, и лишь в Северной Осетии – более 60%. Одной из главных причин такого результата являлась позиция Президента России по абхазо-грузинской войне. После названной поездки В. Черномырдин заявил, что «стабильность на Кавказе представляет для руководства России особую важность»[1].

С другой стороны Москва названными действиями и заявлениями демонстрировала грузинским властям, что у России в регионе могут быть более важные «дела», чем неприкосновенность «территориальной целостности» Грузии. Думается, что названные обстоятельства не могли не привести к осознанию Тбилиси необходимости ослабления своей первоначальной позиции относительно военного присутствия России в Грузии и самой Грузии в СНГ. Ведь не на пустом месте появилось выступление посла Грузии в России В. Адвадзе, который с сожалением констатировал, что «с самого начала своего существования СНГ было заклеймено националистическими силами как попытка реставрации империи». И

[1] Газ. Коммерсантъ, № 88, 13 мая 1993 г.

это, по его словам, «осталось в сознании многих наших граждан, предубежденных против вхождения Грузии в СНГ». При этом дипломат более чем красноречиво добавил: «Лично я не считаю, что раз Грузия не в СНГ, а скажем Армения в СНГ, то у нас независимости больше, чем у них»[1]. Тем временем, 11 мая одной из групп «Мхедриони» в Кутаиси было совершено военное нападение на российскую войсковую часть. Та оказала сопротивление, в результате было убито и ранено несколько нападавших[2]. На второй день, 12 мая Э. Шеварднадзе заявил, что нападение организовано реакционными силами России, которые стремились сорвать его встречу с Ельциным[3]. Глава оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили 13 мая выступил с воинственными заявлениями в адрес России и ее войск, расквартированных в Абхазии. В тот же день, 13 мая, Э. Шеварднадзе заявил, что намечается ввод в Абхазию украинских миротворческих сил[4]. Но, это, все же, было, скорее привычной для грузинского лидера попыткой оказать давление на партнеров по переговорам накануне их проведения. Грузинский лидер к таким шагам прибегал неоднократно, но к его подобным маневрам все привыкли, и ему это прощалось как ребенку «невинная шалость». Ведь сила не в словах и пустых обещаниях и угрозах, а – в делах, или в способности «творить» их. На этом фоне 14 мая в Москве состоялась встреча Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, на которой был подписан документ, предусматривавший временное прекращение огня в Абхазии.

Россия, как уже говорилось, тогда обладала достаточно действенными рычагами давления на Тбилиси, но демонстративно игнорировать пожелания Запада, также, видимо, посчитала неполиткорректным. Но при этом, наверное, нужно исходить из того, что Москва, принимая решение о поддержке Э. Шеварднадзе, защищала, прежде всего, свои собственные интересы. А судьба грузинского лидера и пожелания Запада, по всей видимости, играли подчиненную роль. В действительности тогда положение Э. Шеварднадзе было тяжелым и непредсказуемым, о чем также свидетельствует его заявление по окончании встречи 14 мая о том, что он надеялся, что ее результатом будет «долгожданное потепление» в отношениях России и Грузии, однако «удалось достичь гораздо большего»[1]. Причем, под «гораздо большим» глава грузинского государства, судя по всему, имел в виду согласие Москвы на поставку в Грузию 150 тыс. тонн зерна в кредит[2]. Тбилиси также рассчитывал на кредит в 200 млрд. рублей, на получение которого, по словам Т. Сигуа, «в принципе» согласие главы российского правительства было получено[3].

Через несколько дней после встречи посол Грузии в России В. Адвадзе охарактеризовал состояние своей страны следующим образом: «Такую независимость, которая сегодня есть у Грузии, я врагу не пожелаю. Прекращены всяческие экономические связи с Россией, парламент России объявил нам экономический бойкот – все это ведет к утрате независимости, а не к ее укреплению»[4]. В таких условиях Москва решила лучшим выходом продемонстрировать поддержку грузинскому лидеру в столь сложный для него период. Тем самым Россия также отводила от себя всякие обвинения в поддержке Т. Китовани в его противостоянии с Шеварднадзе. С другой стороны, московская встреча была возможностью для России оказать, в очередной раз, поддержку Э. Шеварднадзе, не опасаясь опять быть подвергнутой обвинениям во вмешательстве во внутренние дела суверенного грузинского государства. О том, что эта встреча была продиктована стремлением сохранить ре-

[1] Газ. Иберия-Спектр, № 81, 8–14 июня 1993 г. – С. 14.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 322.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 323.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 325.

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. – С. 57.
[2] Газ. Республика Абхазия, № 26, 27 мая 1993 г.
[3] Газ. Коммерсантъ, № 90, 15 мая 1993 г.
[4] Газ. Иберия-Спектр, № 81, 8-14 июня 1993 г. – С. 14.

жим Э. Шеварднадзе говорилось и в Заявлении схода абхазского народа в Лыхны 20 июня 1993 года[1].

Между тем формат этой встречи был неприемлем как для Абхазии, так и для народов Северного Кавказа. Абхазская сторона заявила, что проведение подобной встречи «в условиях, когда руководство Грузии не собирается прекращать войну и выводить свои войска из Абхазии, …будет способствовать дальнейшему уничтожению людей и культуры в этом регионе». В силу этого обстоятельства 12 мая Президиум Верховного Совета Абхазии обратился к Президенту России с просьбой «воздержаться от встречи с Э. А. Шеварднадзе впредь до прекращения огня в Абхазии и вывода с ее территории оккупационных войск Грузии». В Абхазии, конечно же, понимали, что это их пожелание останется не учтенным, и поэтому в указанном обращении также говорилось: «Если же такая встреча с лидером государства, совершившего агрессию, все же состоится, Президиум ВС РА просит Вас дать согласие провести аналогичную встречу с главой Парламента Абхазии В. Г. Ардзинба сразу же после переговоров с лидером Грузии»[2]. Но и эта просьба абхазской стороны, впрочем, как и многие другие, не была выполнена. Накануне переговоров в Москве, 13 мая Т. Надарейшвили сообщил о невозможности переговоров с абхазской стороной. Он также с негодованием сообщил: «Может на моем уровне не решается этот вопрос, но за моей спиной идут какие-то переговоры о том, что мы должны сесть за стол переговоров, должны провести переговоры с Ардзинба и т. д. Этого еще никто мне не говорил, но если мне скажут это, я должен сказать, что это будет невозможно»[3]. Уже в день встречи в Москве Т. Надарейшвили пригрозил начать боевые действия против войск России, дислоцированных в Эшере и Гудауте. При этом он заявил: «Мы будем бомбить Гудауту. Для этого мне надо только дать приказ своим солдатам. Мы готовы идти вперед,

[1] Газ. Республика Абхазия, № 30, 24 июня 1993 г.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. – С. 343, 344.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. – С. 80.

и абхазы, среди которых начнется паника, переселятся в Москву и другие города России»[1].

Тем временем, сама встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина проходила за закрытыми дверями. Параллельно с главами государств вели диалог премьер-министры, а затем состоялась общая беседа членов делегаций. Стороны согласились ускорить подготовку к повторной встрече на высшем уровне по Абхазии, а также высказались за активизацию роли ООН и СБСЕ в мирном урегулировании конфликта. На встрече было достигнуто Соглашение о прекращении огня в Абхазии с 20 мая. Кроме того, соглашением было предусмотрено с 25 мая прекращение полетов грузинских, абхазских и российских военных самолетов и вертолетов в зоне конфликта. Стороны также договорились ускорить подготовку документов к повторной встрече лидеров Грузии, Абхазии и России на основе Московских соглашений от 3 сентября 1992 г. [2]. По окончании переговоров Президент России заявил, что «сначала будет прекращен огонь, а с середины июня начнется вывод тяжелой техники из зоны конфликта»[3]. Б. Ельцин и Э. Шеварднадзе договорились, что у них будут личные представители в Абхазии. И уже в тот же день Б. Пастухов был назначен специальным представителем Президента России по грузино-абхазскому вооруженному противостоянию, что могло свидетельствовать о более пристальном внимании России к войне в Абхазии. Хотя внешне все говорило о неизменности позиции Москвы, но данный демарш мог быть политическим шагом, призванным продемонстрировать некое, хотя и неофициальное, повышение интереса к позиции абхазской стороны со стороны российского руководства. Личным и полномочным представителем Э. Шеварднадзе «по урегулированию конфликтов в Абхазии и Цхинвалском регионе» 17 мая был назначен А. Кавсадзе. Последний после своего назначения высказал очень

[1] Газ. Коммерсантъ, № 90, 15 мая 1993 г.

[2] Газ. Коммерсантъ, № 90, 15 мая 1993 г.

[3] Газ. Демократическая Абхазия, № 28, 16 мая 1993 г.

странную мысль о том, что «конфликт в Абхазии подступил к той грани, когда становится невозможной общая жизнь на этой земле людей, связанных многовековой историей, и разрешить этот конфликт можно только мирным путем»[1].

Не в пример ему, накануне, 16 мая, В. Ардзинба вполне понятно заявил: «Мы готовы прекратить огонь, если из Абхазии будет выведена тяжелая техника»[2]. Тем временем, еще 15 мая в Москве состоялась встреча министров обороны России и Грузии. По мнению министра обороны Грузии Г. Каркарашвили, наиболее значительным результатом этой встречи явилась договоренность о демонтаже российской сейсмической лаборатории в Нижних Эшерах, а также о выводе с ее территории российского десантного батальона. Министры также подтвердили ранее достигнутую договоренность о выводе к концу 1995 г. с территории Грузии российских войск. Г. Каркарашвили даже заявил о готовности грузинского министерства обороны нести ответственность за любые нападения на российские войска, если будет принято решение об их скорейшем выводе. На этой встрече министров обороны России и Грузии была создана совместная группа военных экспертов, которая приступила к работе 17 мая. Совместной группе, под руководством А. Галкина и Л. Шарашенидзе, вменялась в обязанность разработать взаимоприемлемые предложения по урегулированию ситуации в Абхазии, а также проведение консультации по проблеме пребывания российских войск на территории Грузии[3].

Тем временем, в Тбилиси итоги переговоров между Шеварднадзе и Ельциным были восприняты неоднозначно. Например, бывший министр обороны Грузии Т. Китовани заявил, что решение о выводе тяжелой техники и артиллерии из зоны конфликта – большая ошибка, так как это, по его словам, приведет к потере Сухума. А центристы парламента выразили сомнение в успехе переговоров в Москве и заявили, что необходимо потребовать немедленного вывода российских войск из Грузии. Сам Э. Шеварднадзе, комментируя итоги переговоров в Москве, заявил, что не строит иллюзий на их счет, и что никаких гарантий у грузинской стороны нет. Однако, как отметил глава грузинского государства, «процесс пошел, и все зависит от поведения России после 20 мая». Главный же итог встречи, по его мнению, состоял в том, что конфронтация с соседним государством, т. е. Россией прекратилась[1].

Хотя решение о перемирии было принято без участия Абхазии, В. Ардзинба 19 мая издал приказ о прекращении огня на всех фронтах абхазо-грузинской войны с 20 мая 1993 г. Тогда же аналогичный приказ был отдан и министром обороны Грузии Г. Каркарашвили. Комментируя эти решения, Э. Шеварднадзе в интервью газете «Свободная Грузия» заявил: «Я приветствую аналогичный шаг, предпринятый гудаутским руководством, и выражаю надежду, что эти приказы будут выполнены неукоснительно… Со стороны Грузии гарантом этого выступаю я, а со стороны России таким гарантом выступает ее президент... Нет и не может быть Абхазии без мирного сожительства абхазов и грузин, как, и не может быть Грузии без ее неотъемлемой составляющей – Абхазии»[2]. Однако накануне, 19 мая вечером во время встречи с Б. Пастуховым, Ардзинба снова заявил, что урегулирование в Абазии возможно только при условии вывода грузинских войск. В то же время грузинская сторона, считая Абхазию неотъемлемой частью Грузии, не была намерена выводить свои воинские подразделения. И в соответствии с этой стратегией, она стремилась использовать прекращение огня для активизации работ по переброске дополнительных сил в зону конфликта, особенно в оккупированный Сухум[3]. Позже, 20 июня участники схода абхазского народа в Лыхны назвали договоренности в Москве «передышкой, необходимой Шеварднадзе и его

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 355.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 329.
[3] Газ. Коммерсантъ, № 91, 18 мая 1993 г.

[1] Газ. Коммерсантъ, № 94, 21 мая 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 358.
[3] Газ. Республика Абхази», № 26, 27 мая 1993 г.

окружению для самосохранения». Тогда в обращении форума к В. Ардзинба констатировалось, что «этот временный мир, который нам пытаются навязать в Тбилиси и Москве, будет означать продолжение войны»[1].

О том, что московские переговоры носили более демонстративный характер, нежели были направлены на достижение конкретных результатов, свидетельствуют и противоречивые высказывания их участников. По ним чувствовалась, что Э. Шеварднадзе был не совсем уверен в своих силах и его обычная риторика, граничившая с бравадой, на этот раз отсутствовала. В ответ на заявление Б. Ельцина о выводе в июне грузинской боевой техники с территории Абхазии, глава Госсовета отреагировал, что результаты встречи превзошли его ожидания. В этом, судя по всему, просматриваются некоторые подводные камни, сопровождавшие эти переговоры. Россия, уже проведением самой встречи, оказывая большую поддержку Э. Шеварднадзе, что было необходимо ему для укрепления авторитета в своей стране, в то же время, не могла не воспользоваться этим обстоятельством для политического давления на Тбилиси. О давлении на Грузию со стороны России, и как следствие, некотором ее послаблении по отношению к Абхазии свидетельствует и следующее высказывание Б. Ельцина после встречи 14 мая: «Я заверил Э. Шеварднадзе, что наша позиция неизменна, это: целостность Грузии, однако и абхазцы должны чувствовать уважение своих прав. Здесь надо подумать о разграничении функций»[2]. Спустя несколько дней с необходимостью разграничения компетенции между центром и автономиями также согласился и посол Грузии в России В. Адвадзе[3]. Грузинский представитель в Москве считал нужным повторить высказывание Президента России, что могло свидетельствовать о его осознании необходимости возвращения Грузии в фарватер российской политики.

[1] Газ. Республика Абхазия, № 30, 24 июня 1993 г.
[2] Газ. Демократическая Абхазия, № 28, 16 мая 1993 г.
[3] Газ. Иберия-Спектр, № 81, 8–14 июня 1993 г. – С. 14.

Хотя уже 15 мая В. Ардзинба выразил признательность и благодарность Президенту России за «твердую, принципиальную позицию относительно прекращения войны в Абхазии»[1], однако было понятно, что эти переговоры были политической игрой, направленной на достижение целей, далеких от интересов абхазской стороны. И уже тогда было ясно, что подобным политическим торгом, тем более без участия Абхазии, не удастся решить вопрос урегулирования абхазо-грузинского вооруженного противостояния. Переговорами был недоволен и бывший Президент Грузии З. Гамсахурдиа, но, как понятно, совсем по другому поводу. 15 мая он выступил с заявлением, в котором отмечалось: «Если РФ реально стремится к мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта, она не должна поддерживать его виновников. Она должна порвать дипломатические отношения с преступным режимом, признать законную, конституционную власть Грузии и вести с ней переговоры. Без этого немыслимо прекращение войны между грузинами и абхазами и восстановление мира и стабильности в Грузии»[2]. Несмотря на подобное заявление, рассматриваемое время было очередным кратковременным периодом перехода звиадистов на сторону официального Тбилиси, и участия военных подразделений из Мегрелии в боях в Абхазии. В частности, на Очамчырско-Ткуарчальском направлении за «территориальную целостность» Грузии сражался отряд Л. Кобалия, что, по словам Э. Шеварднадзе, имело «большое политическое, психологическое и моральное значение»[3]. Это примирение, как и все предыдущие, было очень кратковременным, и уже 24 июня тот же Л. Кобалия захватил с. Цаиши Зугдидского района и заявил о готовности идти походом на Тбилиси.

Между тем, встречу 14 мая в Москве можно назвать неким промежуточным финишем в абхазо-грузинской войне. При этом

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. – С. 345.
[2] Газ. Иберия-Спектр, № 80, 1–7 июня 1993 г. – С. 4.
[3] Газ. Демократическая Абхазия, № 25, 3 мая 1993 г.

нужно рассматривать все вопросы через призмы интересов, целей и средств трех заинтересованных сторон – Абхазии, Грузии и России – и их трансформаций. Еще на переговорах в Сочи 6–9 апреля российская делегация согласилась вывести свои войска из Грузии до конца 1995 г., а из Абхазии – отказалась. А 5–6 мая последовала абхазо-российская встреча, само проведение которой уже свидетельствовало о признании Москвой за Абхазией, некоего более высокого статуса, нежели строптивой, но рядовой автономной единицы целостной Грузии. А в Соглашении от 14 мая говорилось уже о выводе грузинской тяжелой техники из Абхазии. Так что получалось: грош цена «территориальной целостности» Грузии, незыблемость которой поддерживал на словах Б. Ельцин?! Однако необходимо учитывать, что все это была только видимая, малая часть айсберга. На самом же деле, Россия никогда не стремилась вывести войска из Грузии: во-первых, некуда было девать те войска, выведенные ранее из других стран; во-вторых, и главное, Россия, несмотря ни на что, не желала уменьшать свой военный потенциал в Ближнем зарубежье. А договор о выводе войск до 1995 г. был подписан, вероятно, с целью пресечения обвинений в экспансионистских намерениях России по отношению к странам, стремившимся к упрочению своей независимости. Причем эти обвинения имели место в Грузии непрерывно, начиная с 1988 г. и получали поддержку на Западе. Теперь не вывод своих войск из Абхазии Россия могла мотивировать перед Западом миротворческими функциями в грузино-абхазском вооруженном противостоянии. А тогда западное сообщество пока было не готово с открытым забралом ринуться отстаивать свои интересы в Грузии, поскольку Запад, хотя и молчаливо, но все же признавал этот регион сферой влияния и зоной ответственности России. И в Москве прекрасно понимали, что Грузия долго не продержится на демагогии Э. Шеварднадзе о поддержке со стороны мирового сообщества, и, в конце концов, она повернется лицом к России. При этом, было очевидно, что Абхазия оставалась в руках у России «козырной картой» в борьбе за усмирение слишком уж зазнавшейся Грузии, которая то и дело предпринимала попытки разрешить «абхазский вопрос» без участия «великого северного соседа», и вообще выйти из-под политического контроля Москвы. Политика России сводилась, вероятно, к следующему: если Грузия будет под Россией, то и Абхазия будет в составе Грузии; если же Грузия попытается отойти от России, то и Абхазия может уйти от Грузии, а как это могло быть осуществлено – де-факто или де-юре – вопрос второй. Этот достаточно бесхитростный расклад очень долго и упорно российские политики старались довести до сознания правителей Грузии. Но те не желали понимать этого, при этом периодически шантажируя Россию и обращаясь за поддержкой к Западу. Однако на тот временной промежуток мир уже был поделен, и великие державы только готовились к очередному его витку. Но такие важные события не делаются так быстро, как того желали бы грузинские политики. Очередной виток передела мира тогда начинался на Балканах, что неизменно перекинулось бы и на Кавказ, но для этого требовалось время, а у Грузии его тогда не было.

Между тем, 18 мая Генеральный секретарь ОНН М. ван В. Праг прислал письмо на имя Председателя Верховного Совета Абхазии, в котором предлагал «активизировать поиски путей мирного урегулирования в Абхазии». В ответном послании В. Ардзинба отмечалось о совпадении позиций руководства Абхазии и ОНН. Абхазия со своей стороны предложила посредничество Организации Непредставленных народов, которая, по ее мнению, была хорошо информирована о ситуации здесь и в силу этого пользуется доверием. Спецпредставитель Генсека ООН Э. Бруннер чуть позже согласился на это, хотя и без особого энтузиазма, подчеркнув, что ОНН – это неправительственная организация[1]. А за день до этого, 17 мая было создано Министерство иностранных дел Республики Абхазия – ведомство являющееся атрибутом независимого государства.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. – С. 351.

Как это стало традицией, перед приездом очередной миссии ООН, дабы продемонстрировать свою приверженность к Международному праву, грузинский Парламент принял постановление о присоединении Грузии к Международной конвенции ООН «О предупреждении преступлений геноцида и наказания за него» (Конвенция от 9 ноября 1948 г), о чем незамедлительно был поставлен в известность Генсек ООН[1]. Этот документ предусматривает: «Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: a) убийство членов такой группы; b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Статья III. Наказуемы следующие деяния: a) геноцид; b) заговор с целью совершения геноцида; c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде»[2]. По этой Конвенции ответственность за преступления в Абхазии должна была нести сама Грузия. Однако это тогда, да и затем мало кого интересовало.

Между тем, 20 мая в Тбилиси прибыл специальный посланник Генерального секретаря ООН Э. Бруннер. Он имел встречу в Тбилиси с Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, А. Кавсадзе, Г. Каркарашвили. Затем в Сухуме с Т. Надареишвили, с представителями Комитета спасения Абхазии и членами Совета национального единства[3]. Тем временем, 21 мая в обращении В. Ардзинба Генеральному секретарю ООН были обозначены магистральные пути развития абхазского государства в послевоенное время. В документе подчеркивалось, что, после всего, что произошло, уже будет невозможно вернуться к тому, что было вполне реально до войны. Относительно будущего политического статуса Абхазии, в письме ее лидера отмечалось, что «приемлемым для абсолютного большинства жителей республики, можно рассматривать следующие варианты: а) нейтральное демилитаризованное государство, чья независимость гарантирована ООН или иной международной организацией; б) суверенное государство под покровительством (опекой) России; в) суверенное государство, состоящее в конфедеративных отношениях с Республикой Грузия (хотя последний вариант теперь будет иметь много противников среди граждан Абхазии – негрузин и вряд ли получит достаточную поддержку на референдуме или опросе). В письме В. Ардзинба Генсеку ООН от 21 мая говорилось о желательности «предоставления лидерам Абхазии возможности выступить в ООН, СБСЕ, Совете Европы или в какой-либо другой организации»[1]. В документе также сообщалось, что «в настоящее время ведется работа над несколькими проектами Конституции Республики Абхазия». И уже в середине июня один из таких проектов, провозглашавший Абхазию «суверенным, демократическим, правовым государством», был опубликован в печати[2].

22 мая из Тбилиси в Гудауту прибыл спецпосланник Генсека ООН Э. Бруннер, который предложил провести встречу противоборствующих сторон под эгидой ООН. В. Ардзинба в беседе с журналистом А. Карауловым по поводу названной встречи, отмечал: «Мы, во-первых, внесли соответствующие предложения, они переданы недавно побывавшему у нас представителю, послу по особым поручениям, господину Бруннеру. Эти предложения доведены до грузинской и российской сторон, они представляют со-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. – С. 360.

[2] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.) // http://base. garant. ru/2540376/.

[3] Документы ООН по Абхазии (1992–2009 гг.). Часть 2(1). Сухум. – С. 25.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. – С. 347, 349.

[2] Газ. Бзыбь, № 36, 16 июня 1993 г.

бой план мирного цивилизованного решения проблемы войны в Абхазии. Они включают в себя, в частности, отвод войск с линии противостояния, затем вывод всех войск с территории Абхазии, введение миротворческих сил, возобновление работы законных органов власти, создание необходимых условий для возвращения людей в места их постоянного проживания и естественно вопрос о компенсации того ущерба, который нанесен Абхазии Республикой Грузия»[1]. При этом интересно проиллюстрировать, как это было воспринято Генеральным секретарем ООН. Б. Гали, позже говоря об этой встрече Э. Бруннера с В. Ардзинба, сказал, что «абхазская сторона потребовала также политического восстановления власти, которую они считают законной властью Абхазии»[2]. Таким образом, Генеральный секретарь ООН дал понять, что в случае с Абхазией он не считал власти, вынужденно отстаивавшие права своего народа вооруженным путем, не законными. Это было очередным проявлением двойных стандартов, ибо в то же время 26 мая 1993 года Резолюция 828 Совета Безопасности ООН рекомендовала Генеральной Ассамблее принять Эритрею в члены Организации Объединенных Наций[3], на основании чего Эритрея была принята в ООН 28 июля 1993 г.

Тем временем, 21 мая в Гудауту прибыл заместитель министра иностранных дел Б. Пастухов в качестве спецпредставителя Президента РФ. Это могло быть свидетельством демонстрации наличия у России серьезных намерений в регионе и решимости Москвы более последовательно защищать и претворять в жизнь свои интересы в зоне конфликта. Наряду с назначением спецпредставителя Президента в зоне вооруженного противостояния, Россия, по всей видимости, вернулась к некой политике умиротворения, или ее видимости, агрессивной Грузии. 24 мая над с. Сакен Гульрипшского района Абхазии был сбит российский вертолет МИ-8,

[1] http://www. ardzinba. com/politics. php?ELEMENT_ID=106
[2] Документы ООН по Абхазии (1992–2009 гг.). Часть 2(1). Сухум. – С. 26.
[3] http://www. un. org/russian/documen/scresol/res1993/res828. htm

перевозивший гуманитарный груз из Теберды в Ткурчал. Погибло пять членов экипажа, но официальная Россия отреагировала очень сдержанно. В то же время, ВС РФ отказался рассматривать проект документа по поводу претворения в жизнь его же Постановления «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии», предложенный на обсуждение депутатом У. Темировым[1]. Москва, несмотря на протесты абхазской стороны и части интеллигенции России[2], продолжала демонстрировать свою готовность заключить всеобъемлющий договор с Грузией. Это тогда, когда в выступлении Б. Ельцина 14 мая недвусмысленно было заявлено о том, что подписание всеобъемлющего договора между Грузией и Россией станет возможным, только если процесс урегулирования в Абхазии «пройдет успешно»[3].

В связи с этим интересны свидетельства В. Ардзинба, который в беседе с российским журналистом А. Карауловым, имея в виду события, последовавшие после подписания коммюнике от 14 мая, отмечал: «Выясняется, из уст тех, которые участвуют с грузинской стороны, что во время переговоров обсуждался вопрос о выводе лаборатории Эшерской и что якобы есть такое решение. Кроме того, недавно мне звонил Шеварднадзе и на вопрос о том, когда же начнется, как это и сказано в коммюнике, вывод тяжелой техники с территории Абхазии, он заявил, что этот вопрос должен решаться одновременно с выводом российских войск с территории Абхазии. На мой вопрос – разве здесь есть какая-то связь? Да, – сказал он, – такая связь есть, мы об этом уже говорили, скоро приедет к нам военная делегация России, и мы этот вопрос решим. И действительно, в последнее время стала поступать информация, что якобы действительно принимается решение о выводе войск с территории Абхазии. Вроде бы есть один уровень переговоров, одна информация, а за этим какая-то другая. Мы, естественно, по

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.
[2] Песнь мужества. Сухум. 1996. С. 213, 214.
[3] Газ. Демократическая Абхазия, № 28, 16 мая 1993 г.

этому поводу испытываем большое беспокойство: как же на самом деле? Ведь четкая позиция была заявлена руководством России: пока не будет решена проблема Абхазии, мирное решение этой проблемы, не будет подписан договор с Грузией. Между тем, есть сведения, мы надеемся, что они не достоверные, о том, что действительно готовится подписание этого договора и, что прекращение огня фактически необходимо грузинской стороне для создания видимости того, что в Абхазии все пошло к миру и можно уже договор подписывать. Но дело в том, что, подписав этот договор, Грузия получит более 250 миллиардов рублей, она получит экономическую помощь и главное получит оружие. Тогда, получив все это, она с новой силой возобновит войну в Абхазии»[1].

В силу всего этого Московская встреча 14 мая 1993 года руководителей России и Грузии и достигнутое на ней соглашение были не в состоянии повлиять существенно на абхазо-грузинское вооруженное противостояние, более того, вскоре началась новая фаза войны в Абхазии.

[1] http://www. ardzinba. com/politics. php?ELEMENT_ID=106

Д. Т. Ачугба
Сухум

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Жизнь и деятельность Георгия Алексеевича Дзидзария – яркий пример служения обществу, своему народу и, конечно же, науке, где он достиг высочайших результатов и широкого признания. Его научные изыскания по проблемам абхазского народа в XIX–XX вв., истории Абхазии, роли учёных и их «трудов и исследований в решении конкретных социально-экономических и научно-практических проблем Абхазии»[1], актуальны и сегодня. Особенно когда речь идёт о поиске верных путей решения проблем современного Абхазского государства, вызванных как т. н. проблемами роста, хотя, истории абхазской государственности больше 12 веков, так и региональными и глобальными геополитическими противоречиями.

К примеру, исследуя проблемы махаджирства, т. е. выселение коренных народов Кавказа, в частности абхазов, как и колонизации Абхазии царской Россией, Г. А. Дзидзария во многом связывал их как с расширением торгово-экономической связи России с соседними странами, так и глобальными геополитическими процессами того периода[2].

[1] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. Сухум. 2006. – С. 248.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум. 1982. – С. 3 – 4.

Не углубляясь в причины, вызвавшие те или иные действия Российской империи в отношении Кавказа в целом и Абхазии в частности, рассмотрим некоторые аспекты глобальных геополитических противоречий и проблем, стоящих перед Абхазией сегодня, отмечая необходимость достоверного познания истории не для провоцирования каких-либо конфликтов, а для их упреждении.

Введенные Марксом и Энгельсом в науку понятия базис и надстройка, и вытекающие из этого объяснения идеологического характера конфликтности между надстройками с различным базисом, а именно между государствами с различными формациями, идеологией, философией, несмотря на развал СССР и распад Варшавского договора, тотальный переход к рыночным отношениям – налицо эскалация геополитических противоречий. Вместе с тем, никто не оспаривает тезис, что, «изменение надстройки не происходит автоматически, вслед за изменением базиса».

На фоне экологического, ресурсного, демографического, социального, геополитического кризисов, как и кризиса перепроизводства, ряд развитых стран Запада во главе с США, объединённых в военно-политический блок – НАТО (основанного 4 апреля 1949 года, чтобы защитить Европу от советского влияния), проводят глобальную политику принуждения к новому мировому порядку, где они намерены взять под свой экономический, политический, а при «необходимости» и военный контроль, все иные им интересные субъекты международного права – государства с их всевозможными ресурсами (в первую очередь, это природные богатства, людские ресурсы, транспортная и иная инфраструктура), а так же международные организации, где одним из главных препятствий выступает РФ.

В апреле 2006 года, отвечая на вопросы газеты «Московские новости» А. И. Солженицын заявил: «НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат – на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга. Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка цветных революций, парадоксальное

внедрение Северо-атлантических интересов – в Центральную Азию. Всё это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета»[1].

Здесь следует отметить, по-видимому, особую роль крупнейших транснациональных корпораций, и степень их влияния на политику государств, проводящих во главе с США агрессивную проективную политику и обострение межгосударственных отношений по всему миру, и это тема для отдельного исследования.

К примеру, ФРС США и ЕЦБ ЕС, ведут активную эмиссионную политику. Около 80% этих финансов направлены на то, чтобы скупать по всему миру природные богатства, а где не подчиняются, там устраиваются «цветные революции», и/или применяется военная сила, часто без каких-либо на то санкций, в нарушение или полном игнорировании норм международного права. Печальные тому римеры Афганистана, Ирака, Югославии, Ливии, Сирии, а теперь и Украины.

Примечательны слова первого генерального секретаря Исмэя Гастингса о том, что цель создания НАТО: «…удерживать русских в стороне, американцев внутри, а немцев под»[2]. Как и нынешнего Генсека НАТО А. Ф. Расмуссена, который в апреле 2014 года призвал европейских членов НАТО к увеличению расходов на оборону, в качестве реакции на обострение российско-украинских отношений[3].

Хотя очевидно, что это не российско-украинский конфликт, а обострение внутриполитической обстановки и государственный переворот, в связи с вмешательством спецслужб США, других стран-членов НАТО, как и их политиков, во внутренние дела Украины.

На этом фоне нарастания внешнего воздействия США и её партнеров, часто поддерживающих американскую политику даже когда это, как заявила Канцлер Германии А. Меркель – «не соответствует их желаниям» (Меркель на встрече с Обамой, 1-й канал, 3

[1] Газ. «Московские новости», 14 апреля 2006 г.
[2] http://ru. m. wikipedia. org/wiki.
[3] http://ref. rushkolnik. ru/v43374/?page=3.

мая 2014 г.), практически на все виды/категории субъектов международного права, не подчиняющихся их воле, где наиболее остро выделяется фактическое, грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, воздействие на неподчиняющиеся им страны, международные организации, и народы, в той, или иной степени сопровождаемое поддержкой внутренних актёров, актуальны – понимание механики этих процессов, и выработка защитных мер, обеспечивающих защиту сохранения мира и защиту коренных интересов народов и государств. Здесь роль РФ, проводящей политику развития суверенной демократии, получает особую значимость, ввиду приверженности строгому соблюдению норм международного права, как ею самой, так и всеми субъектами международного права.

Очевидно, что без коллективных согласованных усилий, наращиваемый риск подвергнет десуверенизации, возрастёт несоразмерно собственным силам. В этой связи, признание РФ государственной независимости Абхазии, создавшее новые условия для мира в Абхазии, дальнейшего развития равноправного стратегического партнерства, несомненно, является вопросом стабильности Абхазии относительно большей части внешнего воздействия, и предсказуемости перспектив.

Таким образом, можно подвести определенные итоги эпохи Владислава Ардзинба, основателя и Первого Президента Республики Абхазия, чья политика привела к успехам в национально-освободительной борьбе абхазского народа за Свободу и Независимость.

Задача Абхазии сегодня сохранить преемственность линии Ардзинба и во внешней и внутренней политике. Одно из ключевых условий сохранения достигнутых высот и дальнейших успехов Абхазии, эффективно использовать собственный ресурсный и кадровый потенциал и ту разностороннюю помощь, которую оказывает Российская Федерация, направить на развитие науки, образования, медицины, реального сектора экономики и т. д. Необходимо сбалансированное разделение между государственной, частной и смешенной собственностью, сохраняя основные фонды за государством, как и права регулирования рынка. Без этого, будущее Абхазии весьма туманно, и пока, каких-либо реальных сдвигов в этих направлениях, подмененных большей частью видимостью социально-ориентированной политики, наблюдать не приходиться. Конечно, нужны и школы и детсады, и театры, но в отсутствие реальных доходов, их содержание ложится непосильным бременем на бюджет, а железнодорожные и банковские кредиты, ещё больше усугубляют положение.

Из предварительного анализа бюджета РА, очевидна утрата у власти интереса к сельскому хозяйству и селу не только как к основному поставщику всевозможной сельхозпродукции, но и как к главному субъекту занятости населения, очагу развития абхазского языка, культуры, демографии и мн. др.

К примеру, в расходной части бюджета Абхазии на 2012 год расходы: на социально-культурные мероприятия – 1,21 млрд. руб., на социальное обеспечение – 105 млн. рублей, на восстановление и развитие сельского хозяйства – 61,83 млн. рублей. В бюджете 2013 и 2014 гг. наблюдается подобная тенденция. Более того, на сельское хозяйство выделяется все меньше средств.

Отмеченные проблемы развития Абхазии во многом схожи с теми, на которые в своё время указывал Г. А. Дзидзария. Это научный подход и практическое применение её достижений развития не только самой науки, образования, просвещения всех слоев общества, но и в развитии сельского хозяйства, национальной экономики в целом, где «строжайший всенародный учет за производством и распределением продуктов является одним из важнейших… принципов правильного ведения народного хозяйства и развития культуры», в связи с чем, он проявлял озабоченность качеством организации работы управления статистики (ЦСУ – Центральное статистическое управление). Он со знанием дела ратовал за привлечение ученых и их «трудов и исследований... в решении конкретных социально-экономических и научно-прак-

тических проблем» Абхазии[1]. По его словам, «необходимо создать мощный единый комплексный сельскохозяйственный научно-исследовательский институт»[2].

К сожалению, научный потенциал Абхазии не задействован в развитии национальной экономики. Есть Российский комплексный план содействия социально-экономическому развитию Абхазии, основанный на предложениях абхазских властей, но нет конкретного плана экономического развития Абхазии, даже и концепции нет.

Более того, одной из ключевых проблем Абхазии стало распространение юрисдикции Грузии, посредством легализации и массовой незаконной паспортизации граждан Грузии, в большей части бесконтрольно проникших на территорию Абхазии, и не принявших условий возвращения, на которых в свое время настаивал В. Г. Ардзинба, чтобы не допустить того самого распространения юрисдикции Грузии на Абхазию и превращения Абхазии во второе грузинское государство. Эти процессы уже подходят к критической отметке, подрывая основы конституционного строя Абхазии, и изменения конституционного строя Абхазии. И если Грузия, при поддержке НАТО, решит взять под свою «защиту» граждан Грузии в Абхазии, войны в Абхазии избежать будет крайне сложно, а крымский прецедент может получить Галский вариант, но уже в натовской «редакции».

Кстати, Грузия выступает за размещение американских систем противовоздушной обороны на своей территории, а также других стран-аспирантов НАТО, заявил министр обороны Грузии Ираклий Аласания, в ходе международной конференции в Атлантическом совете в Вашингтоне «Единая и Свободная Европа». Он считает, что «такая мера является адекватным ответом на агрессию России в Украине»[3]. А грузинская концепция стратегии «Вовлечение без признания» ориентирована именно на неоколонизацию Абхазии.

[1] Дзидзария. Труды. Т. III, Сухум. 2006. – С. 248.
[2] Там же. – С. 358.
[3] http:/abkhazeti. info/abkhazia /2014/1398987992. php.

Не скрывая эту идею, 30 апреля 2014 г. Председатель Парламента Грузии Давид Усупашвили открыто заявил: «Мы всегда должны помнить, что обязаны вернуть не только территории (Абхазии и Южной Осетии. – Д. А.), а в первую очередь, людей, живущих там на этих территориях», что является составной частью стратегии Грузии – «Плана мирного покорения», озвученной ещё десять лет назад[1].

Проект создания «Европейского Союза» на базе «Европейского экономического союза», серьёзная заявка России и её партнёров, на стабилизацию ситуации в странах, принимающих этот союз, как альтернативу агрессии Запада во главе с США, реализующих «проект Европейского союза», «Восточное партнёрство», имеющий основной заявленной целью развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Украины, Молдовы, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией. Насколько негативно «развитие интеграционных связей с ЕС», показано в украинском кризисе, где государство утратило имевшуюся легитимность, а гражданская война с явными элементами фашизма, набирает обороты.

В условиях, когда мир с Грузией не заключен, и даже заключен, вопрос доверия к тбилисскому правительству – это вопрос десятилетий. При этом государственная граница Абхазии по р. Ингур не соответствует её статусу; не решён вопрос определения юридического статуса лиц, находящихся в Галском районе, как и во всем восточном регионе Абхазии, среди которых масса бесконтрольно проникших граждан Грузии, в отношении которых ещё не применены соответствующие санкции, являющихся требованиями законов РА, что в свою очередь, приводит к распространению юрисдикции Грузии на Абхазию и процессам неоколонизации нашей страны; абхазо-грузинский конфликт трансформируется во внутриабхазский; так нарастают угрозы безопасности самому существованию Абхазского государства, как и стабильности региона, и даже РФ.

[1] Газ. «Резонанси», 28 ноября 2004 г. (на груз. яз.).

Транскавказские транспортные коридоры, как и Евразийский интеграционный проект в целом, интересен не только РФ, но и странам партнерам, как фактор стабильности и расширения своего влияния, при обязательном условии соблюдения суверенного статуса, в противодействие агрессивным планам США и их союзников. И здесь необходимо учитывать традиционную для Грузии способность менять, как свою ориентацию, так и своих стратегических партнеров, добиваясь с их помощью колонизации Абхазии. И евразийская политика России не должна стать инструментом, в этом смысле, иначе неизбежны не только репутационные потери, велик будет риск новой волны возгорания широкомасштабных конфликтов в регионе, способных спровоцировать ещё большее обострение глобальных геополитических противоречий и их переход в военную фазу.

Из перечня первоочередных мер, необходимых для решения указанных проблем, на наш взгляд, можно выделить:

1. Привести государственную границу по р. Ингур в полное соответствие с её статусом, и с учетом традиционной враждебности Грузии, и угроз, исходящих от обострения региональных и глобальных геополитических противоречий.

2. Перекрыть массовый контрабандный ввоз в Абхазию товаров и медикаментов из Грузии, что подрывает не только экономику Абхазии, но и несёт угрозу здоровью и жизни населения Абхазии, дальше России, ввиду активной деятельности военной бактериологической лаборатории США на территории Грузии.

3. Завершить оперативно процессы дифференциации в отношении лиц, фактически находящихся в восточных районах Абхазии в части:

а) законности выдачи им паспорта гражданина РА;

б) законности их нахождения на территории Абхазии.

4. Обеспечить в кратчайшие сроки гражданам Грузии, находящимся на территории Абхазии, безопасную доставку в страну их гражданской принадлежности, т. е. в Грузию.

5. Необходимо составить и утвердить комплексный план по развитию Абхазии и переориентации национальной экономики на рост внутреннего производства, в первую очередь, продовольственных товаров и товаров первой необходимости.

6. Во взаимодействии с РФ подготовить и приступить к реализации плана репатриации потомков абхазских махаджиров на историческую Родину.

И. П. Добаев,
Ростов-на-Дону

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЮГА РОССИИ

На прошедшем в сентябре 2013 года Валдайском форуме Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул: «…вопрос обретения и укрепления национальной идентичности… носит для России фундаментальный характер. …Самоустранение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера… Мы видим, как многие евроатлантистские страны пошли по пути отказа от своих корней… И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису»[1].

Россия – самая крупная в мире страна, государство-цивилизация, с присущим ей уникальным геополитическим кодом. Чтобы изменить этот курс, идентичность нашей страны, заставить ее плестись в фарватере геополитических и внешнеполитических устремлений иных центров силы, на территории РФ и за ее внешними границами осуществляется целый ряд геополитических проектов, основанных на «жесткой силе» (hard power), «мягкой силе» (soft power), а также включающих оба этих компонента. Они нацелены на ослабление России в целом, и ее регионов в частности.

[1] Мы обязаны услышать друг друга // Русский выбор. - № 39-40 (852-853). – 2013. – 1-14 ноября.

В данном случае рассмотрим и проанализируем геополитические проекты основных внешних сил, проецирующих свое влияние на Юг России – территории субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Здесь расположены восемь республик – Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания и Чечня, два края – Краснодарский и Ставропольский и три области – Астраханская, Волгоградская и Ростовская; всего – 13 субъектов России.

Органичной частью Юга России является Северный Кавказ. Разнообразие этносов и культур, расположенных на небольшой территории, делает северокавказский регион России наиболее уязвимым с точки зрения национальной и региональной безопасности нашей страны. В трудах американских стратегов и геополитиков Северный Кавказ однозначно рассматривается как та зона, с которой должен начаться распад России.

На Юге России, и особенно в его северокавказском субрегине, осуществляется целый ряд геополитических мегапроектов, среди которых выделим три наиболее опасных для национальной и региональной безопасности нашей страны – западный (прежде всего, американский), арабо-исламистский (ваххабитский) и туранский (турецкий). Ведущим выступает западный проект, а два других, несмотря на относительную автономность, активно поддерживаются США. В результате в регионе постоянно подогревается сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняются очаги напряженности, взаимные территориальные претензии и т. д. Особенно активно в последние полтора десятилетия здесь эксплуатируется религиозно-этнический фактор. Рассмотрим содержание и цели инициаторов этих геополитических мегапректов подробнее.

Западный (американский, или евроатлантистский) проект. Западный проект реализуется на внешнем и внутреннем для России измерении. На внешнем – идет неуклонное расширение НАТО и ее военной инфраструктуры на восток, территория РФ все в большей степени окружается американскими военными базами, по периметру ее границ возводится система ПРО, на территориях сопредельных государств Ближнего и Среднего Востока, а теперь и на Украине, искусственно создается ситуация т. н. «регулируемого хаоса». Одновременно происходит расширение Евросоюза, и в состав этой организации уже входят страны Балтии, а в настоящее время идет борьба за Молдавию, Украину, государства Южного Кавказа.

Таким образом, формируются угрозы национальной безопасности России: в непосредственной близости с ее границами, в странах Центральной и Восточной Европы и на постсоветском пространстве полным ходом идет создание «санитарного кордона» из бывших стран ОВД и бывших советских республик.

Одновременно этот геополитический мегапроект предусматривает всестороннюю поддержку на территории России прозападно ориентированных партий, движений, многочисленных НПО и НКО, уже давно и небезуспешно здесь работающих. После распада СССР на территориях постсоветских государств, в том числе в Российской Федерации, появились представительства множества иностранных и международных организаций самого разного толка, подавляющее большинство которых занималось популяризацией рыночных отношений, принципов демократии в западном их понимании и общечеловеческих ценностей, влияя тем самым на процессы государственного строительства в постсоветских странах. С помощью зарубежных доноров создавались и вливались в глобальное гражданское общество многочисленные российские некоммерческие организации, численность которых, по данным Российского института стратегических

исследований, к середине первого десятилетия нынешнего века превысила 600 тысяч[1].

В этот же период в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа (ЮФО), было зарегистрировано около 14500 некоммерческих организаций. При этом по данным правоохранительных органов, на территории округа действовало более 100 западных и прозападно ориентированных неправительственных организаций, фондов и мониторинговых сетей, занимавшихся политической деятельностью[2].
Среди них - Датский Совет по беженцам, Международный медицинский корпус, Международный комитет спасения, Ворлд вижн, Каритас Интернац. (Чехия), Международное ненасилие, УКГВ ООН, УВК ООН по беженцам, Национальный фонд демократии (США), Международный фонд гражданских свобод, Агентство США по международному развитию, Freedom House, Международная амнистия, Human Rights Watch, Национальный демократический институт (США), Matra (Нидерланды), Открытое общество (Фонд Сороса), Правовая инициатива по России (Нидерланды), партийные немецкие Фонды Ф. Эберта, К. Аденауэра, Р. Люксембург и др. На территории ЮФО действовали также различные политические и «научные» организации, мониторинговые сети, деятельность которых объективно играла на руку западным «партнерам» России[3]. Среди них – Объединенный гражданский фронт (ОГФ), Российский народно-демократический союз, комитет «Гражданское содействие», общероссийское движение «За права человека», правозащитное общество «Мемориал» и др. Такие объединения, как правило, организовывали свою деятельность при поддержке зарубежных неправительственных организаций и финансирова-

1 Петровская О. В., Филянова В. Н. Зарубежные неправительственные некоммерческие и религиозные организации в России. – М. : РИСИ, 2011. – С. 13.

2 Добаев И. П. Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Конфликтология. - 2006. № 1. - С. 142.

3 См. об этом подробнее: Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – СПб. : Алетейя, 2008.

лись ими. Об этом свидетельствует, в частности, разгоревшийся в январе 2006 г. шпионский скандал, связанный с подрывной деятельностью английских спецслужб, тайно финансировавших деятельность ряда российских правозащитных организаций.

За 20 лет работы иностранные неправительственные организации внедрили в России систему грантов и «приучили» ее граждан к гуманитарной помощи. Нередко даже цели и задачи российских общественных организаций формировались по подсказке из-за рубежа, а не исходя из национальных приоритетов[1]. Например, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (*EAWARN*), созданная в 1993 г. в рамках международного проекта «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах», в качестве основного спонсора проекта с 1993 по 1999 гг. использовала Корпорацию Карнеги (Нью-Йорк), к которой в 2001 г. присоединился американский Фонд Дж. Д. и К. Т. Макартуров. EAWARN были проведены десятки тренинг-семинаров и конференций по вопросам урегулирования конфликтов для местных и международных неправительственных организаций и активистов-миротворцев, регулярно осуществлялся мониторинг развития ситуации, в том числе на Юге России. Материалы, подготавливаемые экспертами, содержали анализ ситуаций в различных частях постсоветского пространства, практические рекомендации для политиков, возможные сценарии развития имеющихся или потенциальных конфликтов. Естественно, что на протяжении всего периода деятельности проекта к результатам исследований проявлялся повышенный интерес со стороны исследовательских центров США, ряда стран Западной Европы.

В середине первого десятилетия XXI века особую активность на Юге России проявляла американская неправительственная организация – Фонд «Евразия» (Вашингтон), которая намеревалась взять под свой контроль процесс становления и развития максимального числа региональных неправительственных организаций (НПО), сделав их проводниками американских интересов. Для этого Фондом «Евразия» в России была создана дочерняя структура – Фонд «Новая Евразия» (ФНЕ, в России зарегистрирован в июне 2004 г.), тогда же ими была подготовлена программа «NORTH CAUCASUS CAPACITY BUILDING», которая охватывала все северокавказские республики, а также Краснодарский и Ставропольский края. Основной заявленной целью деятельности Фонда являлось содействие развитию гражданского общества в России как средства построения современного, прогрессивного и демократического государства. В его Уставе было записано, что ФНЕ не только оказывает поддержку гражданскому обществу в России, но и вносит вклад в укрепление отношений между Россией, США и Европой посредством операциональной и грантовой деятельности. Программы и планы ФНЕ стандартны и в этом отношении были отнюдь не оригинальны, поскольку все основные грантовые организации в России занимались примерно тем же, среди них: государственное управление и местное самоуправление; образование; молодежная политика в регионах; развитие частного предпринимательства и региональных печатных СМИ.

В этом же направлении в те же годы заметную активность на юге России демонстрировал созданный в декабре 1996 г. Южный региональный ресурсный центр (ЮРРЦ, Краснодар), деятельность которого финансировалась Агентством США по международному развитию (USAID) через Совет по Международным Исследованиям и Обмена (IREX), фондом Чарльза Стюарта Мота, фондом «Евразия», управлением Верховного Комиссара ООН по Делам Беженцев (УВКБ ООН), Представительством Европейской миссии, Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). ЮРРЦ проводил программу развития сети ресурсных центров в городах Южного Федерального округа. Ресурсные центры сети ЮРРЦ на территории Краснодарского края созданы в Армавире, Новороссийске, Сочи. Представлял определенный интерес совместный проект Фонда «Евразия», Фонда «Новая Евразия» и Южного региональ-

[1] Петровская О. В., Филянова В. Н. Указ. соч. – С. 13.

ного ресурсного центра: «Противодействие фундаментализму и профилактика конфликтов на Северном Кавказе». Этот проект подавался даже на конкурс Госдепартамента США, что являлось совершенно неординарным событием в научном сегменте южнороссийского исследовательского сообщества.

Основными заявленными целями данного проекта выступали противодействие исламскому фундаментализму путём развития механизмов гражданского участия; а также создание сети раннего предупреждения этнических и конфессиональных конфликтов. В качестве путей его реализации предусматривалось создание фокус-групп из местного населения ЮФО для организации постоянного мониторинга и сбора информации; специальная работа с лидерами местных этнических сообществ; активная работа с региональными СМИ и конкретными журналистами; проведение семинаров; выплата грантов; создание экспертной сети проекта; издание специальных брошюр и т. д.

ЮРРЦ совместно с партнерами (общественные организации, входящие в сеть ЮРРЦ и Северо-Кавказский форум по миграции) планировалось осуществлять исследования на территориях Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Ингушетия, Чеченской Республики, Республики Дагестан, Краснодарского и Ставропольского краев. В этих субъектах РФ инициаторы проекта рассчитывали осуществить отбор на конкурсной основе потенциальных молодых лидеров местных сообществ (2-4 человека из каждого субъекта, всего 27 человек). Объявленные критерии отбора: социальная активность, следование в своей деятельности демократическим принципам, готовность принять участие в обучающих программах и других мероприятиях проекта, проживание в населенных пунктах со значительным мусульманским населением. Отбираемые молодые люди должны представлять три целевые группы: 1. руководители или активисты местных НКО; 2. социально активные студенты; 3. лидеры инициативных

групп из небольших населенных пунктов. При этом пояснялось, что «молодежь является фокусом проекта в силу того, что именно молодежь в регионе является основной группой, из которой осуществляется мобилизация актива фундаменталистских организаций»[1].

Отдельным и важным направлением деятельности вышеназванных и им подобных НПО по разворачиванию сетей считается молодежь, работа с которой ведется в школах, средних и высших учебных заведениях, а также вне этих учреждений, путем формирования различных молодежных структур и организаций. Например, на территории Ростовской области действовали многочисленные молодежные организации, созданные под гранты различных западных фондов. Среди них такие, как Молодежное Правозащитное Движение (правозащитные гранты), Эко – логика (экологические), Скифия, Центр развития местных сообществ и добровольческих инициатив «Помоги советом», Российский Союз Навигаторов/Скаутов, реализовывалась группа проектов «Новая цивилизация» и т. д. [2]

Активность на территории России и ее регионов западных и прозападных НПО побудили российские власти предпринять определенные шаги по законодательному ограничению их деятельности на своей территории, в результате чего 10 января 2006 г. был принят Федеральный закон № 18-ФЗ о внесении дополнений в Закон «О некоммерческих организациях». Поправки к закону привели к существенному сокращению численности иностранных некоммерческих организаций и повышению контроля над их деятельностью со стороны государственных органов, однако кардинально проблему не решили.

Как следствие, в 2012 году в Госдуму был внесен законопроект, требующий большей открытости в деятельности НКО, осуществляющих политическую деятельность в России, но финансируемых из-за рубежа. Было предложено считать их иностранными

[1] Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. – С. 197-198.
[2] Там же. – С. 199.

агентами и вносить в реестр. По данным инициаторов этого законопроекта, в России на тот период времени действовало более 230 тысяч НКО. При этом на их финансирование расходовались десятки миллионов долларов, но только треть средств поступала безналичным путем, причем примерно 70 % средств поступала из бюджетов иностранных государств, 20% - от транснациональных корпораций, 10% - частные пожертвования. Что касается российских правозащитников, то 90-95% средств они получали в виде грантов зарубежных доноров[1].

Следует подчеркнуть, что западный (американский) геополитический мегапроект на Юге России реализуется, прежде всего, путем манипуляции и управления Вашингтоном другими участниками геополитической игры. Имеются в виду, прежде всего, туранский (турецкий) и арабо-исламистский («ваххабитский») проекты. Первое впечатление таково, что эти проекты далеки друг от друга и никак не взаимодействуют друг с другом. Однако это восприятие обманчиво, потому что за обеими модификациями давно стоят цели США - НАТО и проекта «Большой Кавказ». Не случайно, на сегодня ни один из этих проектов не является самостоятельным и доминирующим.

Арабо-исламистский («ваххабитский») мегапроект реализуется в регионах России, прежде всего, Королевством Саудовская Аравия и следующими в фарватере ее внешнеполитических устремлений монархиями Персидского залива, среди которых особо следует выделить богатый энергоресурсами Катар. Их целью является распространение на территории Российской Федерации идеологических установок т. н. «чистого ислама» («ваххабизма»), стимулирование на этой основе сепаратистских настроений в среде российских мусульман, отрыв населяемых ими территорий от России, создание на них т. н. «исламского государства», живущего по шариату.

[1] Панов В. За чей счет «банкет»? [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://www. stoletie. ru. Дата обращения: 02. 07. 2012.

Анализ идеологических доктрин северокавказских радикальных исламистов, рассмотрение особенностей их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, каналов финансовой подпитки регионального экстремизма и терроризма свидетельствует о весомом внешнем влиянии и даже внешнем участии[1].

Так, идеология современного джихадистского (террористического) движения, продвигаемая саудитами и их союзниками, зиждется на постулатах, выдвинутых в свое время приверженцами радикального фундаментализма – арабами Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и их современными последователями - С. Кутбом, М. Шукри, М. Фараджем, А. аз-Завахири и др. В свою очередь, основу идеологической доктрины радикальных исламистов составляют два непременных, системообразующих, органично присущих салафизму положения – о такфире и джихаде, которые исламистами трактуются в отрыве от мусульманской ортодоксии. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое оно к тому же отвергает.

Обзор этапов развития идеологической доктрины радикальных исламистов в России и, в частности, на Северном Кавказе свидетельствует о привнесенности на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья. Это подтверждается, в частности, тем, что лидеры российского исламизма до сих пор не смог-

[1] См. об этом подробнее: Добаев И. П., Добаев А. И., Гаджибеков Р. Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. – Ростов н/Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2013.

ли создать ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении у северокавказских исламистов собственной политической идеологии, соответствующей современным реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата не могут компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения.

Что касается структурного оформления северокавказских исламистских организаций, то и здесь очевидны внешние заимствования. Так, начало 2000-х, вследствие начавшейся возглавляемой США международной антитеррористической кампании, ознаменовалось сломом иерархических структур международных террористов типа «Международного фронта джихада» и «Аль-Каиды». Они были преобразованы в сети – частично централизованные, децентрализованные и полностью автономные. В результате в мире сложился целый ряд, сетевым образом оформленных, террористических кластеров – на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и т. д. Связующими элементами этих кластеров и входящих в них структур стали общность идеологий и конечных целей, заключающихся в построении т. н. «исламских государств», а в перспективе – единого мусульманского халифата, жизнь по нормам шариата.

Сетевое построение диверсионно-террористического подполья на Северном Кавказе сложилось позже – во второй половине первого десятилетия нового тысячелетия («Имарат Кавказ» - 2007 г.), под влиянием общих тенденций в «мусульманском мире», а также в связи с изменением военно-политической ситуации в регионе, что позволяет говорить о мощном внешнем влиянии на процесс институционализации северокавказского джихадистского движения, его структуру и систему организации, а также о сформированном в регионе северокавказском террористическом кластере, являющемся органичной частью сетевых структур международного терроризма. Вместе с тем, сложившаяся на Северном Кавказе террористическая модель основательно адаптирована

под локальные социальные и этнополитические условия. Живучесть этой системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Вместе с тем, идеолого-пропагандистская и информационная деятельность международных такфиритов-джихадистов выступает дополнительным, не основным видом деятельности экстремистов и террористов, и призвана обеспечивать постоянный приток носителей идеологии радикального исламизма в ряды «моджахедов», а также оправдывать соответствующими псевдорелигиозными постулатами специфическую диверсионно-террористическую практику боевиков. Собственно исламистски обусловленный терроризм, как специфическая политическая практика, постоянно видоизменяется, приспосабливаясь к динамическим трансформациям в мире и регионах. В настоящее время в разных странах террористы применяют адресные и безадресные акции, при проведении большинства терактов используется тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей и т. д. На общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников.

Что касается северокавказских сепаратистов, то они практически копируют формы и методы осуществления идеолого-пропагандистской и диверсионно-террористической деятельности своих зарубежных единомышленников. Явным внешним заимствованием стал, начиная с 2000г., терроризм смертников, который исторически никогда прежде не фиксировался на Северном Кавказе. При этом главный вектор террористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. В то же время, вне севе-

рокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т. д.).

И, наконец, террористическая деятельность была бы практически невозможна без ее финансового обеспечения. Источниками финансирования террористических организаций могут быть внешние и внутренние поступления. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств, религиозных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций, индивидов, населения и диаспор, а также от террористических ячеек. Эти каналы применительно к Северному Кавказу превалировали в 90-х гг. XX в. К источникам внутреннего финансирования следует причислить доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, к которым можно отнести членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет. Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав – внутренних. Таким образом, террористические группировки в финансовом плане становятся все более автономными и самодостаточными.

С начала нового тысячелетия реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Главным источником финансирования стало вымогательство, получившее теоретическое обоснование в качестве «налога на джихад». Из общих

тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и, как и в других регионах мира, усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников, а также постепенную финансовую «оптимизацию» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно экономно и эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

Рассмотрение четырех важнейших сфер развертывания терроризма под прикрытием ислама на Северном Кавказе – идеологической, структурно-организационной, практической (имеются в виду формы и методы осуществления террористами специфической политической практики) и финансово-экономической - позволяет утверждать о весомости воздействия внешнего фактора на процесс возникновения, идеологического обоснования и функционирования джихадистского движения в северокавказском регионе России. Прежде всего, это связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды времени значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массированная внешняя помощь выступает весомым фактором радикализации здесь «ваххабитского» движения. Роль в этом монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией выглядит беспрецедентной.

Как верно отмечает отечественный исследователь исламизма Д. В. Макаров, аргументом в пользу политического манипулирования местными «борцами за веру» со стороны внешних сил выступает, прежде всего, их идеологическая несамостоятельность. Опора на арабских и пакистанских миссионеров, а также характер «образования», полученный местными «ваххабитами» в исламистских центрах непосредственно на территории Северного Кавказа

и, особенно, за рубежом предопределили сложное протекание процесса трансформации сепаратизма, основывающегося ныне, в большей степени, на «исламском факторе», на идеологии радикального исламизма. Тенденция к механическому перенесению на местную почву радикальных фундаменталистских ценностей, несущих на себе отпечаток иных социально-исторических условий, способствует высокой степени социальной конфликтности «вахабитов» и их отчужденности от широких слоев традиционного в регионе ислама и общества. Северокавказские «ваххабиты» даже не стремятся осмыслить местные реалии, предпринимая усилия втиснуть их в рамки идей, почерпнутых ими из произведений зарубежных фундаменталистских авторов: Ибн Ханбалы, Ибн Таймийи, Ибн аль-Кайима, аль-Ваххаба, аль-Маудуди, С. Кутба, других современных идеологов салафизма. Сказанное позволяет утверждать, что на практике военно-политическая активность северокавказских «ваххабитов» лишена созидательного содержания и не выходит за рамки минимальных целей, преследуемых внешними силами, – дестабилизировать ситуацию в регионе и ослабить влияние России на Северном Кавказе[1]. Совершенно очевидно, что ситуация за последнее десятилетие качественно не изменилась, а внешнее (экзогенное) воздействие на региональные этнополитические процессы по-прежнему остается весомым, существенно подпитывая внутренние (эндогенные) конфликтогенные факторы, характерные для современного российского Северного Кавказа. Вместе с тем, жестокость «моджахедов» не только по отношению к иноверцам, но и к тем мусульманам, кто противостоит им (например, местная полиция) не могла не создать вокруг них зону отчуждения, привела к сокращению базы их социальной поддержки. Кроме того, как верно отмечает отечественный исламовед С. Я. Сущий, «неизвестно, насколько были честны и искренни в своих радикалистских убеждениях А. Астемиров и другие деятели под-

[1] См. об этом: Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. - М., 2000.

полья, мотивировавшие создание террористической системы налогообложения местной экономики задачами установления в регионе социально справедливого общества, основанного на законах шариата. Но диалектика развития такова, что, включившись в качестве еще одного звена в существующие социально-экономические коррупционные схемы, «борцы за справедливость и религиозную чистоту» стали немедленно эволюционировать в еще одну криминальную крышу местных административно-управленческих и экономических кланов»[1]. Все это не могло не скомпрометировать, в существенный мере, в глазах местного населения осуществляемый в регионе арабо-исламистский проект.

Туранский (турецкий) мегапроект. После интеллектуального провала арабского проекта не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе, кураторство над оставшимся в регионе банд-подпольем перешло преимущественно к спецслужбам Запада и Турции. Задачей идеологов экстремизма стало создание новой и уже единой модификации информационно-идеологической матрицы - модели желаемого будущего[2].

Современная Турция стремится вернуть себе лидирующее положение в регионе Балкан и на Большом Кавказе и далее – во всем исламском мире. Исследователь И. И. Иванова, отмечая усиление ислама в странах Ближнего и Среднего Востока в 70-е гг. XX в., писала: «Исламский фактор выявился в необходимости для турецкого руководства делать заявления о том, что Турция является «истинно исламской страной», и готова развивать с «братьями по религии» отношения в самых различных сферах; во введении с 1982 г. в начальных и средних школах обязательного религиоз-

[1] Сущий С. Я. Исламский радикализм в современной России (эволюция, формы, факторы роста) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. - № 5 (177). – С. 146.

[2] См. об этом подробнее: Мурклинская Г. А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Москва – Ростов н/Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2012. – С. 8 – 36.

ного образования; в арестах наиболее радикальных религиозных деятелей и запрете политических организаций; в попытке выступить посредником в региональных спорах между исламскими государствами; в использовании лозунга исламской солидарности».[1]

Предлагаемая сегодня Турцией модель учитывает и использует исламский фактор и встраивает панисламизм как вспомогательный фактор для вовлечения в свою орбиту нетюркских народов[2]. Основная идея панисламистского проекта заключается в том, что ислам должен стать «третьей мировой системой», как того хотят мусульманские идеологи, с достижением необходимой степени интеграции мусульманских стран во всех сферах: экономической, политической, идеологической, военной и т. д., способствует целям Турции, но при условии доминирования в создаваемой модели пантюркистских целей.

Таким экспортным вариантом пантюркизма для мусульманских регионов России вполне может стать геополитический проект, предлагаемый адептами радикальной секты «Нурджулар». Это международное религиозное общество было создано в начале XX века в Турции. Основатель общества – Саид Нурси, автор 14-томного сочинения «Рисале-и Нур» («Источник света»). При жизни Саид Нурси имел около пяти миллионов последователей. После смерти лидера 40 его учеников образовали 40 самостоятельных течений, названных их именами. Несмотря на некоторые непринципиальные отличия, цель общества и идеология едины, а именно: добиться реального влияния и управления в тюркоязычных и мусульманских странах. Для достижения этих целей поставлена задача по вовлечению в свои ряды новых сторонников, их воспитанию в учебных заведениях и внедрению в государственные,

[1] Подробнее см. : Иванова И. И. «Исламский фактор» в политике турецкого руководства после военного переворота 1980 года. – М., 2007. - С. 127 - 139.

[2] Националистическая идеология пантюркизма провозглашает объединение вокруг Турции всех тюркских народов (включая жителей Азербайджана и Поволжья) и создание сверхдержавы - Великого Турана.

военные, правоохранительные структуры, органы власти в стране пребывания.

Наиболее мощным в организационном и финансовом плане течением «Нурджулар» является направление «Фетхуллахчилар», лидером которого является турецкий миллиардер Фетхуллах Гюлен, бывший имам мечети города Измир. После военного переворота 1980 года он был вынужден эмигрировать в Европу, где объединил в своих рядах выходцев из Турции и балканских стран. Одним из основных методов привлечения сторонников в секту является воздействие и пропаганда своих идей через средства массовой информации.

Труды Нурси и его последователя Фетхуллаха Гюлена запрещены во многих странах, в том числе и в самой Турции. В книгах нурсисты призывают свергать светские правительства и заменять их шариатскими. По данным западных спецслужб, нурсисты связаны с террористической организацией «Серые волки»[1]. В ее планы входит подготовка боевиков-камикадзе, а также учеников, которые в будущем должны занять ключевые посты в экономике, науке и управленческих структурах разных стран, в том числе и России.

Лидер радикальной исламской организации Фетхуллах Гюлен и его сподвижники не скрывают, что главная их цель - захватить Россию без всякого джихада. Сам Гюлен находится в международном розыске за подготовку к насильственному изменению конституционного строя у себя на родине (Турции), заочно приговорен к 10 годам лишения свободы, однако по сей день вполне комфортно проживает в США. Отсюда он вполне легально осуществляет операции по финансированию идеологической и диверсионно-террористической деятельности отделений «Нурджулар» на территории России.

[1] «Серые волки» одна из старейших пантюркистских организаций, имеет последователей среди националистически настроенной интеллигенции в некоторых республиках Северного Кавказа - особенно была популярна в начале 90-х годов XX века.

Акцент на сферу образования – специфический «почерк» «Нурджулар». Гюлен изначально уделял большое внимание образовательным проектам, логично полагая, что за молодежью – будущее. Социальную базу «Нурджулар» и других подобных сект составляет, в основном, та часть мусульман, которая в ходе модернизаторских проектов оказалась вне привычных социальных ориентиров, вне привычной социальной ниши (как правило, это - молодежь). Основной причиной привлекательности таких проектов является включение в их идеологические доктрины исламского компонента. В свою очередь, особенности самого исламского вероучения, заключающиеся в наличии в нем достаточного количества положений радикального характера (джихад, трактуемый как священная война, борьба в первую очередь не с дурными наклонностями, а с инакомыслящими, как мусульманами, так и представителями других религий). Молодежь просто стремится восполнить недостаток знаний и жизненных установок, идеологических ориентиров обращением к первоосновам мусульманской религии.

Интересно, что в 90-е годы статьи Фетхуллаха Гюлена публиковались почти во всех российских исламских газетах, а его произведения на русском языке продавались повсеместно. Кроме того, его последователи почти десять лет преподавали в ряде исламских учебных заведений, в том числе на Юге России, открыто проповедуя свои взгляды при поддержке весьма высокопоставленных региональных чиновников.

Например, в Дагестане для отбора перспективной для последующей вербовки молодежи строились турецкие колледжи. Поскольку нурсисты хорошо вписывались в традиционную дагестанскую исламскую структуру и не позиционировали себя в качестве ее антагонистов, как «ваххабиты», стоящим за ними спецслужбам было удобнее работать по этой модели. Те же дагестанские нурсисты, став предварительно мюридами «нужного» шейха и вступив

в «нужную» политическую партию, прекрасно адаптировались в систему власти в республике[1].

Слушатели, находившиеся, как правило, на полном довольствии, пять раз в неделю слушали лекции по вопросам истории и божественного предназначения пантюркизма, «избранности» турецкой версии ислама и его особой роли в жизни человечества. Наиболее прилежные студенты иностранных колледжей получали направление на учебу в Турцию для более фундаментального освоения пантюркистской теории и практики. Наиболее одаренным из них предлагалось улучшение жилищных условий, оказание помощи в поступлении в престижные учебные заведения Турции, Великобритании, Франции, Германии и США, а по окончании обучения - хорошая работа в крупных турецких фирмах, компаниях и представительствах по месту проживания каждого кандидата.

При этом идеологи «Нурджалар», понимая, что за одно поколение невозможно переориентировать на протурецкий путь развития целые народы и регионы, в проповедях указывали, что их последователям необходимо привлекать своих детей, и только тогда они добьются успеха. В качестве учебного пособия радикальные тюркисты-исламисты на своих уроках использовали хорошо изданную на многих языках, но пока еще воображаемую карту будущего великого «тюркского мира». В центре мироздания, естественно, Турция, которая прирастает северным Кипром, Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. К этому же «миру» пантюркистские картографы относят

[1] Большинство турецких последователей «Нурджулар» – крупные бизнесмены, которые создали целую империю капитала, контролирующую за границей влиятельные медиа-структуры. В 35 странах работают более трехсот подконтрольных братству школ и университетов. Почти десять лет на Северном Кавказе действовали фонд «Торос» и фирма «Эфляк», в Поволжье – фирма «Серхат», в Хакасии и Бурятии – фонд «Уфук», в Поволжье, Москве, Минске, Санкт-Петербурге – фонд «Толеранс». За неполные 15 лет «Нурджулар» через подведомственные структуры открыл на территории России 24 спецшколы, 1 университет, 1 университетское отделение, 3 языковых института.

многие районы России, Китая, Ирака, Ирана, Монголии, Афганистана и других ныне суверенных государств.

Обучение происходило как в совместных лицеях по месту жительства, так и с вывозом в Турцию. Так, в 1997 году сектой была организована доставка в Турцию из Чечни около 20 детей школьного возраста, которые проходили обучение в религиозном учебном заведении в районе гор. Денезли. Организаторы лицеев пытались «включить» тюркский фактор, максимально «отрезая» российское влияние. Причем не рубили с плеча, а внушали эти идеи исподволь.

Существование совместных лицеев и колледжей создавало необходимую правовую основу для длительного пребывания на территории Северного Кавказа неограниченного количества граждан Турции и благоприятные условия для осуществления разведывательно-подрывных акций. В Россию въехало и занималось целенаправленным сбором информации об общественно-политической ситуации в регионе, экологическом состоянии Каспия и его правовом статусе, нефте-газовом комплексе, межнациональных и межконфессиональных отношениях, источниках конфликтогенных факторов, местах дислокации войск и т. д. большое количество граждан Турции. Позднее выяснилось, что многие из них принадлежали к различным националистическим и экстремистским партиям и братствам пантюркистского направления и специально приехали в мусульманские регионы России с целью распространения своих идей. В этих целях турки устраивались соискателями в аспирантуры при местных вузах и под предлогом выполнения диссертационных работ направляли письменные информационные запросы в различные министерства и ведомства, используя сложившиеся связи, выходили непосредственно на носителей интересующей их информации, выезжали в районы с компактным проживанием тюркоязычных народов. Как правило, собранные в ходе таких «научных экспедиций» материалы, мягко говоря, выходили за рамки их научных тем.

В силу вышеуказанных обстоятельств деятельность дагестано-турецких учебных заведений была признана незаконной и подлежащей прекращению в судебном порядке[1].

И «Нурджулар», и другие исламско-пантюркистские организации, контролируемые из США, Великобритании и других центров, занимающихся координацией подрывной антироссийской деятельности на Юге России, демонстрируют завидную цепкость и устойчивость, легко адаптируются к традиционному российскому исламу, привнося в него элементы «чистого ислама», отторгавшиеся большинством населения в «ваххабитском» варианте, что и обусловило неудачу «арабского» геополитического проекта отторжения Северного Кавказа от России. Новая пантюркистская модель, предлагаемая сегодня этими силами – это работа над ошибками в условиях жесткой конкуренции за лидирование в американском проекте Большого Кавказа[2].

---

[1] В августе 2002 года в Дагестане были ликвидированы несколько международных дагестанско-турецких колледжей и лицеев, действовавших на территории республики с нарушением установленного законодательства. В конце мая 2007 года суд Москвы признал экстремистскими русские переводы четырнадцати книг турецкого философа Саида Нурси. То, что эти книги являются экстремистскими, доказала социально-психологическая и психолого-лингвистическая экспертиза текстов, выполненная Институтом языкознания РАН и Институтом психологии РАН.

[2] Все турецкие преподаватели дагестанско-турецких учебных заведений являлись активистами «Нурджулар» - гюленовцами. Ряд выпускников лицеев были вовлечены в террористическую деятельность на Северном Кавказе. По данным правоохранительных органов РФ, в 2002-2004 годах из России были выдворены более 20 граждан Турции - сторонников секты «Нурджулар». Была пресечена деятельность более 50 функционеров «Нурджулар», действовавших в Дагестане, Башкирии, Карачаево-Черкесии. Ячейку «Нурджулар» в Дагестане возглавлял бывший гражданин Азербайджана. В декабре 2007г. сотрудниками ФСБ были проведены обыски в местах сборов членов махачкалинской ячейки Нурджулар. В результате обысков изъято большое количество литературы С. Нурси, документы, подтверждающие, связь с российскими и турецкими членами организации, проведены допросы нурсистов г. Махачкалы, аналогичная работа была проведена в г. Избербаш. В 2008 и 2009 году также отмечалась активность их сетевых структур в Республике Дагестан.

Вместе с тем, не следует упускать из виду то обстоятельство, что современный виток определения идентификации России и ее регионов происходит в период тектонических геополитических сдвигов в международных отношениях. Агрессивный западный либерализм, экстремизм и терроризм, прикрывающиеся исламом, пантюркизм и пантуранизм в данном контексте выступают средством давления на мировую и региональную политику, обеспечивая реализацию глобальных интересов сил, порой весьма далеких от интересов не только народов России, но зарубежных мусульман, в том числе мусульман-тюрок. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что парадигма подавляющего большинства крупных социальных конфликтов в современном мире носит геополитических характер, в то время как их конкретное содержание формируется из ткани объективно существующих межэтнических, конфессиональных, политических, социально-экономических и иных противоречий. Внезапное «обострение» конфликта, радикализация оппонентов, выбор необычайно агрессивных методов его «разрешения», затяжной характер противоборства, - все это верные признаки внешнего, субъективного вмешательства «третьей силы». Применительно к Югу России, Северному Кавказу такой «третьей силой», безо всякого сомнения, является трансатлантическое сообщество – США и их сателлиты, преследующие в регионе свои геополитические интересы[1].

[1] Гавриш Г. Б. Пространственно-временная модель Кавказа в условиях глобализации // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / Южнороссийское обозрение. Вып. 29. – 2005. – С. 23.

А. В. Баранов,
Краснодар

РИСКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ В ИДЕНТИФИКАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Политическая конкуренция как фактор цивилизационных конфликтов в глобальном мире принимает, среди прочих, форму конструирования новых идентичностей, конкуренции проектов нациестроительства. В этой связи важным становится анализ рисков фрагментации поликультурного российского общества на Северном Кавказе[1]. Устойчивое признание гражданами государства своей «общей судьбы», общего проекта социокультурного и политического развития, напротив, преодолевает эти риски.

Цель статьи – установить параметры рисков этноконфессиональной обособленности в идентификациях населения Северного Кавказа по материалам анкетных опросов (конец XX – начало XXI вв.).

В современной России актуальной задачей обеспечения национальной безопасности становится формирование гражданской идентичности, т. е. идентификации населения с российской полиэтничной нацией. Формирование гражданской идентичности связано с определением позитивных целей развития государства. Гражданская идентичность не отрицает этнических, конфессиональных, территориальных, политико-идеологических

[1] Колосов В. А., О'Локлин Дж. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе // Полис. 2008, №4. – С. 8.

идентичностей российского общества. Для устойчивого развития полиэтничного и многоконфессионального государства необходимо целенаправленно формировать позитивную совместимость различных идентичностей[1], не ограничиваясь стихийным самоопределением индивидов и социальных групп.

Возникла принципиально новая ситуация конкуренции идентичностей. Например, жители Северного Кавказа могут альтернативно соотносить себя с восточной цивилизацией и исламом в целом, своим народом, субэтническими или внутриконфессиональными сообществами. Баланс этих идентичностей с российской гражданской идентичностью, если допускать его стихийное развитие, может быть конфликтогенным.

Доверие в отношениях между этническими группами, в том числе на личном уровне рассматривается как одна из важных предпосылок развития демократии. Восстановление доверия – обязательное условие ликвидации последствий этнического конфликта. Проанализируем эмпирические сведения анкетных опросов.

В сентябре-декабре 2006 г. Отдел социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН провёл социологический опрос «Социальное самочувствие населения Юга России в условиях реформ» в 4 субъектах федерации – Дагестане, Карачаево-Черкесии, Краснодарском и Ставропольском краях (выборка 3466 чел.). Результаты опроса позволяют утверждать, что общероссийская идентичность преобладает над этнической, что внушает надежду. На Юге России сложилась иерархия идентичностей: общероссийская; макрорегиональная (ЮФО); региональная (свой субъект федерации).

Данная картина характерна для макрорегиона в целом, для Краснодарского и Ставропольского краев – в частности. В республиках (Дагестане и Карачаево-Черкесии) на втором месте стоит

[1] Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2009. – С. 25-30.

региональная идентичность, которая носит, прежде всего, этнический характер.

Итоги опроса показывают неоднородность ценностных установок. Гордость своей этничностью присуща большей доли респондентов (77,3%), чем гордость Россией (69,2%)[1]. В то же время, каждый четвертый испытывает чувство стыда за людей своей этничности, каждый пятый безразлично относится к этнической принадлежности.

Более половины опрошенных считали, что «в повседневной жизни не имеет значение национальность человека», но свыше трети согласны с суждениями, что «взаимодействие людей разных национальностей часто является источником неприятностей», «взаимодействие местных жителей и мигрантов часто является источником неприятностей», «испытывает напряженность, когда слышит вокруг себя чужую речь»[2].

Сравнивая данные по 4 регионам ЮФО с итогами всероссийского исследования, М. М. Шульга и О. Н. Малахова сделали выводы[3]:

- этническая самоидентификация по всероссийской выборке более выражена по сравнению с гражданской (соответственно 54% и 35% опрошенных);

- этническая и гражданская самоидентификации в ЮФО стоят на одном уровне (45%);

- этническая самоидентификация на Юге России менее выражена, чем по России (соответственно, 45% и 54% респондентов);

- идентификация себя как россиян в южном макрорегионе более выражена по сравнению с результатами общероссийского

[1] Шульга М. М. Некоторые аспекты самоидентификации населения на Юге России // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов н/Д, 2008. – С. 57-59.

[2] Там же. – С. 59.

[3] Шульга М. М., Малахова О. Н. Социокультурная самоидентификация жителей Юга России: опыт социологического анализа // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы Всеросс. науч. конф. 9-10 июня 2009 г. Ростов н/Д, 2009. – С. 351-352.

опроса (соответственно 45% и 35% респондентов). Такая ситуация связана с социокультурной средой макрорегиона, конфликтной идентичностью, характерной для нее. Закономерно для постсоветской аномии, что гордость этничностью присуща большей доли респондентов в ЮФО (77,3%), чем гордость Россией (69,2%)[1].

Проблема позитивного совмещения гражданской и этнической идентичности упирается в преодоление этноизоляционистских предубеждений. В ходе анкетного опроса «Социальное самочувствие населения Юга России в условиях реформ» в 2006 г. респондентами стало 1712 молодых людей в 4 субъектах федерации (Дагестане, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае и Ставропольском крае)[2]. 60,5% респондентов (в среднем по всей выборке) считали, что права человека должны быть выше, чем «права нации», 67,3% – гордились своей Родиной – Россией, 52,5% – полагали, что в повседневной жизни не имеет значения «национальность человека». Идентифицировали себя, прежде всего, гражданином России 61,3% опрошенных, жителем Юга России – 11,3%, представителем своего субъекта федерации – 11,6%, «гражданином мира» – 5,1%. Не дали определённого ответа 9,3%[3].

В республиках в сравнении с краями при сохранении значимой общероссийской идентичности сильны тенденции этнической идентификации молодёжи. Здесь выше удельный вес тех, кто гордится своей этничностью, кому важно поддерживать собственные культурные традиции (в КЧР – 85,4%, Дагестане – 80,6%, Краснодарском крае – 79,0%, Ставропольском крае – 78,6%)[4].

В июле-августе 2010 г. Южный научный центр РАН провел анкетный опрос жителей Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики. Согласно его итогам, 1/3 опрошенных полагает, что взаимодействие людей разных этничностей часто является источником неприятностей[1]. Многие респонденты (до 40%) испытывают напряженность, когда слышат вокруг себя чужую речь, 1/4 респондентов и в Ставропольском крае, и в Карачаево-Черкесии признаёт предубежденность против некоторых народов. Именно поэтому около 1/2 респондентов оценивают межэтнические отношения в месте проживания как внешне спокойные, но ощущают напряжение. Полиэтничное сообщество распадается на этнические и конфессиональные фрагменты, слабо связанные между собой, что превращает межэтнические и этноконфессиональные отношения в конфликтогенные.

Больше того, непродуманные политико-управленческие решения могут негативно влиять на соотношение идентичностей. Как отмечают независимо друг от друга многие эксперты (В. А. Авксентьев, Г. С. Денисова, В. В. Черноус, М. А. Аствацатурова и др.)[2], период существования «большого» Южного федерального округа (2000–январь 2010 гг.) отмечен укреплением в общественном мнении южнороссийской идентичности. Последняя «работала» на реинтеграцию социокультурного пространства России, на выстраивание балансов интересов субъектов федерации, этнических и конфессиональных групп. Напротив, образование Северо-Кавказского федерального округа не только привело к кризису макрорегиональной южнороссийской идентичности, но и создало острые проблемы: вокруг какого ценностного ядра конструировать но-

[1] Там же. – С. 352.

[2] Иванова С. Ю. Разрыв между этнической и общероссийской идентичностью на Северном Кавказе (способы преодоления) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Ростов н/Д, 2010. – С. 265.

[3] Там же. – С. 265.

[4] Там же. – С. 265-266.

[1] Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие населения как социально-психологическая основа стабильности в регионе // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Ростов н/Д, 2011. – С. 44.

[2] Авксентьев В. А. Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Ростов н/Д, 2010. С. 60-76; Денисова Г. С., Дмитриев А. В., Клименко Л. В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010. С. 50-68; Черноус В. В. Юг России в нулевые и после раздела на два федеральных округа // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Часть II. Северо-Кавказский федеральный округ. Ростов н/Д, 2010. – С. 4-15.

вую идентичность СКФО в целом? И надо ли это делать, может быть, федеральная власть приняла краткосрочное решение? Образование СКФО привело к разобщению макрорегионального сообщества славян, которое охватывало Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области, Краснодарский и Ставропольский края. Этнодемографический и статусный баланс в СКФО качественно сместился в пользу народов Северного Кавказа.

Северный Кавказ в постсоветский период стал примером конфликта идентичностей, вызванного противоречиями модернизации, социокультурной регрессией. Подтвердить это можно на материалах анкетного опроса «Информационное пространство полиэтничного социума» (2010 г., Краснодарский край, Республики Адыгея, Ингушетия и Дагестан), проведенного политологами Кубанского государственного университета (выборка 323 чел., молодежь)[1]. В тех же регионах Южным научным центром РАН синхронно проведен опрос «Информационно-коммуникативные факторы социального доверия в полиэтничном пространстве Юга России» (выборка 467 чел.).

Важнейшим параметром сочетаемости идентичностей выступает отношение респондентов к общероссийской идентичности. В Краснодарском крае гордятся ею 63% опрошенных, а в 3 республиках Северного Кавказа – 46,7%. Желают сменить гражданство 13% в крае и 9,6% в республиках. Считают себя «гражданами мира» 8,9% в крае и 16,5% в республиках. До 20% молодых респондентов безразличны к общероссийской идентичности либо затруднились выразить свое отношение[2].

По оси конфликт/консенсус важен уровень социального доверия между этническими и конфессиональными группами. В анкетном опросе ЮНЦ РАН индикаторами доверия выбраны: желание вступать в родственные отношения с представителями других групп, дружить с ними, работать в одном коллективе, быть бизнес-партнерами и соседями, получать медицинские услуги. Суммарный индекс социального доверия (максимальный балл 1,0) составил в г. Краснодаре: к русским – 0,863, к адыгейцам – 0,276, к чеченцам и дагестанцам – по 0,204, к ингушам – 0,184 балла. В г. Майкопе индекс наиболее взвешенный: к русским – 0,661, адыгейцам – 0,721, чеченцам – 0,330, дагестанцам – 0,324, ингушам – 0,342. В г. Назрани индекс социального доверия к ингушам составил 0,653 балла, к русским – 0,480, к чеченцам – 0,486. В г. Махачкале индекс доверия дагестанским народам – 0,698, русским – 0,682, чеченцам – 0,267, ингушам – 0,21[1]. Более интолерантное взаимовосприятие отмечено на Северо-Восточном Кавказе. Это объяснимо социокультурной архаизацией, проявляющейся в укреплении кланово-родственных институтов и практик поведения, увеличении межэтнической и межконфессиональной дистанции, политизации этничности и религии.

Важный аспект проблемы – источники знаний и ориентаций респондентов. Молодежь Краснодарского края и республик считает основными источниками информации Интернет (от 36,8 до 52,2% ответов по 4 регионам); центральное телевидение (от 22,1 до 29,1%); российские кинофильмы (24,2 – 36,6%); региональные СМИ (11,9 – 27,4%); региональное телевидение (от 7,4 до 14,9)[2] . Доверие другим народам и конфессиям зависит от уровня информированности о традициях, от опыта реального непосредственного общения. Но играют весомую роль и «фоновые» факторы: уровень удовлетворенности своей жизнью, оценка деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, иерархия жизненных проблем[3].

[1] Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / Под ред. В. М. Юрченко. Краснодар, 2011. – С. 127-128.

[2] Там же.

[1] Там же. – С. 135.

[2] Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России)... – С. 84-85.

[3] Денисова Г. С., Дмитриев А. В., Клименко Л. В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010. – С. 93-147.

Итак, Северный Кавказ включается в формирующуюся российскую нацию фрагментарно – вследствие своей глубокой неоднородности. На деле Северный Кавказ не такой чуждый России единый массив, каким его часто представляет общественное сознание по опросам. Одни социальные группы, поколения, профессиональные и местные сообщества признают российскую идентичность вровень с этнической и конфессиональной идентичностями; другие переживают интеграцию; третьи – в самоизоляции; четвертые втягиваются в конкурирующие с российской идентичности (глобальную исламскую, восточную и т. д.). Есть и внутригрупповое, и личностное «раздвоенное сознание». Различные группы населения тяготеют и к российским ценностям, и к исламским; и к Западу, и к своей традиции[1].

Наряду с возрождением традиционной культуры, актуализацией этнокультурных ценностей в постсоветский период состоялась радикализация конфессиональной идентичности в СКФО. Религиозная идентификация в республиках Северного Кавказа стала основой самоопределения ряда социальных групп[2]. Данный тезис подтверждается итогами исследования, проведенного под руководством Б. В. Аксюмова осенью 2009 г. в Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии[3]. Конфессиональная принадлежность очень важна для опрошенных. 67,4% всей выборки отметили, что очень важна, а 23,5% – что важна. Доля респондентов, относящихся к христианской традиции и отметивших конфессиональную принадлежность как «очень важную», составляет 30,1% и как «важную» – 34,2%, итого – 64,3%. Среди русских респондентов сумма значительно ниже, чем для народов исламской культуры. Эти результаты свидетельствуют о противоречивых тенденциях. Существенные различия в ответах групп можно объяснить как противоречие между секулярным и религиозным мировоззрением[1].

Объективно модернизация России предполагает усиление секуляризации, а следовательно, идентификационное дистанцирование с религиозностью, как подчёркивает Б. В. Аксюмов[2]. В данном контексте показательными являются результаты опросов, проведенных ЮНЦ РАН в рамках проекта «Социальное самочувствие населения как информационная база инновационного развития поликультурного макрорегиона» в 2006 и 2009 гг. Наибольшей конфликтностью отличаются суждения о том, что каждый народ должен жить на своей исторической Родине и что взаимодействие разных национальностей часто является источником напряженности. До 40% участников опросов 2006 и 2009 гг. в «большом» ЮФО разделяли данные суждения[3].

Ответно, по мнению большинства россиян, «титульное население» республик – не «сограждане». Лозунг «Хватит кормить Кавказ» имеет в современной России значительное число сторонников[4]. По итогам общегосударственного опроса, проведённого Левада-центром, ноябрь 2011 г.) 72% полиэтничных россиян с разной степенью категоричности поддерживает этот лозунг. Т. е., уровень идентификационного размежевания высок (определенно не поддерживает – 7%, скорее не поддерживает – 21%, определенно поддерживает – 33%, скорее поддерживает – 39%)[5].

---

[1] Сущий С. Я. Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013. – С. 281-282.

[2] Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова, Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д, 2011. – С. 65.

[3] Там же. – С. 65-66.

[1] Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010, №12. – С. 25.

[2] Аксюмов Б. В. Террористическое подполье на Северном Кавказе: идеологическая сущность // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. Ростов н/Д, 2011. – С. 76.

[3] Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д, 2011. – С. 302.

[4] Сущий С. Я. Северный Кавказ... – С. 278.

[5] Россияне об обстановке на Северном Кавказе, национализме, политике и финансировании региона, лозунге «Хватит кормить Кавказ». Опрос 18-21 и 25-28 ноября 2011 г. Режим доступа: www. levada. ru/15-12-2011.

В итоге исследования мы делаем следующие выводы. Кризис идентичности, вызванный распадом СССР и угасанием советской идентичности, поощрил поиск новых ориентиров и повышение политического статуса тех групп, кто мог выступить «создателем» новых идентичностей. В постсоветской России, особенно на Северном Кавказе, такими акторами новой идентичности выступили этнические и конфессиональные элиты.

К идентификационным рискам России на Северном Кавказе относится этнонационализм, создающий условия конфликтов идентичности на этнорелигиозной почве. Угрозы идентификационной сегментации связаны с «размыванием» единого социокультурного пространства на Северном Кавказе. Этническая, территориальная и конфессиональная идентичность конструируются и стихийно – в итоге самоидентификации участников группы на уровне обыденных представлений, и целенаправленно – как результат политики элит. Типичные создатели идентичностей – региональные и местные административные элиты, этнические и религиозные элиты общества, активисты общественных движений, интеллигенция (особенно журналисты, преподаватели высших и средних учебных заведений). Они используют идентичность как ресурс укрепления власти и влияния.

Репрезентативные анкетные опросы подтверждают наличие весомой поддержки российской гражданской идентичности в целом по СКФО (свыше 40%), в наибольшей мере – среди пожилого и зрелого поколения. Но повышенный уровень позитивной идентификации отмечен, прежде всего, в Ставропольском крае и республиках Северо-Западного Кавказа. Более интолерантное взаимовосприятие отмечено на Северо-Восточном Кавказе, а также среди молодежи. Это объяснимо социокультурной архаизацией, проявляющейся в укреплении кланово-родственных институтов и практик, увеличении межэтнической и межконфессиональной дистанции, политизации этничности и религии.

На наш взгляд, создание Северо-Кавказского федерального округа не решило проблем, а усугубило их. Требуется преодолевать методами образовательной и информационной политики дистанцирование СКФО от Российской Федерации, позиционировать макрорегион как полиэтничный и поликонфессиональный в направлении социокультурной и политической реинтеграции в российское секулярное общество. Для этого потребуется информационная политика по сближению ценностей, ориентаций и установок групповых идентичностей.

Формирование общероссийской, этнических и конфессиональных идентичностей на Северном Кавказе носит конкурентный характер и нуждается в научно обоснованном управлении. Позитивный вариант сочетаемости идентичностей на полиэтничном российском Кавказе – упрочение гражданской общенациональной идентичности.

Р. И. Сефербеков,
Махачкала

ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00038

Праздники – неотъемлемая часть общественного быта, в развитии и совершенствовании которого решающую роль играют политические, социально-экономические и культурные преобразования. Этим в значительной степени объясняется динамизм праздников, проявляющийся в изменении их состава, содержания и структуры, а также соотношения и традиционных элементов[1]. Говоря о праздниках, нельзя не упомянуть досуг, одной из форм проведения которого и были праздники и развлечения. Досуг понимается как составная часть непроизводственной жизнедеятельности, в том числе общественного и семейного быта[2]. Он имеет и важные социальные функции: взаимообмен информацией, опытом, знаниями; передача социального опыта и обычаев молодежи; сохранение и передача устного народного творчества; физическое воспитание – скачки, национальные виды спорта[3]. Развлечения же, как часть досуга, давали человеку возможность отдохнуть,

[1] *Полищук Н. С.* У истоков советских праздников // Советская этнография (далее – СЭ). 1987. № 6. С. 3.

[2] *Дзадзиев А. Б.* Традиционные формы проведения досуга в общественном быту осетинских крестьян в XIX – начале XX в. // СЭ. 1982. № 5. С. 72.

[3] Там же. С. 78.

полностью отключиться от будничных дел и погрузиться на время в радостную атмосферу народного празднества[1].

Вплоть до 1991 г. в Дагестане праздновались советские, календарные и религиозные праздники. К советским, особенностью которых было то, что они «родились как политические и идеологические»[2], относились: праздник в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, отмечаемый 7 ноября; праздник международной солидарности трудящихся, отмечаемый 1 мая; праздник Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., отмечаемый 9 мая; праздник в честь образования Советской армии и Военно-морского флота, отмечаемый 23 февраля; Международный женский день, отмечаемый 8 марта.

К календарным относились заимствованный и отмечаемый с советского времени Новый год, и отмечаемые нерегулярно и не во всех районах Дагестана, праздники первой борозды и весны, первого дня зимы («Оц бай», «Хъубуркъе», «Интнил хьхьу», «Яран сувар», «Эбелцан», «Эр», «Къыш гюйдюров»; «Хасел ч1араб сордо»), праздники цветов, сбора съедобных трав, черешни, сенокоса, жатвы, уборки урожая, чабана, животновода; игра-способ зимнего времяпровождения у даргинцев, табасаранцев и рутульцев – «Подбрасывание пирога».

Мусульманские религиозные праздники – «Ураза-байрам» и «Курбан-байрам» – в советское время официально не праздновались, а отмечались лишь верующими. Такое же положение наблюдалось и в отношении христианских и иудейских праздников. Празднование религиозных праздников членами КПСС, ВЛКСМ, пионерами и октябрятами не допускалось и порицалось.

С распадом СССР ушли в прошлое идеологические советские праздники. В России были учреждены новые государственные праздники, которые были объявлены всенародными выходны-

[1] *Анчабадзе Ю. Д.* Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. № 4. С. 116.

[2] *Полищук Н. С.* У истоков советских праздников. С. 3.

ми днями – Праздник весны и труда (отмечаемый, как и прежде 1 мая), День Победы (9 мая), День России (12 июня), День народного единства (4 ноября), Новый год (1 января), День защитника Отечества (23 февраля) и Международный женский день (8 марта).

Следует отметить, что новые российские праздники частью населения Дагестана воспринимаются индифферентно, а большинством – не отмечаются. Многие граждане не понимают и не могут объяснить, по какому поводу празднуются День России и День народного единства. Как это видно, из советского прошлого в календарь новых российских праздников перешли остающиеся популярными и у большей части населения Дагестана праздники, отмечаемые 23 февраля, 8 марта и 9 мая.

Члены КПРФ и сочувствующие этой партии в Дагестане традиционно отмечают праздники годовщин Дня Советской армии и Военно-Морского флота, Великой Октябрьской социалистической революции, международной солидарности трудящихся, дни рождения и годовщины смерти В. И. Ленина и И. В. Сталина. В дни этих праздников и памятных дней функционеры этой партии и сочувствующие устраивают на центральных площадях городов и сельских населенных пунктов шествия, пикеты, приемы в члены комсомола и пионеров, вахты памяти и тому подобные мероприятия.

В студенческой среде дагестанской молодежи 25 января традиционно отмечается Татьянин день (праздник всех студентов).

В то же время, в последние десятилетия, в связи со своеобразным религиозным ренессансом, празднования мусульманских «Ураза-байрама» и «Курбан-байрама» в Дагестане носят характер государственных и общенародных праздников.

Из традиционных праздников вплоть до последних лет в день весеннего равноденствия отмечался в основном только один календарный праздник – первой борозды и весны. Его отмечали даже в условиях города. В день праздника дети и подростки разжигали костры, взрослые ходили по гостям к родственникам и соседям, национальные театры устраивали представления. Следует

отметить, что празднование этого богатого разного рода массовыми действиями и песнями, и наполненными магическим и рациональным смыслом ритуалами календарного праздника в Дагестане вплоть до последнего времени можно отнести к значимым культурным феноменам этнической идентичности, сохраняющемся в условиях глобализации[1].

Наиболее ярко и зрелищно в последние десятилетия в Дагестане, как в сельской местности, так и в городе проходит празднование праздника весны и нового сельскохозяйственного года. У горцев этот праздник, отмечаемый повсеместно в день весеннего равноденствия 21 марта, отмечается как «праздник первой борозды». У народностей лезгинской этноязыковой группы (у лезгин – «Яран сувар», у табасаранцев – «Эбелцан», у агульцев – «Эвелцан», у рутульцев – «Эр»), дагестанских азербайджанцев («Новруз/Навруз»), у лакцев («Интнил хьхьу» – «Ночь весны»), у кумыков («Къыш гюйдюров» – «Проводы зимы») праздник отмечается как празднование наступления весны. Иногда праздник по его названию у дагестанских азербайджанцев в республиканских и российских СМИ называют «Навруз-байрамом».

Отмечаемый в день весеннего равноденствия праздник «Навруз» («Новруз») – один из древнейших восточных праздников, история которого восходит к древней Месопотамии. В сентябре 2009 года «Навруз» был включен ЮНЕСКО в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. С 2010 года по инициативе Азербайджана и Ирана праздник отмечается на уровне ООН.

В марте 2014 года Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов поздравил жителей республики с праздником «Навруз-байрам». В тексте его поздравления дагестанцам говорилось: «Этот

[1] *Сефербеков Р. И.* Мультикультурализм в Дагестане: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации // Материалы III международного конгресса кавказоведов «Мультикультурализм и толерантность на Кавказе». 23-26 октября 2013 г. Тбилиси, 2013. С. 267, 444-445.

прекрасный праздник является символом весны, радости и духовного обновления! Навруз-байрам всегда дарит нам новые надежды, умиротворение и нравственное очищение. Пусть и сегодня он принесет в каждую дагестанскую семью счастье и процветание, послужит укреплению согласия и взаимопонимания в обществе. Желаю всем дагестанцам успехов в добрых делах на пути возрождения нашей республики».

Празднование городскими лакцами «Интнил хьхьу» («Праздник весны») в последние 15 лет проходит в Махачкале вечером 21 марта, в доме у лидера национального совета лакского народа Амучина Амутинова. На празднике присутствует более 500 человек. Во дворе его дома разжигаются костры, через которые прыгают все желающие. Для гостей готовится угощение из традиционных блюд – варево из смеси зерновых и бобовых культур «хьхьари», слабоалкогольный хлебный напиток типа бузы – «дукр1а хъан», пироги с творогом и другими начинками (яйца, мясо, зелень, тыква).

Довольно зрелищно и красочно этот праздник отмечают лезгины республики. В мировоззрении народа этот праздник символизирует возрождение и обновление жизни, победу света над тьмой, весеннего тепла над зимним холодом, добра над злом, здоровья над болезнью, жизни над смертью. В одном из населенном лезгинами районов республики – Сулейман-Стальском, в 2014 году, в день весеннего равноденствия, 21 марта, повсеместно прошли мероприятия, посвященные празднику «Яран сувар». Особенно торжественно и массово празднование прошло на центральной площади районного центра с. Касумкент. Сельская площадь с утра была заполнена зрителями, которые собрались с разных селений района. До начала основного действа на площади звучала музыка и песни в исполнении коллективов художественной самодеятельности и народных артистов, жителей района радовали своим искусством канатоходцы. Открытие торжества началось с факельного шествия разжигания костра. Глава района Нариман Абдулмуталибов поздравил жителей района с праздником. В своем выступлении он обратился к жителям своего района и гостям со следующими словами: «Яран сувар» – радостный и светлый праздник, наполняющий сердца людей верой и надеждой, чувством добра и любви. Пусть этот праздник, знаменующий начало весны, послужит торжеству добра, принесет в дом каждого счастье и благополучие».

Праздник сопровождался народными песнями, танцами, обрядами, выступлением ряженых. Фольклорный ансамбль «Кюре» исполнил народные песни, танцы, продемонстрировал древние обряды и обычаи. Участников праздника угощали блюдами национальной кухни.

На празднике были организованы спортивные соревнования по шести видам спорта: поднятие тяжестей, армспорт, прыжки с места, метание камня, перетягивание каната, бег в мешках. Победителей соревнований наградили ценными призами и подарками. Мероприятие прошло организовано и интересно, оставив у его участников множество положительных эмоций и впечатлений. С наступлением темноты во всех селах района были разожжены костры, соседи шли друг к другу в гости, где угощались сладостями и блюдами традиционной лезгинской кухни.

В соседнем Хивском районе праздник «Эбелцан» проводится традиционно в последние два десятилетия как в табасаранских селениях, так и в районном центре, причем практически всегда праздник транслируется по республиканскому телевидению (РГВК).

Праздник широко отмечается не только в Южном Дагестане, но и в горной его части. Так, 23 марта 2014 г. праздник первой борозды с участием ряженых прошел у аварцев-гидатлинцев сс. Хучада и Тидиб Шамильского района, а 30 марта – в с. Мачада. Шамильский район всегда отличался своей высокой религиозностью, здесь всегда были сильны позиции мусульманского духовенства. Однако, несмотря на это, праздник первой борозды отмечают здесь ежегодно и со всеми его традиционными элементами, персонажами и ритуальными блюдами.

24 марта 2014 г. праздник отмечали в с. Заната (союз сельских обществ «Турутль») того же района, причем его проводят еще с советских времен и до наших дней без перерыва. Примечательно, что в последние два года здесь пахарь проводит первую борозду при помощи механического плуга.

26 марта того же года праздник первой борозды отмечали у аварцев-переселенцев в с. Ново-Хуштада Кизилюртовского района. Праздник транслировался по республиканскому телевидению в программе «Время новостей» по РГВК. В нем принимали участие и гости – переселенцы из Цумадинского района, обосновавшиеся в послевоенное время в Хасавюртовском районе республики.

Праздник отметили и в столице республики. В приуроченном к празднику концерте, который проводился в Махачкале на Родопском бульваре, приняли участие коллективы из пятнадцати районов республики, а также из Дербента, Дагестанских Огней и Кизляра. Один из главных атрибутов «Новруза» – праздничный стол, на котором должны быть плов, крашенные яйца, орехи и сладости, а также национальные блюда. К примеру, у лакцев к столу подают хлеб из сладкого теста «барта», курзе с яйцами, кашу из злаков и пироги. На столе обязательно должна быть проросшая пшеница, которая символизирует пробуждение земли и начало новой жизни.

Празднование праздника весны широко освещалось в российских СМИ. Вот как описывает праздник информационный портал «Юга. Портал Южного региона»: «С 19 по 22 марта 2014 г. в городах и районах Дагестана проходят мероприятия, посвященные празднику весны «Новруз». «Новруз» – праздник, знаменующий собой пробуждение и обновление природы, он широко отмечается на Востоке и у каждого из народов свои особенности его проведения. На площадях и в центрах культуры городов и районов Дагестана в эти дни проходят концерты, выступления самодеятельных коллективов, силами мерятся спортсмены. Целью проведения праздника являются сохранение, развитие и популяризация традиционной культуры и фольклора народов Дагестана, приобщение подрастающего поколения к самобытной национальной культуре, творческий взаимообмен и взаимообогащение культур народов», – отметили в пресс-службе Министерства культуры РД. Кульминацией праздника в Дагестане стал XIV Республиканский праздник весны «Новруз», который состоялся на площадке перед Аварским театром в г. Махачкале 19 марта. Участниками красочной концертной программы стали творческие коллективы и солисты-исполнители народных песен из Дахадаевского, Магарамкентского, Каякентского, Новолакского, Карабудахкентского, Левашинского, Унцукульского, Ахтынского, Гергебильского, Сергокалинского, Буйнакского, Дербентского, Хунзахского, Лакского, Докузпаринского, Тарумовского районов и городов Дагестанские Огни и Махачкалы. А также творческие коллективы РДНТ МК РД: фольклорный ансамбль «Балхар» и фольклорные группы рутульской, цахурской, агульской культуры.

В празднике приняли участие государственные коллективы: ногайский фольклорно-этнографический ансамбль «Айланай», терский ансамбль казачьей песни, хореографический ансамбль «Каспий».

Большое место в празднике занимает ритуальный костер. Люди разжигают костры и прыгают через его пламя, оставляя, по поверью, все болезни и беды в прошлом году. Считалось, что ритуальный огонь «Новруза» очищал тело и душу от болезней, сглаза и скверных мыслей»[1].

Вот как описывает этот праздник корреспондент «Российской газеты» Тимур Алиев: «В день весеннего равноденствия в Дагестане отметили праздник Новруз-байрам. «Новруз» - праздник, который широко отмечают многие народности республики. У каждой из них свои особенности проведения. Так, в южном Дагестане

[1] В Дагестане проходит праздник весны «Новруз» // Юга. Портал Южного региона. http://www. yuga. ru/news/325981/. 2014. 22 марта.

специально к этому дню проращивают зерно. Один из главных атрибутов «Новруза» – праздничный стол. Он накрыт национальными блюдами, пловом, крашеными яйцами, орехами и сладостями. На столе обязательно должна быть проросшая пшеница, которая символизирует пробуждение земли и начало новой жизни. Кульминацией праздника становится костер, которому с древних времен придавалось особое магическое значение. Считалось, что человек, перепрыгнувший в этот вечер через весенний костер, передает огню свои болезни и невзгоды. В Махачкале и других городах и населенных пунктах Дагестана прошли праздничные мероприятия, люди шли друг к другу в гости, чтобы поздравить с наступлением весны»[1].

21 марта «Новруз-байрам» отметили также в Дербенте. Празднования начались на площади у Лезгинского государственного музыкально-драматического театра. Вечером у крепости Нарын-кала прошло театрализованное представление, в котором артисты Азербайджанского государственного театра показали традиции и обычаи празднования «Новруза». Кульминацией праздничных мероприятий стал большой концерт, состоявшийся с наступлением темноты на площади Свободы, где был зажжен ритуальный костер. По поверью, люди, которые разжигают в праздник костры и прыгают через пламя, оставляют все болезни и беды в прошлом году.

21-22 марта 2014 г. разжиганием костров во дворах многоэтажек отметили праздник и в г. Каспийске.

В текущем году дагестанская диаспора приняла участие в проводимых Правительством Москвы при участии ряда иностранных диппредставительств общегородского праздника «Навруз» в Государственном центральном концертном зале (ГЦКЗ) «Россия» в «Лужниках» 22 марта. Следует отметить, что в российской столице «Навруз», как общегородской праздник, в этом году отметят в

[1] *Алиев Т.* В Дагестане встретили праздник весны «Новруз» // Российская газета. http://www. rg. ru/2014/03/22/reg-skfo/novruz. html. 2014. 22 марта.

восьмой раз. Праздничные мероприятия открылись в полдень гала-концертом мастеров искусств и продолжались до позднего вечера, завершившись «этно-дискотекой». В программу праздника были включены выставки-ярмарки национального прикладного искусства, дегустация блюд национальной кухони, а также выступления творческих коллективов Москвы.

Между тем, в социальных сетях появились призывы не отмечать «Новруз», как «не соответствующий канонам ислама». Одна из таких дискуссий развернулась в Facebook, в группе **«Дагестан в событиях»**. Когда пользователь Олок Юсупов поздравил всех с Новрузом, пожелав, чтобы год был мирный и плодородный, пользователь Шамиль Кураев ответил ему, что Новруз не является мусульманским праздником. Его поддержала пользователь с ником Абу Фатима, написавшая, что у мусульман всего два праздника – Ураза-байрам и Курбан-байрам. «Остальное нас не касается», – добавила она. «Как можно не отмечать такие праздники? Неужели в детстве костры не разводили до неба и через него не прыгали?». «Эх, видать у них детства не было», – возразил пользователь Альтерна Строй. Призывы к мусульманам не праздновать Новруз появились также в группе сторонников салафизма в социальной сети «Вконтакте», где 20 марта 2014 г. было размещен видеоролик «Новруз – праздник огнепоклонников».

Мусульманское духовенство республики осуждает празднование этого языческого праздника. С такой же позицией связано игнорирование и бойкотирование в последние годы большинством сельского и частично городского населения Дагестана Нового года и Дня Святого Валентина как языческих и христианских праздников. Мало того, в 2012 г. была подожжена елка, установленная на центральной площади г. Кизилюрта, а в 2013 г. – г. Хасавюрта. По этой же причине в остальных городах Дагестана елки на общественных площадях круглосуточно охраняются нарядами полиции.

Общей тенденцией праздничной календарной обрядности современного Дагестана является усиление позиций мусульманских религиозных праздников и ослабление позиций, а иногда игнорирование и прямой бойкот светских (новых российских праздников), языческих (праздник первой борозды и весны) и христианских (Новый год и День Святого Валентина) праздников. В тоже время дагестанцы в целом толерантно относятся к празднованию русскоязычным населением Дагестана христианских и иудейских праздников.

А. Х. Татаршаов,
Черкесск

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В ПЕРИОД РОССИЙСКИХ РЕФОРМ КОНЦА XX -НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Быстрый рост числа религиозных организаций и активизация их деятельности – одна из важных особенностей общественной жизни Карачаево-Черкесии в период глубоких демократических реформ в России конца XX–XXI веков. Если в 1990 году в Карачаево-Черкесии действовало всего 45 объединений различных религиозных объединений, то к 2001 году их число значительно возросло и достигло 169[1]. Они относились к 13 религиозным направлениям и толкам. Подавляющее большинство из них составляли традиционные для Карачаево-Черкесии конфессии: общества мусульман-суннитов Ханифитского мазхаба и общества Русской Православной Церкви. Незначительное число религиозных организаций представляли миссии и общины, такие как Карачаево-Черкесская христианская миссия «Свет народам», протестантские – поместная Церковь христиан-баптистов и общины «Свидетели Иеговы».

Рост числа религиозных организаций, усиление их влияния на массы объективно выдвинули перед органами власти задачу первостепенной важности – укрепления связей с различными конфессиональными объединениями, налаживание сотрудничества верующих, религиозных организаций и групп с властными

[1] Мягкова И. Борьба с религиозно-политическим экстремизмом – задача общероссийская //День Республики (далее ДР). 2001, №72 (15. 960). 23 июня.

структурами на местах, регулирования их деятельности в соответствии с российским законодательством. Важную роль в решении этой проблемы сыграл Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в 1990 году. Закон определил отношение органов власти и религиозных организаций с учётом глубинных демократических преобразований в стране. Он установил правовые нормы их взаимосвязи и взаимодействия при соблюдении принципов самостоятельности и невмешательства в дела друг друга.

Началу установления более тесных и регулярных связей органов власти Карачаево-Черкесии с религиозными организациями на новой принципиальной основе положил съезд мусульман Ставропольского края и Карачаево-Черкесии, который состоялся в Черкесске 24 января 1990 года. В его работе впервые в истории края и автономной области приняли участие представители руководства Ставропольского крайисполкома и Карачаево-Черкесского облисполкома[1].

Съезд определил задачи и основные направления деятельности религиозных организаций мусульман, пути совершенствования содержания и форм организации работы с верующими в условиях демократизации жизни общества. В выступлениях представителей органов власти прозвучала готовность оказать необходимую помощь и поддержку духовенству в их деятельности по возрождению и дальнейшему развитию традиционных для народов Карачаево-Черкесии и Ставрополья религий.

В соответствии с Законом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» 21июня 1991 года исполком Совета народных депутатов КЧАО преобразовал должность уполномоченного по делам религий при Совете Министров СССР по Карачаево-Черкесской автономной области[2]. Она стала называться «уполномоченный Карачаево-Черкесского облисполкома по связям с религиозными организациями. Такая реорганизация давала органам власти возможность более конкретно и целенаправленно строить свои отношения с религиозными организациями через своего уполномоченного в строгом соответствии с требованиями Закона «О свободе и религиозных организациях», направлять и контролировать его работу.

Религиозную ситуацию в Карачаево-Черкесии в начале демократических реформ серьёзно осложнило проникновение и распространение радикальных религиозно-политических течений в исламе. Их последователи, выступая с проповедями возрождения «чистоты ислама, подлинного единобожия», ставили перед собой далеко идущие политические цели, активно вмешивались в деятельность органов власти.

Первая такая организация на территории Карачаево-Черкесии официально была зарегистрирована решениями Малокарачаевского райисполкома от 29 марта и 26 марта 1991 года. Затем радикальные группировки стали распространяться в других городах и районах Карачаево-Черкесии.

Другой немаловажной причиной осложнения религиозной ситуации в Карачаево-Черкесии явилось, начавшееся ещё с конца горбачёвской перестройки усиленное влияние исламской партии возрождения. Её региональные лидеры под прикрытием защиты ислама и отстаивания интересов мусульман выдвигали политические задачи вхождения во властные структуры, всё откровеннее и настойчивее вмешивались в решение политических вопросов. По сути, исламская партия возрождения проповедовала те же радикальные идеи возвращения к «чистому» исламу под своим флагом. Фактически, в конце 80-х – начале 90-х годов в Карачаево-Черкесии начался процесс формирования религиозного радикально-протестного движения на основе объединения этнополитической и исламской идеологий. Радикально-исламистская программа апеллировала к мировой религии, очищенной от местных её «ис-

[1] Состоялся съезд мусульман//Газета «Ленинское знамя» (далее ЛЗ). 1990. №19 (14. 491). 27 января.

[2] Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее ГА КЧР), ф. 399, оп. 1, д. 2988, л. 117-118.

кажений и неверных толкований», «вредных» традиций народов, навязанных властью.

Идеологи «чистого» ислама умело использовали негативные последствия горбачёвской перестройки и приватизации собственности 90-х годов, недостатки в деятельности органов власти, отсутствие у неё внятной стратегии социального, экономического и политического развития общества, затягивания решения проблемы полной реабилитации репрессированных народов. При этом они делали ставку, в первую очередь, на молодёжь, лишённую получения, трудоустройства, карьерного роста.

30 ноября 1991 года состоялся первый съезд мусульман Карачая, который был подготовлен и созван оргкомитетом, сформированным местными лидерами исламской партией возрождения. Его делегаты рассмотрели ряд религиозных, политических и организационных вопросов. На нём руководитель оргкомитета по подготовке съезда, секретарь Всесоюзной исламской партии возрождения М. Биджиев (Биджи-улу) выступил с тезисами «О текущем моменте, общественно-религиозной и политической ситуации и необходимых мерах, диктуемых создавшейся обстановкой в Карачае» [1].

Съезд принял резолюцию, в которой поддержал стремление карачаевского народа к полной реабилитации и восстановление его государственности в статусе республики Карачай в составе России. Делегаты съезда рассмотрели организационный вопрос: избрали главой мусульман Карачая – имамом – Биджи-улу[2]. Таким образом, лидеры исламской партии возрождения, заручившись поддержкой съезда, выступили как самостоятельная религиозно-политическая сила на очень ответственном и во многом противоречивом этапе развития Карчаево-Черкесии. Тем самым они осложнили и без того непростую этнополитическую ситуацию в регионе.

[1] Информационное сообщение и репортаж с 1-го съезда мусульман Карачая //Ислам нюрю (Исламский мир). 1992, №5.

[2] Там же.

Следует, однако, при этом отметить, что решения съезда не изменили светский характер движения карачаевского народа за полную реабилитацию, которое по-прежнему возглавляло общество «Джамагат». Тем не менее, несоблюдение многими религиозными организациями российского законодательства, своих уставных требований, всё усиливавшееся их стремление выступать в роли политических партий, вмешиваться в работу органов власти и управления вызывали тревогу, определённую озабоченность у властных структур, широкой общественности, в первую очередь у руководства традиционных для народов Карачаево-Черкесии религий и их организаций.

Заметной вехой религиозной жизни Карачаево-Черкесии стал III внеочередной съезд мусульман Ставропольского края, состоявшийся 11 декабря 1991 года в Черкесске при активной поддержке и участии руководства КЧССР. Делегаты заслушали и обсудили информации муфтия духовного управления Ставропольского края (ДУМСК) аль-хаджи И. Бердиева и его заместителя, кадия аль-хаджи И. Бостанова о сложившейся обстановке в Карачаево-Черкесии: взаимоотношение религиозных обществ мусульман с политическими партиями и общественными организациями, первые итоги выполнения решений II внеочередного съезда мусульман.

В информации муфтия И. Бердиева духовное управление за время, прошедшее после II внеочередного съезда мусульман Ставропольского края, «проделало определённую положительную работу». В высшие и средние духовные учебные заведения были направлены 44 человека. Управление оказало содействие в создании и получении статуса юридического лица 21 мусульманской общине. Под его руководством продолжалась целенаправленная работа по обеспечению верующих религиозной литературой. С участием членов духовного управления было проведено 40 собраний мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края. Возросло число выступлений членов ДУМСК в средствах массовой информации с разъяснением мусульманского вероучения и нрав-

ственности. Продолжались их встречи и беседы с руководителями органов власти республики и края по вопросам укрепления материально-технической базы духовного управления и мечетей. Проведена необходимая организационная работа по обеспечению поездки в хадж 89 мусульман[1].

Делегаты съезда уделили особое внимание вопросу об отношении к партии исламского возрождения «в связи с попытками отдельных мусульман, попавших под её влияние и пытавшихся политизировать жизнь религиозных обществ через создания непредусмотренных уставом ДУМСК оргкомитета, имамата и других управленческих структур». Своим решением съезд объявил, что действия членов исламской партии возрождения «нарушают нормы шариата и могут привести к подмене религиозной жизни мусульман политической деятельностью». «Подмена религиозной жизни политикой препятствует мусульманам выполнять свои религиозные обязанности и способна превратить мечети в политические клубы, – указывалось в решении съезда. – Это неизбежно нанесёт ущерб мечетям как религиозным центрам и изменит предназначение религии ислам, мусульмане будут отвлечены от вопросов религиозной веры»[2].

Съезд решительно отверг идеи, которые проповедовала партия исламского возрождения, радикальные организации и группы. Он отмежевался от группы представителей исламской партии, которая появилась в зале в момент работы съезда с развёрнутым зелёным знаменем во главе со своими лидерами. Съезд единодушно осудил самозваных мусульманских лидеров, подчеркнул недопустимость привнесения политики в деятельность религиозных организаций, важность дальнейшего укрепления связей с органами власти, взаимодействия в противодействии проникновения и распространения среди верующих идей представителей политизированных воинствующих религиозных течений. «Съезд заявляет, – говорилось в принятой резолюции, – что попытки политических сил использовать здания мечетей, медресе, авторитет духовенства и религиозных обществ в целях политической борьбы осуждается как противоречащее нормам шариата и недостойное имени правоверного мусульманина»[1].

Делегаты единодушно осудили решения I съезда мусульман Карачая, состоявшегося в ноябре 1991 года. «Определённая группа людей, именующая себя партией исламского возрождения, вносит смятение и смуту в сердца верующих, вызывает тревогу у остальных народов республики, – указывали они. – Используя справедливые и законные требования карачаевцев вернуть отнятую у них автономию, реального выполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», эта группа призывает к крайним мерам, чуть ли к «джихаду» – священной войне»[2].

Вместе с тем в резолюции подчёркивалось, что участие мусульман, религиозных обществ, благотворительных, миротворческих и других общественных организаций, деятельность которых не предусматривает политических целей и направлена на добрые дела, соответствует духу ислама, будет поддерживаться всеми религиозными обществами и ДУМСК.

Делегаты одобрили работу президиума ДУМСК по выполнению решений II внеочередного съезда мусульман. В связи с изменением административного статуса Карачаево-Черкесии съезд преобразовал Духовное Управление мусульман Ставропольского края (ДУМСК) в Духовное Управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья (ДУМКЧиС)[3].

Съезд сформировал новый состав ДУМКЧиС, его руководителем – имамом был избран аль-хаджи И. М. Бердиев, заместителями

[1] Моисиенко Н. Под зелёным знаменем ислама – к власти? Послесловие к состоявшемуся в декабре III внеочередному съезду мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья //Вестник Кавказа. 1992, №1. Январь.

[2] Там же.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

муфтия – кадий аль-хаджи И. М. Бостанов и аль хаджи А-К. А. Байрамуков. Участники съезда обратились ко всем мусульманам Карачаево-Черкесии и Ставрополья с призывом «следовать нормам шариата, не допускать использование мечетей любыми группировками и партиями в политических целях, обеспечить деятельность мечетей как очагов религиозной жизни».

Важную роль в стабилизации религиозной обстановки в Карачаево-Черкесии сыграло письмо президиума ДУМКЧиС редакторам ряда газет, радио и телевидения, опубликованное 25 марта 1992 года, в котором критически были проанализированы и дана объективная оценка итогам как I съезда мусульман Карачая, так и III съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья[1].

Формальным поводом для обнародования текста письма послужило выступление-интервью одного из руководителей партии исламского возрождения М. Биджи-улу 24-25 февраля 1992 года по Российскому радио и центральному телевидению (ИТА). В письме речь шла о личности самого интервьюера. «Что касается М. Биджи-улу, – указывалось в нём, то он духовного образования не имеет, звания имама Карачая получил по существу на митинге сторонников своей партии, который они назвали съездом мусульман Карачая».

В письме разъяснялось, что согласно вероучению мусульман и уставу ДУМКЧиС право на созыв съезда имеет пленум, президиум и муфтий Духовного управления. Съезд может быть созван также по требованию не менее одной трети общего числа делегатов, которые были представлены на последнем съезде мусульман. «Ни одно из названных условий не было соблюдено организаторами указанного мероприятия, оно было проведено в обход Духовного управления и без представителей законно действующих религиозных мусульманских обществ, – подчёркивалось в документе. Подобное стало возможным потому, что сторонники указанной

[1] Бердиев И., Бостанов И. и др. Духовное управление протестует //ДР. 1992, №57 (15. 014). 25 марта.

партии, хотя и считают себя мусульманами, духовных знаний не имеют. Возможно, имея добрые намерения, они ряд вопросов мусульманского вероучения толкуют произвольно, чем наносят большой вред исламу и непосредственно мусульманам, внося раздор в их среду»[1].

III внеочередной съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья, указывали далее авторы письма, в отличие от решений съезда, состоявшегося в Карачаевске, придерживаясь принципа невмешательства религии в политическую жизнь, опираясь на мусульманское вероучение, осудил попытки политизировать жизнь религиозных объединений, превратить мечети в политические клубы, а духовенство – в партийных функционеров. В письме были осуждены также попытки деления мусульман по национальному признаку и создания должностей, не предусмотренных уставом ДУМКЧиС.

В заключение открытого письма его авторы предлагали руководителям СМИ «не выпускать в свет без ведома ДУМКЧиС (визы муфтия, его заместителя, или специально уведомляющего письма) любой материал, подготовленный лицом духовного звания или лицом, излагающим свой взгляд от имени религиозных объединений мусульман региона». Они выражали надежду «на понимание ответственности за последствия, к которым может привести некомпетентное вмешательство в дела веры не сведущих в религиозном вероучении лиц».

Решения III внеочередного съезда мусульман, а также выводы и предложения, изложенные в открытом письме ДУМКЧиС, как показала практика, сыграли важную позитивную роль в этнополитической жизни народов Карачаево-Черкесии. Они стали исходной позицией в отстаивании основ традиционного ислама в условиях продолжавшегося обострения ситуации в Северокавказском регионе. Они позволили в определённой мере нейтрализовать стремление отдельных радикальных групп политизиро-

[1] Там же.

вать ислам, использовать религиозные организации, различные конфессиональные объединения, заручиться их поддержкой для достижения конкретных политических целей. Они способствовали установлению долговременных устойчивых связей и сотрудничества религиозных организаций с органами власти на основе российского законодательства в их противодействии радикально настроенным группам, проявления с их стороны экстремизма, создании нормальных условий для спокойного функционирования и развития традиционных религий народов Карачаево-Черкесии.

Органы власти КЧР со своей стороны принимали меры по стабилизации религиозной обстановки в Карачаево-Черкесии, созданию условий для дальнейшего развития традиционных религий. Так, в марте 1993 года Правительство республики, учитывая настоятельное обращение представителей руководства ДУМКЧиС и представителей Русской Православной церкви, специальным распоряжением выделило здания в Черкесске для размещения православного лицея и исламского института имени имама Абу-Ханифа[1].

За счёт бюджетных средств, пожертвований прихожан, предпринимателей были отремонтированы учебные и вспомогательные помещения, приобретено необходимое учебно-техническое оборудование. Новым учебным заведениям Правительством республики были установлены льготные условия оплаты стоимости за коммунальные услуги.

В этот период, как никогда прежде, расширились масштабы строительства мечетей, храмов, молельных домов. В действие были введены десятки культовых учреждений, сооружённых народным способом, а также отдельными предпринимателями, семьями. Правительство КЧР, городские и районные органы власти, несмотря на испытываемые экономические трудности, оказывали возможную помощь религиозным обществам.

28 февраля 1992 года сессия Черкесского Совета народных депутатов положительно решила вопрос о восстановлении Ни-

[1] ГА КЧР, ф. 942, оп. 1, д. 72, л. 101–102.

кольского собора, разрушенного и снесённого в 1934 году[1]. По инициативе общин Русской Православной церкви и Баталпашинского казачьего круга начался сбор денежных средств на строительство храма. Начало этому благородному делу положил Крестный ход, состоявшийся 22 мая в Черкесске от Покровской церкви до центрального сквера, где стоял Никольский собор. «На месте разрушенного Никольского собора будет отслужен торжественный молебен с водосвятием, а также сбор пожертвований и продажа духовной литературы, – указывалось в обращении общины Святого Николая к горожанам. – Призываем вас принять участие в восстановлении храма Святителя Николая, ибо с его восстановлением начинается восстановление храма духовного»[2].

19 ноября 1998 года на площади Кирова города Черкесска состоялась церемония освящения места и закладки первого камня «в непоколебимое основание нового Никольского собора столицы Карачаево-Черкесии». В ней приняли участие многие горожане, жители республики, священнослужители, официальные представители Правительства КЧР, мэрии Черкесска, а также Ставропольской епархии[3]

В день Святителя Николая 19 декабря 1998 года глава КЧР В. Хубиев обратился к прихожанам строившегося Никольского храма в Черкесске и церкви в станице Красногорской, которая носит имя Святого Николая. В нём, в частности, говорилось: «Вы занимаетесь трудным, но благородным делом строительства и восстановления храмов. Это нелегко в наше время. Однако без духовного возрождения мы не можем решить ни материальные проблемы, ни вопросы мира, спокойствия и стабильности у нас в Карачаево-Черкесии и в России в целом. Уверен, что строительство храмов

[1] Сессия Черкесского Совета народных депутатов //ДР. 1992. №41 (14. 998). 3 марта.

[2] Обращение общины Святителя Николая. г. Черкесск //ДР. 1992, №91 (15. 048), 20 мая.

[3] Иваненко Н. Второе рождение храма? //ДР. 1998, №150 (15. 573), 24 декабря.

поможет укрепить наше общество, увеличить его духовное богатство и силу, будет способствовать сохранению дружбы между народами Карачаево-Черкесии, станет маленькой лептой в великом деле возрождения России»[1].

Строительство культовых сооружений шло повсеместно. В Карачаевске за счёт средств верующих, при активном участии руководства города были построены две мечети, молельный дом. В сёлах Учкекен и Первомайском Малокарачаевского района отдельными семьями, верующими при поддержке органов власти были воздвигнуты несколько мечетей. 29 октября 1994 года в селе Учкекен состоялось торжественное открытие соборной мечети[2].

В результате такой совместной работы религиозных организаций, органов власти, верующих в Карачаево-Черкесии за сравнительно короткий срок была воссоздана сеть религиозных учреждений. К 2010 году практически во всех населённых пунктах действовали мечеть, храм или молельный дом, а во многих из них – два и более строения разных конфессиональных объединений.

Одновременно осуществлялась подготовка кадров духовенства. В 1997 году Карачаево-Черкесский институт им. Имама Абу-Ханифа выпустил первых своих 9 воспитанников[3]. В следующем году исламский институт вручил дипломы уже 28 своим выпускникам, в числе которых были 12 девушек[4]. Всего к 2007 году институт выпустил 137 богословов, многие из которых возглавили религиозные организации, объединения, став проповедниками традиционного исламского вероучения. С открытием института отпала острая необходимость направления в страны Востока молодых людей для получения духовного образования. Таким образом, сама жизнь подтвердила ошибочность существовавшего

[1] Престольный праздник //ДР. 1998, №149 (15. 572), 22 декабря.

[2] Джаубаева А. К источнику любви и милосердия //ДР. 1994. №176 (15. 591), 10 декабря.

[3] Первые богословов КЧР//ДР. 1997, №84 (15. 357), 24 июля.

[4] Второй выпуск //ДР. 1998, №75 (15. 498), 2 июля.

долгое время мнения о том, что «не дело государства заботиться об обеспечении нужд населения, не исповедующего господствующую религию», приводившего нередко в местах с мусульманским населением к игнорированию потребности добиться повышения уровня образованности религиозных деятелей.

В целом, характеризуя религиозную ситуацию, сложившуюся в Карачаево-Черкесии в конце XX – начале XXI столетий, следует отметить усиление религиозного фактора, который демонстрировал всё возрастающий потенциал воздействия не только на религиозные, но и на социальные и этнополитические процессы в республике. Мирное, доброжелательное, довольно тесное сотрудничество религиозных организаций разных конфессий стало важным показателем проявления толерантности, веротерпимости народов современной Карачаево-Черкесии.

З. Т. Плиева,
Владикавказ

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Разработка и реализация эффективной национальной политики является приоритетным направлением деятельности руководства Российского государства на протяжении многих веков.

Особенности российской национальной политики на Северном Кавказе рассматриваются советскими, российскими, а также западными учеными, в основном, начиная с 1990–2000 гг. И этому есть вполне объективное объяснение. Во-первых, это период активных (в том числе и военных) действий, связанных с восстановлением государственного суверенитета Российской Федерации на территории Чеченской республики, во-вторых, появление территориальных межэтнических конфликтов, а также острые межнациональные противоречия, ознаменовавшие эпоху после распада Советского Союза в Северо-Кавказском регионе. Еще один важный момент – российскому руководству пришлось столкнуться с тем, что самые серьезные шаги в вопросах национальной политики нужно принимать именно на территории данной полиэтничной части государства, так как в новом Российском государстве эти вопросы выходят на первый план, после долгого периода существования Империи и Союза Советских Социалистических Республик – образованного по национальному признаку, и поэтому приоритетно рассматривающего интересы наций образующих 15 советских республик. А в отношении небольших народов, населявших

советское пространство, часто работал принцип – малым народам – малая история.

Именно в конце 90-х гг. издана работа В. С. Дякина Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX веков)[1], где приводятся концептуальные позиции автора по указанной проблеме, а также содержатся ценнейшие архивные документы. В 2000 г. переводится и издается работа А. Каппелера «Россия – многонациональная империя»[2]. Швейцарский специалист по истории Восточной Европы, доктор философии проводит глубокий анализ формирования взаимоотношений российского центра и его национальных окраин.

Можно сказать, что основные черты российской национальной политики вырабатывались под влиянием многих факторов: это династические межэтнические браки в целях снизить угрозу нападения – примером могут служить брачные союзы русских князей с дочерьми половецких ханов, или же династический брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной, заключенный по причине необходимости иметь верного союзника на южных рубежах. Эти события способствовали взаимному культурному, языковому сотрудничеству, кооперации[3].

В период активного собирания русских земель были разработаны основные методы экспансии на вновь включаемых территориях – это и искусная дипломатия, которая, однако, служила инструментом политики “divide et impera”[4], заключавшаяся в привлечении на свою сторону нерусской элиты, с последующим присуждением высоких государственных чинов, наград и жалований. Так же, можно отличить систему постепенного продвижения на окраины, долгое время являвшиеся фронтирами по периметру

[1] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX веков). СПб. : ЛИСС, 1998

[2] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

[3] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963

[4] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С. 20.

российских границ. Здесь можно наблюдать следующий алгоритм действий: «объявление протектората, скреплённого выражением лояльного волеизъявления, и кончая впоследствии полной аннексией, подкуп и фактическая скупка сравнительно маленьких территорий; военное завоевание, сопровождаемое самыми жестокими репрессиями: это оправдание аннексий политическими аргументами, такими как упрек в коллаборационистском сотрудничестве с зарубежными врагами Москвы»[1]. Так же, нередко использовались исторические обоснования территориальных притязаний, такие как утверждение, что все земли бывшего Великого княжества Владимирского являются вотчиной московских князей. Там, где требовалось принятие быстрого решения в интересах безопасности и политического могущества, могла применяться довольно жесткая схема, опробованная Иваном III, во время достаточно кровавого присоединения Новгородской республики и расправы и с ее вечевым устройством.

Политика кнута и пряника, или же чередование гибкой дипломатии и насильственных деяний стали отличительной чертой национальной российской политики на Северном Кавказе. При этом как в общих чертах, так и в частных случаях, каким, например, является пример жизни и деятельности в регионе А. Ермолова. Генерал проводил карательные экспедиции и воздвиг пограничную линию, а сыновья А. П. Ермолова от кибинных жен – представительниц кавказских народов, были офицерами русской армии и гордо носили боевые ордена за храбрость и мужество, полученные в боях. Многие его поступки действовали красноречивее увещеваний и подкупов, которые применялись российскими властями на присоединяемых территориях.

То, что Петербург решил в конце XVIII в. всё-таки приступить к реализации серьёзной программы, обозначенной еще Петром I в ходе его Персидского похода по присоединению Северного Кавказа к России, диктовалось военно-стратегическими мотивами,

[1] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С. 20.

экономическими расчётами и интересами, также новой политической ситуацией, сложившейся во времена управления страной Екатериной II и её окружения. Имперская политика Просвещённого абсолютизма требовала укрепления позиций на Востоке. Этому способствовали и внешние факторы. Набиравший обороты Восточный вопрос, помимо борьбы за влияние и обладание стратегически важными территориями, включал в себя и политическую борьбу за территории, принадлежащие и контролируемые Персией, которая к указанному периоду стремительно слабела. Таким образом, учитывая неудачный опыт с «Русскою Персией» – территориями Дагестана, находившимися в составе Российского государства после Персидского похода, но утерянные в период правления Анны Иоанновны, Российская империя начала бесповоротный поход на Кавказ.

Попытки политики христианизации, проводимые по отношению Казани по призыву протопопа Сильвестра, как известно, не привели к какому-либо результату, поэтому конфессиональный аспект рассматривался в череде мероприятий, проводимых на присоединённых территориях Северного Кавказа, достаточно осторожно, и в случае с исламизированными территориями Петербург доверился муфтияту Казани[1]. Наличие достаточно сильного исламского центра, и граждан – мусульман в стране должно было дополнительно содействовать пророссийским настроениям на Кавказе. Однако, как мы знаем, активная фаза утверждения России на Северном Кавказе совпала с процессом реисламизации и активных проповедей мюридизма. В первой половине XIX в. Петербург был еще далёк от осознания специфики данного течения в исламе и невозможности контроля конфессиональной ситуации посредством татарских мулл, отправленных на Северный Кавказ специально для того, чтобы с одной стороны показать, что у русского царя давно уже есть подданные мусульмане, а с другой стороны привести в единую систему исламские центры в Российской империи.

[1] Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. – С. 22.

Как отмечает Каппелер – «Методы, которыми действовала Москва в последующие десятилетия по отношению к Казанскому и Астраханскому ханствам – первым самостоятельным государствам с собственными, независимыми от Руси, резко отличающимися политическими традициями и высокой культурой, – также могут служить образцом последующей национальной политики»[1]. И действительно, именно на примере покорения этих двух ханств мы можем выделить достаточно чётко двойственность российской национальной политики – репрессии, и сменяющая их «гибкая, прагматичная политическая линия, которая должна была стать образцом всей русской «национальной политики» дореформенной эпохи»[2]. Такая ипостась русской национальной политики базировалась, прежде всего, на сотрудничестве с лояльными нерусскими элитами и на обещании не нарушать устоявшиеся общественные отношения. «Обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание её легитимности»[3], При этом можно отметить, что российскими властями признавались как равные представители нерусской элиты, имеющие положение в обществе, сопоставимое с сословным состоянием русского дворянства – это ханы, беки, уцмии, пши, алдары. Однако в северокавказских обществах, где еще господствовали родовые отношения, знать хоть и пользовалась привилегиями, однако на равных с российским дворянством не выступала.

Екатерина II под влиянием идей Просвещения окончательно отказалась от наступления на ислам и после 1763 г. отменила большинство дискриминационных мер. В 1788 г. для мусульманского духовенства создано своё ведомство – «Магометанское духовное собрание» под руководством муфтия.

Уже при Екатерине II Россия являет собой образец полиэтничной державы, что сполна можно отметить в державном ти-

[1] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С. 23.
[2] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С. 23.
[3] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 28.

туле императрицы – «Божьею поспешествующею милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных, Государыня и Великая Княгиня Новагорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и всея Северныя страны Повелительница и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследная Государыня и Обладательница. Таким образом, уже к началу XIX в., Российская империя являет собой уникальное гигантское евразийское государство, возникшее в результате продолжавшейся в течении столетий экспансии. Особенностью многонациональной России являлось то, что она «отличалась огромными этническим, конфессиональным, социальным, экономическим, административным, и культурным разнообразием»[1].

Выработав прагматично – гибкую правительственную политику, царизм шёл на уважение и признание, однако не без дифференциации, общественного и политического строя во вновь присоединённых землях[2]. Всё это вполне можно наблюдать на пёстрой карте Северо-Кавказского региона. Именно на этой территории в рамках Российской империи сохранялись и сосуществовали многочисленные элементы различных культур, социальных, экономических и административных структур, продолжали своё действие адаты. Уставом данной полиэтничной государственной

[1] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С. 86.
[2] Басиева З. М. К истории появления черкесоведческой литературы в Англии (конец 30-х – нач. 40-х гг. XIX в.) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014, № 1 : в 2-х ч. Ч. II. – С. 22.

схемы является проявление лояльности по отношению к царю и правящей династии. В случае проявления сепаратистских настроений, или ослабления в ориентации на Петербург, меры принимались жестокие, карательные, вплоть до ведения активных военных действий как это произошло во время Кавказской войны.

При изучении формирования российской национальной политики на Северном Кавказе в XIX веке следует учитывать следующие факторы:

- социо-этническая структура региона;
- межэтническое хозяйственное разделение труда, специфические функции, которые выполняли «инородцы» в различных сферах;
- характеристика религий и культур (системы образования, аккультурации);
- сопротивление российскому господству;
- характер российской национальной политики на Северном Кавказе в сравнении с другими регионами.

Нельзя не учитывать тот факт, что до первой всеобщей переписи населения 1897 г. данные об этническом составе Российской империи можно считать приблизительными. Особенно это очевидно на Северном Кавказе, так как высокая полиэтничность, культурное и языковое разнообразие, труднодоступность горных поселений делали ревизионные документы, которые включали в себя и этнические критерии, не очень точными. В целом, рассматривая общую ситуацию с положением нерусских народов в России к началу XIX в., можно выделить такую общую черту – сохранение нерусскими элитами своего положения и возможность иметь в собственности и дальше находившихся в зависимости от них крестьян. При этом существующие очаги межэтнической напряжённости, зачастую использовались для устранения нелояльных российской администрации групп населения.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ш. Авидзба
Приветственное слово 3

С. Ш. Салакая
Георгий Алексеевич Дзидзария 8

С. Г. Кудаева
Вклад А. Г. Дзидзария в формирование научной концепции абхазо-адыгского махаджирства 18

В. М. Пачулия
Военная история Абхазов XIX в. в трудах Г. А. Дзидзария 30

Ю. Д. Анчабадзе
Абхазская интеллигенция в исследованиях Г. А. Дзидзария и в судьбах xx столетия 40

Н. А. Трапш
Теоретико-методологическая концепция Г. А. Дзидзария: опыт системной реконструкции 55

С. -Х. Х. Мусхаджиев
Георгий Алексеевич Дзидзария – выдающийся кавказовед XX века 64

Н. А. Почешхов
Г. А. Дзидзария: о революции и гражданской войне в Абхазии 70

К. А. Миленькая
Нарративные источники о Западном Кавказе первой половины XIX столетия в исследовательских оценках Г. А. Дзидзария 74

М. Е. Колесникова
Северный Кавказ в исторических исследованиях XIX столетия 81

Р. Г. Мамий
Война. Политика. Культура (Кавказ: XIX – XX вв.) 91

А. Д. Панеш
Кавказская война как сложное переплетение конкретно-исторических факторов 102

Н. О. Блейх
Просветительская политика России в области начального образования на Кавказе во второй половине XIX века 114

Э.М. Чкок-Эшба
К истории русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афон (Греция) XIX в. 122

Т. А. Ачугба
Некоторые аспекты фальсификации истории и культуры абхазов в контексте грузино-абхазского конфликта 134

Л. П. Ермоленко
Развитие археологической науки на Северном Кавказе во второй половине XIX – первой четверти XX столетия 142

М. Ю. Камбачокова
Детский цикл обычаев и обрядов первых лет жизни у абазин XIX − XX столетий 156

Н. Г. Соловьева
Из истории горских евреев северокавказского региона (посёлок Джегонасско-Еврейский, вторая половина XIX – первая половина XX вв.) 164

М. С. Тхайцухов
Расселение этнических абазин в Турции в новейшей истории 175

О. И. Шафранова
Положение женщин в кавказских обществах согласно социально-правовым нормам XIX – начала XX в. 181

Б. Г. Марчанукова
К вопросу о репрессиях в 30-е годы XX в. 195

Е. С. Носачёва
Театральное искусство на Кавказе в XIX в. 203

К. Н. Паранук
Художественное изображение темы Кавказской войны XIX века в современной адыгейской прозе 210

М. Р. Аргун
«Кавказский Календарь» как источник по истории Абхазии 218

Е. А. Хошафян
Армянские этнические сообщества Дона и Абхазии: проблемы и перспективы сравнительного изучения 223

А. Х. Карданова, М. Б. Шенкао
Защита перевалов Главного Кавказского хребта (1942–1943 гг.) 231

Н. В. Кратова
Государственная конфессиональная политика в Карачаево-Черкесии в 1970–1980-е годы 242

А. Ф. Авидзба
Геополитический фон российско-грузинской встречи на высшем уровне 14 мая 1993 года и соглашения о прекращении огня в Абхазии.....252

Д. Т. Ачугба
О современных проблемах Абхазского государства в контексте глобальных геополитических противоречий..... 285

И. П. Добаев
Дискурсивные практики геополитической идентификации Юга России.....294

А. В. Баранов
Риски этноконфессиональной обособленности в идентификациях населения Северного Кавказа (конец XX – начало XXI вв.).....317

Р. И. Сефербеков
Праздничный календарь современного дагестана.....328

А. Х. Татаршаов
Религиозная ситуация в Карачаево-Черкесии в период российских реформ конца XX -начала XXI веков.....339

З. Т. Плиева
Формирование российской национальной политики на Северном Кавказе.....352

Материалы
Международной научной конференции
«Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории», посвященной 100-летию со дня рождения
Георгия Алексеевича Дзидзария

Редактор **Л.С. Пачулия**
Корректор **Л. М. Чкок**
Компьютерный набор **Л.Р. Чамагуа**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**

Формат 60х84 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 22,75. Усл. печ. л. 21,158.
Заказ № ....
Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.